

№2 (38) 2026

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

Входит в Перечень ВАК
Входит в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)
Журнал открытого доступа
Плата за публикацию с авторов не взимается

5.4 Социология

5.4.4 Социальная структура,
социальные институты и процессы
5.4.7 Социология управления

5.3 Психология

5.3.3 Психология труда, инженерная
психология, когнитивная эргономика

5.8 Педагогика

5.8.7 Методология и технология
профессионального образования

ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ
ИМ. А.А. ЛЕОНОВА

Свидетельство о регистрации Эл №ФС77-64254 от 25 декабря 2015 года

ISSN (On-line): 2500-4204

www.sgtjournal.ru

Научный журнал
«СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ»
№ 2 (38), 2026
ISSN (Online) 2500-4202

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации средства массовой информации: ЭЛ № ФС77-64254 от 25 декабря 2015 г.

Учредитель: «Технологический университет имени дважды Героя Советского Союза, летчика-космонавта А.А. Леонова» - филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный университет геодезии и картографии»,
г. Королев, Россия (141074, Московская обл., г. Королев, ул. Гагарина, д.42) / 16+

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Кирилина Т.Ю., доктор социологических наук, профессор

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Афонин И.Д., кандидат педагогических наук, доцент
Барков С.А., доктор социологических наук, профессор
Гайдабрус Н.В., кандидат философских наук, доцент
Гусева И.И., доктор философских наук, профессор
Долгорукова И.В., доктор социологических наук, профессор
Захарова Н.Л., доктор психологических наук, профессор
Капранова М.В., кандидат психологических наук, доцент
Когтева Е.В., кандидат социологических наук, доцент
Костыря С.С., кандидат психологических наук, доцент
Красикова Т.И., кандидат филологических наук, профессор
Кюрегян М.П., кандидат социологических наук
Лапшинова К.В., кандидат социологических наук, доцент
Ларионов А.Э., кандидат исторических наук, доцент
Магомедов К.О., доктор социологических наук, профессор
Морозюк С.Н., доктор психологических наук, профессор
Морозюк Ю.В., доктор психологических наук, профессор
Романов П.С., доктор педагогических наук, доцент
Старцева Т.Е., доктор педагогических наук, профессор
Тавокин Е.П., доктор социологических наук, профессор
Ткалич М.А., кандидат социологических наук

EDITOR-IN-CHIEF:

Kirilina T.Yu., Doctor of Sociology, Professor

EDITORIAL BOARD:

Afonin I.D., PhD {Pedagogy}, Associate professor
Barkov A.S., Doctor of Sociology, Professor
Gaydabrus N.V., PhD, Associate professor
Guseva I.I., Doctor of Philosophy, Professor
Dolgorukova I.V., Doctor of Sociology, Professor
Zakharova N.L., Doctor of Psychology, Professor
Kapranova M.V., PhD {Psychology}, Associate professor
Kogteva E.V., PhD {Sociology}, Associate Professor
Kostyrya S.S., PhD {Psychology}, Associate professor
Krasikova T.I., PhD {Philology}, Professor
Kyuregyan M.P., PhD {Sociology}
Lapshinova K.V., PhD {Sociology}, Associate professor
Larionov A.E., PhD {History}, Associate professor
Magomedov K.O., Doctor of Sociology, Professor
Morozyuk S.N., Doctor of Psychology, Professor
Morozyuk Yu.V., Doctor of Psychology, Professor
Romanov P.S., Doctor of Pedagogy, Associate professor
Startseva T.E., Doctor of Pedagogy, Professor
Tavokin E.P., Doctor of Sociology, Professor
Tkalic M.A., PhD {Sociology}

Над выпуском работали:

Паршина Ю.С.
Когтева У.А.

29.06.2026 г.

Адрес редакции:

141070, Королев, Ул. Октябрьская, 10а
Тел. (495)543-34-31
e-mail: sgt@ut-mo.ru
www.sgtjournal.ru

© Технологический университет

СОДЕРЖАНИЕ:

5.4.4 СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА, СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ 3

Долгорукова И.В., Рысин С.Л. Интеграция социологических опросов в исследования городских зелёных зон: опыт главного ботанического сада РАН.....	3
Кирилина Т.Ю., Лапшинова К.В. Чтение в жизни современных россиян: социологический анализ.....	12
Жиангерова Д. Р., Савин А. К. Комплексный подход к реабилитации лиц с инвалидностью и пожилых людей в условиях социального дома: интеграция профессиональной подготовки и досуговой деятельности.....	22

5.4.7 СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ..... 37

Демина С.В. Организационные дисфункции муниципальной службы как фактор снижения ее привлекательности для молодых специалистов.....	37
Ераносян В. М. Фактор безопасности в развитии современного туризма	43
Ланцев В. Л. Повышение эффективности управления в образовательных организациях в условиях неопределенности образовательных результатов	51
Ракович Е. В. Социальная экспертиза управленческих решений в области человеческих ресурсов вуза: проблемы реализации и направления совершенствования	58
Федоров Г.А. Социологический анализ факторов формирования профессиональной идентичности на этапе вхождения в профессию (на примере педагогических кадров системы общего образования Российской Федерации)	68

5.3.3 ПСИХОЛОГИЯ ТРУДА, ИНЖЕНЕРНАЯ ПСИХОЛОГИЯ, КОГНИТИВНАЯ ЭРГНОМИКА 80

Бучацкая М. В., Капранова М.В. Когнитивные и эмоциональные предикторы профессионального выгорания сотрудников коммерческой сферы с различным стажем работы.....	80
Жарких Н.Г., Костыря С.С., Островерхова Д.А. Психологическое сопровождение военнослужащих по призыву в период адаптации к условиям военной службы.....	86
Скамейкина А. С., Шамионов Р. М. Когнитивные искажения как психологический предиктор уровня тревожности у взрослых.....	109
Точилина Т. В., Шарова О. Л. Психологический фундамент профессии: о роли самоотношения в формировании профессиональной идентичности студентов-психологов	121

5.8.7 МЕТОДОЛОГИЯ И ТЕХНОЛОГИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ 129

Афониная Р.Н. Диалогическая модель в междисциплинарной интеграции дисциплин «Профессиональная педагогическая этика» и «Основы духовно-нравственного воспитания»	129
Есина Е. В. Интеграция ИИ-инструментов в формирование прагматической компетенции студентов лингвистических вузов.....	135
Квач И.В. Формирование профессиональных компетенций инженера: от плоского чертежа к электронной модели. Адаптация к реалиям производства	141
Кондина А.С. Нарративная концепция счастья в отечественной и зарубежной литературе как средство формирования профессиональной идентичности: межкультурный подход.....	149
Науров Д.М. Теоретико-методологические основы создания цифрового комплекса для развития силовой выносливости курсантов	157
Серегина А.А., Головяшкина М.А. Моделирование процесса активизации лингвистической компетенции студентов-лингвистов с использованием возможностей искусственного интеллекта	163

5.4.4 СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА, СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ

УДК 316**ОБ АВТОРАХ:**

Долгорукова Ирина Владимировна,
доктор социологических наук, профессор кафедры
социологии,
ФГБОУ ВО «Российский государственный
социальный университет», Москва, Россия

Рысин Сергей Львович,
кандидат биологических наук, ведущий научный
сотрудник, доцент кафедры лесных культур,
заведующий лабораторией,
ФГБУН Главный ботанический сад им. Н.В.Цицина
Российской академии наук, Москва, Россия

ABOUT THE AUTHORS:

Dolgorukova Irina V.,
Doctor of Sociological Sciences, Professor of the
Department of Sociology,
Russian State Social University, Moscow, Russia

Rysin Sergey L.,
Candidate of Biological Sciences, Leading Researcher,
Associate Professor of the Department of Forest Crops,
Head of the Laboratory,
N. N. Main Botanical Garden.V.Tsitsina, Russian
Academy of Sciences, Moscow, Russia

Долгорукова И.В., Рысин С.Л.

Интеграция социологических опросов в исследования городских зелёных зон: опыт главного ботанического сада РАН

В статье представлены результаты социологического исследования, направленного на анализ Главного ботанического сада им. Н.В. Цицина РАН как многофункционального городского пространства. Исследование базируется на опросе более 500 посетителей и позволяет оценить эффективность работы учреждения, выявить потребности аудитории и определить направления развития территории. Исследование показало, что Главный ботанический сад РАН выполняет важную социальную функцию, привлекая посетителей возможностью общения с природой и отдыха. Основными мотивами посещения являются прогулки на природе, благоприятная атмосфера для отдыха и разнообразие растительных коллекций. Наиболее посещаемыми зонами оказались лесные массивы, оранжереи и цветники. Анализ выявил ряд проблем, с которыми сталкиваются посетители: жажда и голод, усталость от длительной ходьбы, затруднения с ориентацией на территории и недостаточная доступность санитарно-гигиенических помещений. Эти данные позволяют оценить качество обслуживания и комфортность пребывания в саду. На основе полученных результатов сформулированы рекомендации по совершенствованию работы учреждения. Приоритетными направлениями стали: улучшение системы навигации, внедрение экологического освещения, развитие информационных

технологий и оптимизация размещения объектов сервиса. Исследование подчеркивает необходимость баланса между рекреационным развитием и сохранением природоохранной функции сада. Предложенные меры направлены на создание современного пространства, гармонично сочетающего научные, образовательные и социальные функции при безусловном приоритете сохранения биоразнообразия территории.

Ключевые слова: социологическое исследование, ботанический сад, рекреационная территория, качество обслуживания, комфортная среда, инфраструктура сада.

Для цитирования: Долгорукова И.В., Рысин С.Л. Интеграция социологических опросов в исследования городских зелёных зон: опыт главного ботанического сада РАН // Социально-гуманитарные технологии. 2026. №2 (38). С. 3-11.

Работа выполнена в рамках Государственного задания ГБС РАН № 126020916823-0.

Dolgorukova I.V., Rysin S.L.

Integration of sociological surveys into studies of urban green spaces: the experience of the Tsitsin Main Botanical Garden of the Russian Academy of Sciences

This article presents the results of a sociological study aimed at analyzing the Tsitsin Main Botanical Garden of the Russian Academy of Sciences as a multifunctional urban space. The study is based on a survey of over 500 visitors and allows us to

evaluate the institution's performance, identify audience needs, and determine areas for territorial development. The study showed that the Main Botanical Garden of the Russian Academy of Sciences fulfills an important social function, attracting visitors with the opportunity to connect with nature and relax. The main reasons for visiting are nature walks, a favorable atmosphere for relaxation, and a variety of plant collections. The most visited areas were forests, greenhouses, and flower beds. The analysis revealed a number of problems encountered by visitors: thirst and hunger, fatigue from long walks, difficulties with orientation within the territory, and insufficient accessibility of sanitary facilities. These data allow us to evaluate the quality of service and the comfort of a stay in the garden. Based on the findings, recommendations for improving the facility's operations were formulated. Priority areas included improving the navigation system, implementing eco-friendly lighting, developing information technology, and optimizing the placement of service facilities. The study emphasizes the need for a balance between recreational development and preserving the garden's conservation function. The proposed measures are aimed at creating a modern space that harmoniously combines scientific, educational, and social functions, with the unconditional priority of preserving the area's biodiversity.

Keywords: sociological research, botanical garden, recreational area, quality of service, comfortable environment, garden infrastructure.

For citation: Dolgorukova I.V., Rysin S.L. Integration of sociological surveys into studies of urban green spaces: the experience of the Tsitsin Main Botanical Garden of the Russian Academy of Sciences. *Sotsial'no-gumanitarnye tekhnologii*. 2026; 2 (38): 3-11. (In Russ.)

The research was carried out within the framework of the State Assignment of the MBG RAS No. 126020916823-0.

Введение

В контексте стремительных урбанизационных процессов городские зелёные массивы обретают статус стратегически значимого ресурса, обеспечивающего устойчивое развитие и формирование комфортной среды обитания человека. Функциональная нагрузка подобных объектов отличается поливалентностью: они участвуют в регуляции параметров микроклимата, способствуют фильтрации атмосферных загрязнителей, поддерживают естественное биологическое разнообразие и положительно влияют на психоэмоциональное состояние жителей, создавая тем самым условия для полноценной жизнедеятельности в городе.

Среди прочих элементов озеленения Москвы ключевые позиции занимает Главный ботанический сад им. Н.В. Цицина Российской академии наук (далее - ГБС РАН, Ботанический сад, Сад). Данный объект относится к числу наиболее крупных ботанических садов в мире и имеет статус особо охраняемой природной территории (ООПТ) федерального значения [2, 3].

ГБС РАН выступает не только как научное учреждение, но и как признанная образовательная платформа. На его базе студенты биологических специальностей из различных вузов Москвы получают возможность проходить производственные практики и выполнять исследовательские работы. Помимо этого, на территории Сада на регулярной основе организуют тематические экскурсии, проводят научно-практические семинары ботанической и экологической направленности, а также обучающие мастер-классы для разных возрастных категорий. Значимая роль отводится просветительской деятельности: через систему образовательных программ коллектив ГБС РАН содействует росту экологической грамотности населения и распространению достоверных данных о растительном мире. В числе реализуемых форматов лекции, групповые и персональные консультации, выставочные проекты, а также профильные конференции и рабочие совещания.

Ботанический сад воспринимается и как крупная рекреационная территория, ежегодно принимающая несколько сотен тысяч посетителей. Ключевые экспозиционные зоны («Японский сад», розарий, фондовая оранжерея, дендрарий, участки природной флоры, коллекции декоративных и культурных растений) создают условия для самых разных форм досуга.

Особое внимание посетителей привлекает лесная часть ГБС РАН. Её основу составляет Останкинская дубрава, исторически связанная лесными массивами, первые письменные свидетельства о которых датируются второй половиной XVI века. Разнообразные рекреационные возможности Сада - от спокойных прогулок по лесным тропам до активного отдыха - привлекают горожан, ищущих качественный досуг в мегаполисе. Здесь можно заниматься спортом, делать фотографии растений и животных,

наблюдать за природой в естественной среде, наслаждаться мелодичным пением птиц. Тишина и умиротворение среди вековых деревьев создают идеальные условия для восстановления душевного равновесия и отдыха от городской суеты. Лесные массивы удачно дополняют благоустроенные рекреационные пространства Сада, позволяя посетителям ощутить связь с природой, не покидая городской черты.

В современных реалиях успешная деятельность ГБС РАН в сферах просвещения, образования и рекреации напрямую зависит от глубокого понимания того, что именно привлекает и заинтересовывает посетителей. Именно поэтому весьма важно регулярно проводить социологические исследования - они становятся ключевым инструментом при планировании работы учреждения и оценке эффективности его деятельности.

Подобные исследования позволяют не просто обозначить приоритетные направления развития Ботанического сада, но и выявить, какие форматы взаимодействия с аудиторией пользуются наибольшим спросом. Полученные данные становятся основой для улучшения различных компонентов инфраструктуры — от информационных стендов и систем навигации до оптимизации маршрутов по экспозиционным зонам.

Такой подход к анализу общественного мнения формирует надёжную связь между фундаментальными задачами ГБС РАН и актуальными запросами посетителей. Это даёт возможность адаптировать работу Сада к меняющимся условиям, не нарушая при этом его уникальный научный и природоохранный статус.

Методика

Применение социологических подходов в ходе оценки качества городской среды и экологического состояния урбанизированных территорий опирается на длительную научную традицию. Методологически данное направление восходит к принципам социоэкологических исследований, заложенным в 1920-е годы в Чикагском университете.

В известной монографии «The City» («Город») Р. Парк и Э. Берджесс рассматривают вопросы размещения различных социальных групп в структуре городского пространства [13, с. 261]. Исследователи предлагают выделять на территории города социоэкологические зоны, каждая из которых, по их мнению, по-своему влияет на процессы социализации проживающих там людей. Р. Дэсманн в работе «Environmental Conservation» обращает внимание на то, что такие параметры среды, как акустический фон (уровень шума) и гидрохимические характеристики (качество воды), выступают значимыми детерминантами социального благополучия населения на конкретной территории [12, с. 89].

Что касается отечественной социологической традиции, то интерес к экологической составляющей развития городских социальных пространств стал отчетливо проявляться в СССР во второй половине 1980-х годов. В работах О.Н. Яницкого [11, с. 125], Б.Б. Прохорова [6, с. 165] и А.В. Баранова [1, с. 165] были не только сформулированы базовые методологические принципы, но и предложены системы индикаторов, пригодные для анализа качества рекреационных городских зон. Кроме того, указанные авторы обозначили специфику проведения социологических исследований применительно к экологической проблематике современного города.

Социологические исследования проводятся в настоящее время в ведущих ботанических садах России - ГБС РАН и Ботаническом саду Петра Великого (Санкт-Петербург) [4,5,7,8,10]. В рамках этих исследований анализировались предпочтения посетителей, изучались их потребности и осуществлялась оценка эффективности работы учреждений.

В 2025 году был осуществлён совместный научный проект, реализованный Главным ботаническим садом имени Н.В. Цицина РАН и Российским государственным социальным университетом. Целью проекта выступало исследование качества рекреационных зон, расположенных на территории Ботанического сада. В процессе исследовательской работы анализировались различные аспекты функционирования Сада: качество инфраструктурных объектов, эффективность работы системы навигационных указателей, доступность сервисных услуг и общее восприятие пространственной среды посетителями. Отдельно изучались перспективы дальнейшего развития конкретных локаций и

экспозиционных зон, в том числе давалась оценка рекреационного потенциала урбанизированного природного комплекса.

Эмпирическая часть исследования строилась на применении метода личного (очного) анкетирования. В опросе добровольно участвовало более 500 посетителей, находившихся в различных зонах ГБС РАН. Сбор первичных данных осуществлялся с использованием направленной (целевой) выборки. Полученные в ходе исследования результаты предоставили ценный материал относительно характера восприятия территории Сада его посетителями, а также позволили обозначить ключевые направления оптимизации рекреационного потенциала учреждения с учётом его особого природоохранного статуса.

Результаты

В результате проведения опроса среди посетителей ГБС РАН была получена информация, касающаяся периодичности визитов на территорию Сада, определяющих факторов его привлекательности, востребованности конкретных зон, текущего состояния инфраструктурных объектов, а также мнений респондентов относительно возможных направлений развития данной территории.

1. Социальные практики рекреации посетителей урбанизированного природного пространства

Установлено, что 28,6 % от общего числа опрошенных посещают Сад с периодичностью менее двух-трёх раз на протяжении одного календарного года. Ещё 25,6 % респондентов бывают на его территории два или три раза в год. В то же время 17 % участвовавших в анкетировании граждан совершают визиты в Сад еженедельно, что свидетельствует о сложившейся постоянной аудитории, для которой данный объект стал элементом повседневной рутины (рис. 1).

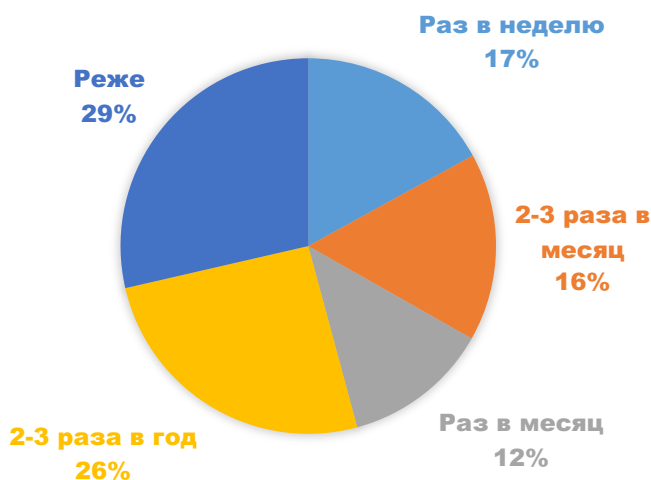

Рисунок 1. Частота посещения Ботанического сада (в % к общему числу опрошенных)

Результативность развития Ботанического сада в качестве рекреационной территории в значительной степени обусловлена корректным установлением приоритетных векторов его совершенствования. Указанные направления, в свою очередь, должны опираться на анализ предпочтений и ожиданий, высказываемых посетителями (рис. 2).

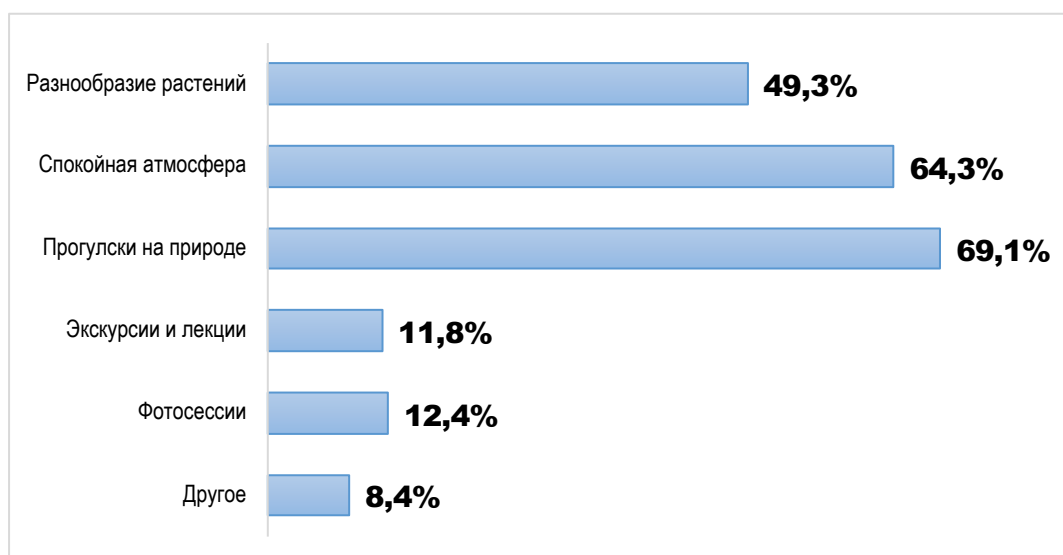

Рисунок 2. Распределение ответов респондентов на вопрос «Что Вас привлекло в Ботанический сад» (в % к общему числу опрошенных, возможно несколько вариантов ответа)

Согласно полученным данным, наиболее значимым побудительным мотивом для 69,1 % опрошенных являются пешие прогулки в условиях природного ландшафта. На втором месте по степени значимости (64,3 % голосов) оказалась особая, располагающая к отдыху атмосфера, которую респонденты характеризуют как «умиротворяющую». Третий по весу фактор - многообразие ботанических коллекций, представленных на территории Сада, - отметили 49,3 % участников анкетирования.

Возможность фотографировать в ходе визита назвали значимой 12,4 % посетителей; данный показатель, по-видимому, отражает современные тенденции, связанные с развитием визуальной составляющей в повседневной культуре. Образовательные форматы и экскурсионное обслуживание привлекли 11,8 % респондентов, что, в свою очередь, свидетельствует о востребованности научно-просветительской функции учреждения. Ещё 8,4 % опрошенных указали иные причины посещения, не попадающие в предлагавшийся перечень стандартных вариантов, - это говорит о наличии разнообразных индивидуальных сценариев использования пространства Сада.

Опрос показал, что почти 70 % посетителей ботанического сада предпочитают гулять в лесных массивах. Респонденты отметили, что только там можно отдохнуть и расслабиться. Кто-то гуляет по дорогам и тропам, кто-то выходит на пробежку, многие катаются на велосипедах. Лесные участки сада привлекают посетителей своей протяжённостью - это особенно ценно для велосипедистов и обладателей средств индивидуальной мобильности (СИМ). Статус Ботанического сада не позволяет устраивать шумные пикники с громкой музыкой. Однако посетителей такое ограничение не отпугивает. Наоборот, те, кто ищет тишины и уединения, едут сюда охотно.

На втором месте по популярности оказалась фондовая оранжерея Сада. Её выбрали для посещения 48,9 % опрошенных, которых привлекают коллекции тропических и субтропических растений. Многие отмечали, что приезжают в сад именно за тем, чтобы увидеть представителей экзотической флоры, ощутить необычные запахи, оказаться в непривычной, «тропической» атмосфере. Было отмечено и то, что оранжерея удобно расположена, близко находятся городские инфраструктурные объекты (остановки общественного транспорта, магазины и др.).

Почётное третье место в рейтинге зон ГБС РАН заняли экспозиции с декоративными растениями, набрав 47 % голосов респондентов. Секрет устойчивого интереса посетителей кроется в динамичной смене облика композиций: регулярные обновления позволяют территории постоянно выглядеть свежо и привлекательно. Многие гости специально планируют визиты, чтобы насладиться яркими красками и ароматами цветущих растений. Это подчёркивает важность грамотного подбора ассортимента растений - учёт сроков и длительности цветения создаёт непрерывный цикл визуальных впечатлений, что весьма важно для поддержания интереса публики.

2. Оценка посетителями качества рекреационной зоны

По результатам анкетирования, посетители высоко оценили чистоту в Ботаническом саду: она, по их мнению, в целом соответствует ожиданиям. Тем не менее были высказаны и некоторые пожелания. Респонденты высказались за необходимость лучше продумать, где поставить точки питания и туалеты. По мнению опрошенных, чаще всего такие объекты нужны у входов, возле основных прогулочных аллей и в самых людных местах.

Были выявлены ключевые проблемы, снижающие комфорт посетителей Сада. 29,4 % опрошенных отметили отсутствие благоустроенных мест для удобного отдыха вдоль протяжённых маршрутов. Почти столько же (29,7 %) указали на сложности с поиском точек питания и необходимость расширения сети киосков и кафе. Около 20 % респондентов пожаловались на трудности с ориентацией на территории, что указывает на потребность в улучшении системы навигации и установке информационных стендов. Кроме того, посетители отметили удалённость туалетов от ключевых зон парка.

Примечательно, что опрос выявил неоднозначное отношение посетителей к организации питания. 47,3% опрошенных выступают за расширение сети мобильных торговых точек (киосков). К достоинствам такого решения они относят отсутствие необходимости в возведении капитальных сооружений, а также возможность перемещать киоски по территории Сада в зависимости от сезонных изменений и популярности зон. 32,9% участников опроса отдают предпочтение стационарным заведениям (кафе), отмечая важность комфортных условий для неспешного приёма пищи во время отдыха. При этом около 10% респондентов категорически не поддерживают появление новых точек питания. Их позиция базируется на двух аргументах: важность сохранения природного облика и экологической чистоты Ботанического сада, а также убеждение, что посетители приходят сюда не для приёма пищи, а для того, чтобы насладиться атмосферой леса, цветов и т.п.

Анализ мнений посетителей показывает, что 73,3% опрошенных не видят необходимости в увеличении числа зон для отдыха в Ботаническом саду. Респонденты также указали, что некоторые участки сада естественным образом предназначены для активных развлечений (экскурсий, занятий спортом, фотосъёмки, велопогулок и др.), а потому не требуют создания дополнительных площадок для спокойного отдыха. Это свидетельствует о том, что Главный ботанический сад РАН демонстрирует рациональный подход к организации пространства - он эффективно совмещает возможности для полноценного отдыха и активного времяпрепровождения, что характерно для успешных городских рекреационных зон.

3. Перспективы развития экспозиций и локаций урбанизированной природной зоны

Интервьюеры задавали посетителям ГБС РАН вопрос о видах активностей, которые они хотели бы видеть в лесных зонах Сада. Наибольший интерес респондентов вызывает обустройство экологических троп, мест для пикников, а также возможность наблюдать и кормить птиц. Кроме того, посетители отмечают важность возможности проводить фотосессии и делать интересные фотографии для социальных сетей (рис. 3).

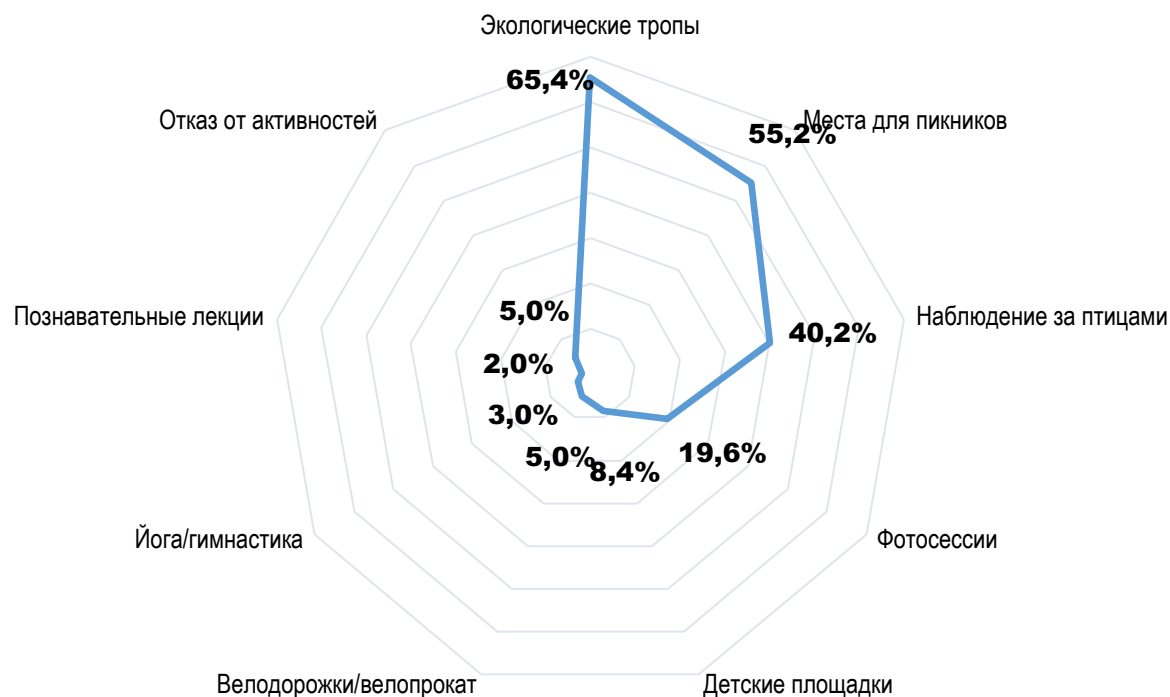

Рисунок 3. Распределение ответов респондентов на вопрос «Какие активности вы бы хотели видеть в лесных зонах?» (в % от общего числа опрошенных, возможно несколько вариантов ответа)

Анализ результатов опроса выявил любопытные взаимосвязи в запросах посетителей. С одной стороны, респонденты, выступающие за расширение сети экологических троп, чаще также интересовались организацией зимней подкормки птиц. С другой стороны, запрос на увеличение числа фотозон зачастую сопровождался желанием видеть в Саду площадки для йоги. При этом 5% опрошенных категорически выступили против любых нововведений. По их мнению, Ботанический сад не должен превращаться в «парк аттракционов» — его основная задача заключается в сохранении природного ландшафта и научной деятельности (изучении и культивировании редких растений).

В последние годы в городской общественной дискуссии активно обсуждается проблема распространения средств индивидуальной мобильности в условиях урбанизированной среды. В рамках данной полемики поднимаются вопросы ужесточения нормативных требований к пользователям СИМ, выделения специально отведённых зон для их передвижения, а также обеспечения безопасности пешеходов [9].

В этой связи представляется актуальным проанализировать возможные варианты интеграции СИМ в концептуальные модели развития городских парковых территорий рекреационного назначения. Результаты опроса посетителей продемонстрировали неоднозначное отношение к использованию СИМ на территории ГБС РАН. Большинство опрошенных высказались против: 19 % выбрали позицию «Скорее против», а 32,2 % — «Категорически против». Нейтральную позицию заняли 25 % респондентов, что свидетельствует об отсутствии чётко сформулированной точки зрения у значительной части аудитории. Частичную поддержку идее выразили 13,6 % участников, допускающих использование СИМ при соблюдении определённых регламентирующих условий (выделение специализированных зон, ограничение скоростного режима). Полностью поддержали данную инициативу 16,2 % опрошенных. Межгрупповой анализ по возрастному признаку выявил показательную тенденцию: среди молодёжи (в возрастном интервале 18–35 лет) преобладает нейтральное отношение, а значительная часть респондентов данной когорты поддерживает распространение СИМ. В возрастных группах старшего возраста количество противников подобного вида передвижения значительно выше. Таким образом, вопрос интеграции средств индивидуальной мобильности в парковое пространство требует взвешенного

нормативного регулирования, учитывающего мнение различных категорий посетителей, а также специфику самой территории.

Обсуждение

В ходе данного исследования было проведено очное анкетирование посетителей на территории ГБС РАН. У такого подхода есть значимое преимущество, связанное с тем, что респонденты дают оценку качеству городской природной зоны в тот самый момент, когда непосредственно находится в ней. Этот подход значительно отличается от применявших ранее, основанных на постанализе оценок посетителей в социальных сетях и на сайтах [4]. Важным плюсом является то, что респондент как бы погружён в ситуацию, оценки фиксируются в реальном времени, прямо во время визита.

Необходимо учесть, что большинство гостей бывает в Саду от случая к случаю. 54,2 % посещают Ботанический сад либо реже двух-трёх раз в год, либо не чаще двух раз за год. Для многих это не повседневное место отдыха, а своего рода приключение, «выезд на природу». Постоянными посетителями являлись лишь 17 % опрошенных. Это те респонденты, кто сознательно выбирают Ботанический сад для прогулок и занятий спортом, либо просто живут рядом.

Респонденты выбирают для прогулок лесные зоны Сада по причине их многофункциональности. В лесной зоне можно прогуляться в одиночестве, тишине, насладиться природой. Оранжереи же ценят за другое - они расположены вблизи городской застройки, рядом с транспортом и привычной инфраструктурой, что очень удобно для занятых горожан. Сезонная смена цветочных композиций привлекает посетителей тем, что каждый раз хочется вернуться и увидеть что-то новое.

Развитие таких городских зон отдыха, как Ботанический сад, требует точечных инфраструктурных решений. Опрошенные посетители жаловались на голод и жажду, на усталость от долгих переходов и на то, что в Саду легко заблудиться. Для решения этих проблем вполне достаточно разместить небольшие киоски с едой и питьём в самых оживлённых местах, добавить побольше скамеек вдоль длинных маршрутов, а также доработать навигацию (указатели, интерактивные карты или даже выпустить специальное мобильное приложение с подробными маршрутами).

Мнения посетителей о том, стоит ли расширять перечень активностей в саду, разделились. Это показывает, как важно соблюдать баланс между уединённостью и доступными развлечениями. При всей своей обустроенности Ботанический сад должен оставаться в первую очередь местом, где человек может спокойно и гармонично общаться с природой, а не просто очередной развлекательной площадкой под открытым небом.

Заключение

Обобщение результатов опроса посетителей Главного ботанического сада имени Н. В. Цицина Российской академии наук, а также систематизация выдвинутых ими предложений позволяют заключить, что значительная часть сформулированных идей обладает практической осуществимостью. Непременным условием при этом выступает учёт особого статуса ГБС РАН как академического научного учреждения, так и особо охраняемой природной территории федерального значения. Важно соблюдение баланса между повышением привлекательности Сада для рекреации, с одной стороны, и сохранением его природоохранных функций - с другой.

Необходим комплексный подход к устройству ландшафта, при котором соблюдение охрannого режима, установленного для ООПТ, остаётся обязательным. В рамках существующего функционального зонирования территории ГБС РАН предлагается разграничивать зоны научного назначения с ограниченным доступом, необходимым для защиты коллекций живых растений, рекреационные пространства предназначенные для отдыха населения и занятий физической активностью, маршруты познавательного характера снабжаемые соответствующей инфраструктурой, а также зоны обслуживания, где располагаются объекты, обеспечивающие комфорт посетителей.

В числе первоочередных мероприятий фигурируют наименее рискованные с экологической точки зрения инициативы. К ним можно отнести улучшение навигации по территории, установка экологических осветительных приборов на базе современных светодиодных решений и перевод информационных

материалов в цифровой формат с задействованием QR-кодов. Реализация названных мер позволяет повысить просветительский потенциал Сада, не причиняя вреда его научной работе.

На последующих этапах развития предполагается обустройство рекреационной инфраструктуры при неукоснительном соблюдении экологических требований. При прокладке велосипедных трасс и обустройстве мест отдыха повышенное внимание уделяется недопущению разрушительного антропогенного воздействия на ценные ботанические коллекции и природные комплексы, отличающиеся повышенной уязвимостью. Размещение сервисных объектов должно производиться в соответствии с экологическими и санитарными нормами, действующими на ООПТ, включая внедрение раздельного сбора отходов и использование материалов, безопасных для окружающей среды. Запрет на организацию мангальных площадок на территории ботанического сада носит безусловный характер ввиду высокой степени экологических рисков, связанных с пожароопасностью и вероятностью нарушения сложившегося природного равновесия.

Успешность воплощения перечисленных инициатив напрямую зависит от систематического экологического контроля и учёта запросов посетителей. Привлечение волонтёрских кадров к природоохранным мероприятиям способствует укреплению связей между учреждением и широкой общественностью. Избранный подход позволяет сформировать современное многоцелевое пространство, в котором научные, познавательные и рекреационные функции находятся в гармонии при абсолютном приоритете сохранения биологического разнообразия ООПТ.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Баранов А.В. Социально-демографическое развитие крупного города. М.: Финансы и статистика, 1981. - 191с.
2. Главный ботанический сад им. Н.В. Цицина РАН [Электронный ресурс] // Большая российская энциклопедия. URL: <https://bigenc.ru/c/glavnyi-botanicheskii-sad-imeni-n-v-tsitsina-ran-07bb7d> (дата обращения 04.05.2026).
3. Демидов А.С., Потапова С.А. Главный ботанический сад им. Н.В. Цицина РАН как научный, образовательный и рекреационный центр Москвы // Современные проблемы сервиса и туризма. 2013. №1. С. 82-86.
4. Калугин Ю.Г., Мусинова Л.П. Направления социологических исследований в Ботаническом саду Петра Великого // Ландшафтная архитектура в ботанических садах и дендропарках: материалы XII Международной конференции, приуроченной к 80-летию Ботанического сада Иркутского государственного университета. Иркутск, 17–22 августа 2021 года / ФГБОУ ВО «ИГУ»; отв. ред. С. В. Сизых. – Иркутск: Издательство ИГУ, 2021. С. 27-30.
5. Наместникова Ю.Е. Велосипедное движение в ботанических садах: здоровый образ жизни или столкновение социальных интересов (на примере ГБС РАН) // Ландшафтная архитектура в эпоху глобализации. 2020. № 1. С. 67–73.
6. Прохоров Б.Б. Введение в экологию человека: социально-демографический аспект. ~ М.: МНЭПУ, 1995. С. 164-175
7. Рындин Д.С., Гусев Е.М. Значение интернет-опроса в разработке правил посещения ботанических садов // Сборник научных трудов ГНБС. 2018. Том 147. С. 244-246.
8. Санаева Т.С., Кутьева Е.В. Исследование рекреационной активности на территории Главного ботанического сада им. Н.В. Цицина РАН в условиях интенсивного развития прилегающих городских кварталов // Лесной вестник. 2015. №1. С. 121-126.
9. Скоростная чума XXI века: как электросамокаты стали головной болью и опасным оружием [Электронный ресурс] // Метро. URL: <https://www.gazetametro.ru/articles/skorostnaja-chuma-xxi-veka-kak-elektrosamokaty-stali-golovnoj-bolju-i-opasnym-oruzhiem-04-04-2023> (дата обращения: 04.05.2026)
10. Студенты-социологи провели исследования совместно с Ботаническим садом Петра Великого [Электронный ресурс] // НИУ ВШЭ в Санкт-Петербурге. URL: <https://spb.hse.ru/news/937332461.html> (дата обращения: 04.05.2026).
11. Яницкий О.Н. Экологическая перспектива города. – М.: Мысль, 1987. – 278 с.
12. Dasmann Raymond F. Environmental Conservation. - New York : Wiley, 1976 - IA1992524
13. McKenzie, Roderick D.; Park, Robert Ezra; Burgess, Ernest Watson. The City (англ.). - Chicago:University of Chicago Press, 1967 - ISBN 0-226-64611-4

УДК 316**ОБ АВТОРАХ:****Кирилина Татьяна Юрьевна,**

доктор социологических наук, профессор,
профессор кафедры философии, политологии,
социологии им. Г. С. Арефьевой,
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего
образования «Национальный исследовательский
университет «МЭИ», Москва, Россия

Лапшинова Кира Викторовна,

кандидат социологических наук, доцент кафедры
философии, политологии, социологии им.
Г. С. Арефьевой,
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего
образования «Национальный исследовательский
университет «МЭИ», Москва, Россия

ABOUT THE AUTHORS:**Kirilina Tatiana Yu.,**

Doctor of Sociology, professor, Professor of the
Department of Philosophy, Political Science, Sociology
named after G. S. Arefieva,
National Research University "Moscow Power
Engineering Institute", Moscow, Russia

Lapshinova Kira V.,

PhD in Sociology, associate professor of the
Department of Philosophy, Political Science, Sociology
named after G. S. Arefieva,
National Research University "Moscow Power
Engineering Institute", Moscow, Russia

Кирилина Т.Ю., Лапшинова К.В.

**Чтение в жизни современных россиян:
социологический анализ**

Статья посвящена рассмотрению места и роли чтения в современном социуме. Описаны основные вызовы, влияющие на трансформацию практики чтения («постграмотность», «нет-грамотность»). Предложена авторская типология этапов становления социологии чтения как самостоятельного отраслевого направления в нашей стране (этап аккумуляции, эмпирики, масштабирования и институционализации). Охарактеризованы поколенческие и возрастные особенности чтения. Проанализированы причины, побуждающие индивидов читать. Рассмотрены наиболее популярные форматы чтения.

Ключевые слова: чтение, социология чтения, поколенческая когорта, причины чтения, форматы чтения.

Для цитирования: Кирилина Т.Ю., Лапшинова К.В. Чтение в жизни современных россиян: социологический анализ // Социально-гуманитарные технологии. 2026. №2 (38). С. 12-21.

Kirilina T.Yu., Lapshinova K.V.

**Reading in the Lives of Modern Russians:
A Sociological Analysis**

The article is devoted to the place and role of reading in modern society. The main challenges affecting the transformation of reading practice (post-literacy, aliteracy) are described. The author's typology of the stages of formation of the sociology of reading as an independent branch in our country (the stage of accumulation, empiricism, scaling and institutionalization) is proposed. Generational and age-related features of reading are considered. The reasons that motivate individuals to read are analyzed. The most popular reading formats are considered.

Keywords: reading, sociology of reading, generational cohort, reasons of reading, reading format.

For citation: Kirilina T.Yu., Lapshinova K.V. Reading in the Lives of Modern Russians: A Sociological Analysis. *Sotsial'no-gumanitarnye tekhnologii*. 2026; 2 (38): 12-21. (In Russ.)

С развитием процессов цифровизации и технологии искусственного интеллекта (далее ИИ) безусловно претерпевают изменения трудовые, образовательные и рекреационные практики, которые долгое время опирались на фундамент письменной, книжной культуры. Мы вступаем в новую эпоху, которую М. Маклюэн в работе «Галактика Гуттенберга» обозначил понятием «постграмотность». Эта социологическая категория означает применение индивидом различных форм грамотности, востребованных в современном мире. [5, С. 58-62] Исходя из этого специалисты выделяют три исторически сложившихся типа чтения – рисуночное, книжное и компьютерное. [4, С. 35] Причем новый тип чтения предъявляет и новые требования к навыкам и умениям читателя. Помимо традиционных опций чтения и понимания прочитанного, индивиду теперь необходимо владеть компетенциями, позволяющими быстро искать необходимую информацию, и оценивать ее достоверность.

В современном мире актуальность развития навыков быстрого содержательного чтения не падает. Это обусловлено рядом причин. Во-первых, современный социум требует от индивида постоянного самосовершенствования и повышения квалификации, что затруднительно или почти

невозможно осуществить без навыков быстрого усвоения большого объема информации, завязанного на чтении. Отсутствие необходимых умений работы с текстом может приводить к академической неуспеваемости студента или к сложностям в осуществлении работником трудовых функций. Во-вторых, чтение помогает расширить кругозор и сформировать целостное мировоззрение, позволяющее работать индивиду в условиях многозадачности. В-третьих, оно обогащает словарный запас и способствует развитию профессионального тезауруса. Поэтому все чаще специалисты в области социально-гуманитарных наук обращают внимание на необходимость развития у современных индивидов читательской компетентности, под которой понимают «совокупность знаний, умений и навыков, позволяющих человеку отбирать, понимать, организовывать информацию, представленную в знаково-буквенной форме, и успешно ее использовать в личных и общественных целях» [8, С. 82].

Параллельно с этим наблюдается и обратная тенденция, которую точно выражает англоязычное понятие «*aliteracy*» («нет-грамотность»), означающее отказ использовать навыки грамотности, при этом владея ими. [19, С. 131]. Получается, что ряд современных индивидов сознательно понижает уровень своего культурного капитала. Вместо того, чтобы накапливать его и конвертировать в иные виды (например, в экономический или социальный). Причем, если пользоваться при анализе типологией форм культурного капитала Пьера Бурдьё, то можно сказать, что такие люди теряют культурный капитал как в инкорпорированном, так в объективированном и в институционализированном состоянии. Они не развивают с помощью чтения книг свои способности, вкус, мышление (инкорпорированный). Не имеют, как правило, домашних библиотек (объективированный). И чаще всего не получают качественного образования, так как без чтения это сделать невозможно (институционализированный). [6, С. 4].

Все эти обстоятельства свидетельствуют о серьезной трансформации чтения как социокультурной практики и о изменении социально-демографического портрета современного читателя. Эти процессы требуют серьезного социологического осмысления. Поэтому во многих странах мира проводятся постоянные мониторинговые исследования состояния книжной культуры. Например, с конца 1990-х годов в КНР Китайский научно-исследовательский институт печати начал проводить общегосударственное исследование состояния чтения. [24, С. 102-107]

В нашей стране интерес к анализу состояния читательских практик тоже всегда был высок. Первые исследования по данному вопросу в нашей стране были проведены в начале XIX века по инициативе директора Императорской публичной библиотеки А. Н. Оленина. [18, С. 15] Эту первую стадию становления социологии чтения можно назвать периодом аккумуляции знаний по данной проблематики (фактофиксирующий этап).

Второй этап можно назвать эмпирическим. В 1960-1970 годы начала оформляться и институционализироваться в СССР социология чтения как специальная социологическая теория. Начинают проводиться систематические социологические замеры. В этот период в Государственной библиотеке СССР имени В. И. Ленина (ГБЛ) был основан Сектор социологии книги и чтения. Его специалистами (А. И. Рейтблат, В. Д. Стельмах, Н. Е. Добрынина и др.) был осуществлен ряд крупных исследовательских проектов: «Книга в жизни рабочей молодежи» (1966 г.), «Советский читатель» (1968 г.), «Книга и чтение в жизни небольших городов» (1973 г.) и др. [13, С. 20]

В социологических исследованиях также участвовали вузы и библиотеки Ленинграда (например, Ленинградский государственный институт культуры (ЛГИК), Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (ГПБ, сейчас РНБ). Были проведены исследования «Библиотека и научно-техническая информация» (ГПБ, 1965-1969 гг.), «Читательские интересы ленинградской рабочей молодежи» (ЛГИК, 1967 г.). Постепенно и в других библиотеках страны стали появляться отделы, занимающиеся проведением исследований чтения и читателей. [13, С. 20]

Советских специалистов в первую очередь интересовало чтение различных социально-профессиональных групп и социально-демографических когорт (рабочие, учителя, школьники, студенческая молодежь, жители села и т.д.). Помимо этого, уделялось внимание изучению посещения библиотеки; анализу читательских интересов и предпочтений; времени, затрачиваемому на чтение и др. [13, С. 21]

Среди особенностей отечественной социологии чтения можно выделить, что ее развитие происходило преимущественно в рамках библиотковедения и носило ярко выраженный прикладной эмпирический характер. [18, С. 11]

С самого начала социологические исследования чтения не ограничивались только опросными методиками (анкетирование, интервьюирование), столь популярными сегодня. Применялся весь арсенал социологических методов и подходов, в том числе наблюдение, анализ библиотечной документации. [13, С. 21]

Третий этап можно обозначить как этап масштабирования. В 1980-1990 годы эмпирические исследования чтения начинают проводить уже не только библиотеки и профильные учреждения, но и крупные социологические центры (например, ВЦИОМ).

В 2000-х годах начинается этап институционализации. В 2001 с научно-исследовательскими целями в структуре РАН был создан Научный центр исследований истории книжной культуры (структурное подразделение ФГБУН НИЦ «Наука» РАН). [3, С. 3-6] С 2010 года в структуре РАО в рамках Отделения образования и культуры работает Научный совет по проблемам чтения. [16]

Таким образом, развитие социологии чтения в нашей стране прошло несколько этапов: аккумуляции, эмпирики, масштабирования и институционализации.

В настоящее время проблематика чтения и книжной культуры не теряет актуальности. Так, ВЦИОМ за последние десять лет неоднократно обращался к вопросам чтения («Книголюб – 2019», «Чтение в эпоху цифры», «Россияне и книги: портрет читателя в 2026 году»). [1, 10, 22] Интересные результаты были получены Аналитическим центром НАФИ, исследующим литературные предпочтения российской молодежи, выбор книг, отношение к библиотекам. [12]

Процессы цифровизации внесли свои коррективы в традиционную проблематику исследований чтения. Наряду с привычными вопросами, касающимися жанровых предпочтений, теперь появились вопросы о чтении с электронных носителей, использовании при работе с текстом ИИ, особенностях восприятия текста с дисплея, о прослушивании аудиокниг и др. Социологов также интересуют проблемы книгоиздания и книжного маркетинга (например, проблема книжных рейтингов). Таким образом, можно констатировать, что в XXI в. преобладает комплексный подход к изучению чтения и читателей.

На сегодняшний день Россия остается одной из самых читающих стран мира. В 2017 г. она заняла второе место в мировом рейтинге исследовательской компании GfK, уступив только Китаю. [14] Помимо РФ и Китая наиболее читающими странами являются Испания, Индия, Таиланд. [14]

В 2024 году (согласно данным ВЦИОМ) более половины участников опроса (87%) читали что-либо за последнюю неделю. [22]. Согласно приведенной статистике, ситуация достаточно оптимистическая. Но есть нюанс. Когда эксперты говорят о кризисе чтения и книжной традиции, они обычно подразумевают чтение книг, а не новостей в социальных сетях. Согласно данным опроса, проведенного ВЦИОМ в 2026 году, только 52% респондентов обычно читают книги, в то время как 48% этого не делают. Самой распространенной причиной отказа от чтения опрошенные назвали (44%) наличие других приоритетов (нет времени, нет возможности, не до книг). [9] Приведенные цифры свидетельствуют, что Россия идет в фарватере современного глобализирующегося мирового сообщества, так как сходная ситуация наблюдается и в других странах. Онлайн-опрос, проведенный GfK среди 22 тысяч человек в 17 странах мира, показал, что доля тех, кто открывает книгу хотя бы раз в неделю, составляет 50,7. [14]

Динамика чтения во многом обусловлена не только социокультурными параметрами, но и социальными. Так, в период эпидемии COVID-19 наблюдалось увеличение количества читателей в мире, вызванное ограничительными мерами. [12] Более того, результаты исследований Statista's Advertising & Media Markets показали, что во время пандемии (2021 г.) доход от продажи книг в мире вырос и составил около 127 млрд долларов. Из них порядка 110 млрд долларов приходилось на продажи бумажных книг и только 17 млрд долларов – на продажи электронных. [12]

В России ситуация на книжном рынке не столь благополучная. Наблюдается постепенное снижение оборота книжной продукции. Средний тираж за 25 лет снизился примерно в 2,5 раза. [11] В 2025 году выпуск книг и брошюр в нашей стране составил 100 374 наименований (97,19% по отношению к показателям 2024 г.), а совокупный тираж – 372 742,99 тыс. экз. (100,87% по отношению к показателям

2024 г.) [17] Рост как числа наименований, так и общего тиража наблюдается в следующих категориях: нормативно-производственные издания, издания для детей и юношества (Таблица 1). [17]

Таблица 1. Выпуск книг и брошюр по укрупненному целевому назначению и читательскому адресу 2025 г. Сравнение с данными 2024 г. [17]

Раздел целевого назначения	2025 год		2024 год		В % к данным 2024 года	
	<i>Число книг и брошюр, печ. ед.</i>	<i>Общий тираж, тыс. экз.</i>	<i>Число книг и брошюр, печ. ед.</i>	<i>Общий тираж, тыс. экз.</i>	<i>Число книг и брошюр</i>	<i>Общий тираж</i>
Научные издания	15 157	5 442,10	16 219	5 859,93	93,45	92,87
Научно-популярные издания	2 887	6 211,45	2 950	6 688,46	97,86	92,87
Нормативно - производств. издания	813	1 272,09	753	517,52	107,97	245,80
Учебные и методические издания	30 897	188 191,41	32 205	178 952,19	95,94	105,16
Производственно-практ. издания	1 442	1 291,39	1 426	1 558,45	101,12	82,86
Литературно-худож. издания	21 770	61 054,98	22 044	62 865,98	98,76	97,12
Издания для детей и юношества	12 632	71 840,24	12 627	70 173,78	100,04	102,37
Религиозные издания	1 330	6 332,38	1 351	5 493,99	98,45	115,26
Издания для широкого круга читателей	12 027	28 125,57	11 981	33 186,88	100,38	84,75

На процесс чтения влияют и социально-демографические факторы. Традиционно женщины читают книги чаще, чем мужчины. В среднем в мире ежедневно или почти ежедневно читают треть женщин (32%) и четверть мужчин (27%). [12]

Одним из ведущих факторов, определяющим практики, связанные с чтением, является возраст. Для удобства анализа социологами часто используется не только возрастная дифференциация, но и поколенческая. Теория поколенческих когорт предполагает, что представители конкретного поколения обладают схожими ценностными установками, интересами, паттернами поведения. Наибольшей популярностью в настоящее время пользуется поколенческая модель, предложенная Н.Хоу и У.Штраусом. Ими были выделены: «молчаливое поколение», «бэби-бумеры», «поколение X», «поколение Y» (миллениалы), «поколение Z». [15, С. 94] Поскольку на формирование поколенческих установок большое влияние оказывают социально-политические и экономические условия, в которых проходила социализация индивидов, а исторический ландшафт в нашей стране был иным, отличным от стран Запада, то логично было бы предположить и выделение иных поколенческих групп. Так, социолог В. В. Радаев определяет следующие когорты: «мобилизационное поколение», «поколение оттепели», «поколение застоя», «реформенное поколение», «поколение миллениалов» и «поколение Z». [20, С. 18] Также он считает целесообразным поделить миллениалов на старших и младших ввиду неоднородности данной социальной группы. [21, С. 34] Данная поколенческая типология применялась социологами ВЦИОМ при проведении мониторингового опроса на тему чтения в 2024 году. На официальном сайте организации был также размещен массив эмпирических данных (N=1600), который нами применялся в ходе данного исследования. [22] Согласно результатам, полученным социологами ВЦИОМ (2024 г.) в среднем за последние 3 месяца респонденты прочли 6 книг (по ответам тех, кто назвал конкретное число книг, 56%). Это примерно 2 книги в месяц. Каждый год этот показатель варьирует. Так, в 2011 и 2013 гг. россияне в среднем прочли 4 книги за указанный период. А в 2017 – 7 книг. [22] Эти данные были получены

на основе расчета среднего. Поскольку среднее значение очень чувствительно к выбросам и экстремальным значениям, то авторами статьи были проведены дополнительные расчеты.

Для того, чтобы сравнить количество прочитанных книг представителями различных поколений, были рассмотрены показатели накопленной частоты. Для анализа были выбраны «поколение цифры», «миллениалы» и «реформенное поколение». Выбор был продиктован тем, что представители данных возрастных когорт являются наиболее активными и работоспособными гражданами, сталкивающимися с необходимостью читать в связи с учебной и профессиональной деятельностью. Результаты показали, что от 1 до 5 книг прочитали 82,3% представителей «поколения цифры», 76,3% «младших миллениалов», 74,8% «старших миллениалов» и 75,1% участников опроса, относящихся к «реформенному поколению». Помимо этого, был рассмотрен такой показатель описательной статистики как мода (то есть значение признака, встречающегося в распределении данных чаще всего). Согласно полученным данным мода равна 2 у наиболее молодых возрастных групп («поколение цифры» и «младшие миллениалы») и ее значение снижается до 1 у «старших миллениалов» и «реформенного поколения» (см. Таблица 2).

Таблица 2. Количество прочитанных за три месяца книг (накопленная частота, мода)
(рассчитано на основе массива данных ВЦИОМ, 2024)

Поколение цифры		Младшие миллениалы		Старшие миллениалы		Реформенное поколение	
<i>Кол-во книг</i>	<i>Накопленная частота</i>	<i>Кол-во книг</i>	<i>Накопленная частота</i>	<i>Кол-во книг</i>	<i>Накопленная частота</i>	<i>Кол-во книг</i>	<i>Накопленная частота</i>
1	22,2	1	22,3	1	28,0	1	26,0
2	48,9	2	44,9	2	46,3	2	40,7
3	64,8	3	58,7	3	62,1	3	55,9
4	71,6	4	66,2	4	67,3	4	64,0
5	82,3	5	76,3	5	74,8	5	75,1
Мода	2	Мода	2	Мода	1	Мода	1

Для социологов важно не только количество прочитанных источников, но и качество. Поэтому встает вопрос жанровых предпочтений респондентов. Здесь возрастные и поколенческие особенности имеют определяющее значение. Например, согласно данным ВЦИОМ, детские книги наиболее востребованы у «миллениалов», так как они часто являются родителями несовершеннолетних детей. Учебная, научная и профессиональная литература также чаще читается представителями данного поколения. Классическую русскую и зарубежную литературу в основном читают представители «поколения цифры». Это может быть объяснено продолжением обучения части молодежи в школе или относительно недавним ее окончанием. Детективы, фантастика и фэнтези традиционно наиболее популярны в молодежной среде. И несмотря на постепенное снижение интереса к данным жанрам, их рейтинг остается существенным во всех поколенческих группах. А вот востребованность такого жанра литературы как ужасы с возрастом пропадает практически полностью. Можно отметить также, что обращение к историческим романам и биографиям, а также к книгам по истории в целом возрастает по мере взросления респондентов. Если среди представителей «поколения цифры» только 22% опрошенных интересуются данным жанром, то среди «реформенного поколения» таких уже 31%. С возрастом появляется интерес к литературе, связанной с ведением домашнего хозяйства и содержащей полезные советы (см. Таблица 3).

Таблица 3. Предпочитаемые жанры для чтения
 (закрытый вопрос, до 5-ти ответов, % от всех опрошенных)
 (данные ВЦИОМ, 2024) [22]

Жанры	Поколение цифры	Младшие миллениалы	Старшие миллениалы	Реформенное поколение
Книги по истории, исторические романы, биографии	22	18	24	31
Книги для детей (в том числе читали детям)	6	18	31	18
Учебники, научная и профессиональная литература, словари, энциклопедии	19	39	33	25
Детективы	26	17	12	20
Книги по домашнему хозяйству, приусадебному участку, полезные советы	2	5	12	19
Фантастика, фэнтези	37	36	23	20
Классическая русская и зарубежная литература	30	28	26	20
Романы о любви, женские романы	28	5	11	9
Современная русская и зарубежная литература	16	11	12	7
Приключения	11	8	10	9
Поэзия	2	4	8	5
Ужасы	11	7	4	2
Книги по психологии	29	18	17	12
Библия, религиозная литература	5	6	6	5
Практически не читаю книг	1	3	7	12

В наш век быстрого развития техники и технологий чтение как культурная практика безусловно также претерпевает изменения. Индивиды все чаще выбирают гибридные формы чтения, легко переключаясь между различными форматами и комбинируя их. Также социологи выделили новую социальную группу читающих – «аудитория малых цифровых форматов» (31%). К ней относят тех, кто

читает только статьи в сети интернет или посты в социальных сетях. Среди молодежи 18-24 лет их доля достигает 38%. [1]

С одной стороны, читать небольшой по объёму онлайн-контент удобно, это экономит время и силы. Такой текст, как правило, легко усваивается. Опасность широкого распространения подобных практик заключается в том, что постепенно индивиды утрачивают навыки чтения и понимания длинных, сложных текстов. Возрастает соблазн с помощью ИИ ознакомиться с основными идеями книги или научной статьи, не прилагая никаких когнитивных усилий. Например, в Великобритании было изучено поведение посетителей нескольких исследовательских сайтов, предоставляющих доступ к статьям, электронным книгам и другим информационным ресурсам. Результаты исследования показали, что читатели перескакивали от одного источника к другому, практически никогда не возвращаясь к тем, которые уже открывали ранее. Чаще всего они читали только 1-2 страницы и переходили к следующему источнику. [19, С. 134-135]. Имело место «скольжение» по тексту с целью быстрого отбора нужного материала. Можно сделать вывод, что при работе с различными форматами (бумажная версия источника или его цифровая версия) индивиды будут демонстрировать разные практики чтения.

Результаты социологического исследования учебного и профессионального чтения, проведенного И. А. Чудовой, показывают, что студенты и профессорско-преподавательский состав НГУ выбирают различный формат чтения (бумажный или электронный) в зависимости от целей чтения. Если предполагается «быстрое» чтение и последующая работа с текстом, то чаще выбирается электронный источник. Для «медленного», вдумчивого чтения используется по возможности бумажный формат. [23, С. 67] Социолог И. А. Чудова отмечает, что «профессиональное чтение словно бы распадается на регистры действия и мысли, на активность и рецептивность во время реализации практик чтения». [23, С. 61]. Еще одно интересное ее наблюдение, что для молодых людей часто бумажная книга воспринимается в эмоциональном ключе, а не инструментальном (например, книга как подарок, любимая книга). [23, С. 63]. Таким образом, оба формата чтения сосуществуют и дополняют друг друга.

На выбираемый респондентами формат чтения оказывает влияние также жанр литературы. Результаты социологического исследования, проведенного ВЦИОМ (2018 г.), показали, что в традиционном бумажном варианте читают чаще художественную литературу, а в электронном – профессиональную, научную, научно-познавательную литературу и новости (см. Рисунок 1). [2]

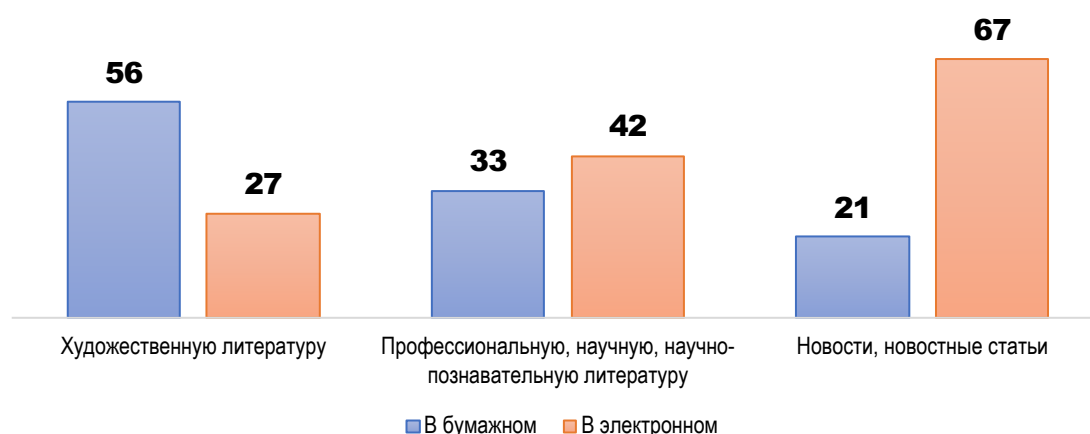

Рисунок 1. Предпочитаемый формат чтения (в %)
(данные ВЦИОМ, 2018) [2]

Чаще всего россияне для чтения используют бумажные книги (71%) и телефон (40%). Далее следуют компьютер (13%), электронная книга и планшет (13%). На последнем месте по популярности идет текст, распечатанный на принтере. [25]

Поскольку наиболее активными пользователями различных технических средств и цифровых технологий традиционно считается молодежь, то интересно посмотреть, какие форматы чтения она

предпочитает. В 2022 году аналитическим центром НАФИ был проведен онлайн-опрос молодых людей в возрасте от 14 до 35 лет (N=1000). [12] Результаты исследования показали, что 90% респондентов читают бумажные книги, 83% – электронные, 56% слушают аудиокниги (см. **Рисунок 2**). [12] Что еще раз подтверждает, что все форматы сосуществуют.

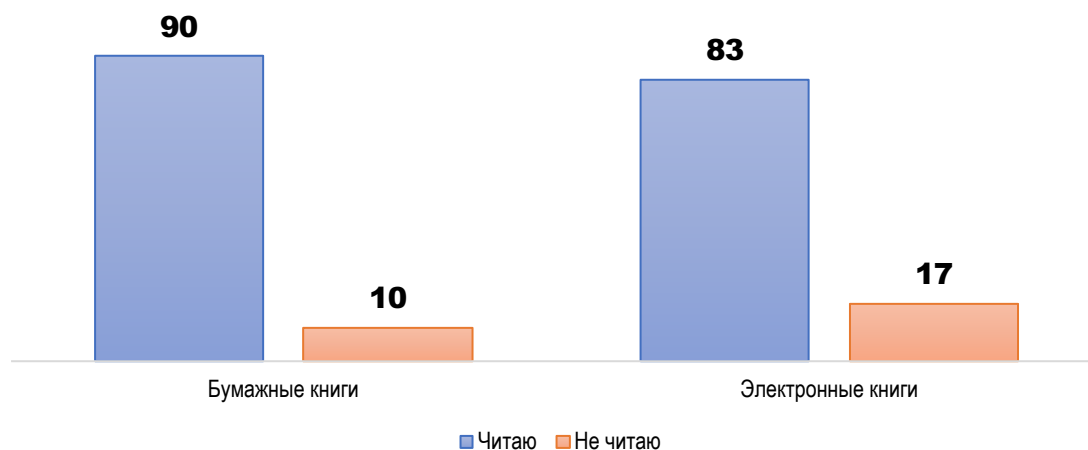

Рисунок 2. Предпочитаемый формат чтения (в %)
(данные, Аналитического центра НАФИ, 2022) [12]

На выбор индивидом бумажной или электронной версии книги будут влиять цели и мотивы чтения. Данные опроса ВЦИОМ (2026 г.) показали, что чаще всего россияне читают для отдыха, удовольствия и развлечения (57%) (см. **Рисунок 3**). [9]

Рисунок 3. Причины чтения книг
(в % от опрошенных читателей книг, закрытый вопрос, до 3 ответов, представлены только содержательные ответы, без доли затруднившихся ответить)
(данные ВЦИОМ, 2026) [9]

Таким образом, можно видеть, что для большей части участников опроса чтение выполняет рекреационную функцию, а не образовательно-познавательную. Исследователь О. Г. Зубова отмечает, что преобладание в процессе чтения мотива развлечения и отдыха способствует формированию модели «пустого» читательского времяпрепровождения. [7, С 32-35.] Это приводит к выбору более простого по содержанию контента. Популярным мотивом для чтения является получение новой информации и развитие (48%). С существенным отрывом следуют такие причины как получение знаний, необходимых для учебы и работы (23%), и желание отвлечься от проблем (19%) (см. Рисунок 3). [9] Таким образом, можно наблюдать, что среди целей чтения преобладают развлекательно-рекреационные и утилитарно-прагматические мотивы. Если индивид хочет быстро получить нужную для работы или учебы информацию, то он скорее всего воспользуется небольшими по объему текстами из сети интернет или обратится к обучающим видеороликам, чем будет читать серьезные монографии. Все вышеперечисленные факторы приводят к тому, что из повседневной жизни индивидов постепенно уходит медленное, вдумчивое чтение, которое способствует развитию критического мышления, рефлексии, обдумыванию прочитанного, выработки личностной позиции.

Исследователь О. Г. Зубова обращает внимание на еще одну тенденцию – снижения роли свободного чтения, связанного с удовлетворением экзистенциальных и эстетических потребностей индивида. [7, С 32-35] А ведь именно такое чтение способствует развитию художественного вкуса и воображения.

Подводя итоги, можно сказать, что в настоящее время продолжается институционализация социологии чтения и расширение исследовательской проблематики данного направления. Преобладает комплексный подход к изучению чтения и читателей.

На развитие практики чтения оказывают влияние социокультурные (традиции, образование), социальные (образ жизни, санкции и др.), социально-демографические (возраст, гендер) и экономические факторы (развитие экономики, санкции и др.). Наблюдаются также изменения в самих читательских практиках. Например, имеет место применение индивидами разных видов грамотности. Все шире практикуется параллельное использование россиянами различных форматов чтения (традиционный / электронный). При этом на его выбор будут влиять следующие факторы: цели и мотивы чтения, жанр читаемой литературы, возраст читателя.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Аналитический доклад «Россияне и книги: портрет читателя в 2026 году» // ВЦИОМ. https://wciom.ru/fileadmin/user_upload/rossijane_i_knigi_portret_chitatelja_v_2026_godu.pdf (дата обращения: 16.05.2026)
2. Бумага против экрана // ВЦИОМ. 04 октября 2018. <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/bumaga-protiv-ekrana-?ysclid=mobjcdy2g1793889865> (дата обращения: 23.04.2026)
3. Васильев, В. И., Берёзкина, Н.Ю., Авгуль, Л. А., Ермолаева, М.А. Книжная культура России и Беларуси в контексте историко-культурного взаимодействия // Библиосфера. 2013. № 4. С. 3-6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/knizhnaya-kultura-rossii-i-belarusi-v-kontekste-istoriko-kulturnogo-vzaimodeystviya> (дата обращения: 01.05.2026).
4. Гудова, М. Ю. Актуальность и перспективность анализа чтения в методологии культурных практик // Чтение в XXI веке: традиции и тенденции : материалы Всерос. науч.-практ. конф. (Екатеринбург, 29-30 мая 2014 г.) / М-во культуры Свердлов. обл. ; Свердлов. обл. универс. науч. б-ка им. В. Г. Белинского ; сост. и общ. ред. О. В. Моревой. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2014. – С. 33-37
5. Гудова, М. Ю. Постграмотность как актуальная проблема современной культуры // Инновационные проекты и программы в образовании. 2012. № 6. С. 58-62 URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/postgramotnost-kak-aktualnaya-problema-sovremennoy-kultury-1> (дата обращения: 04.05.2026).
6. Гусева, И. И. Культурный капитал как фактор воспроизводства стратификационной структуры общества / И. И. Гусева, Т. Ю. Кирилина // Социально-гуманитарные технологии. – 2024. – № 2(30). – С. 3-9. – EDN FNJSHR.
7. Зубова, О. Г. Трансформация практик молодежного чтения в современном российском обществе // Общество: социология, психология, педагогика. 2018. № 10. С. 32-35. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/transformatsiya-praktik-molodezhnogo-chteniya-v-sovremennom-rossiyskom-obschestve> (дата обращения: 07.02.2026).
8. Катаева, Т. А. Формирование читательской компетентности учащихся в школьной библиотеке // Чтение в XXI веке: традиции и тенденции : материалы Всерос. науч.-практ. конф. (Екатеринбург, 29-30 мая 2014 г.) / М-во культуры Свердлов.

обл. ; Свердлов. обл. универс. науч. б-ка им. В. Г. Белинского ; сост. и общ. ред. О. В. Моревой. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2014. – С. 82-87.

9. Книги – и как мы их читаем // ВЦИОМ. 15 апреля 2026. <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/knigi-i-kak-my-ikh-chitaem> (дата обращения: 04.05.2026)

10. Книголюб – 2019 // ВЦИОМ. 08 августа 2019. <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/knigolyub-2019?ysclid=moaa6g0625737554998> (дата обращения: 22.04.2026)

11. Книжная палата: Средний тираж за 25 лет снизился примерно в 2,5 раза // Российская газета. 12.02.2026. https://rg.ru/2026/02/12/knizhnaia-palata-srednij-tirazh-za-25-let-snizilsia-primerno-v-25-raza.html?ysclid=mpihn8e4ci57500599&utm_referrer=https%3A%2F%2Fya.ru%2F (дата обращения: 19.05.2026)

12. Книжное дело – 2022. Литературные предпочтения российской молодежи, выбор книг, отношение к библиотекам // НАФИ. <https://nafi.ru/projects/knizhnoe-delo-2022-literaturnye-predpochteniya-rossiyskoy-molodezhi-vybor-knig-otnoshenie-k-bibliote/> (дата обращения: 07.02.2026).

13. Мелентьева, Ю. П. Русское чтение как часть национальной культуры // Книга и чтение в зеркале социологии: XXI век сборник статей / Российская национальная библиотека; составители: А. Г. Макарова [и др.], редактор: Ю. А. Симарова. – Санкт-Петербург : Изд-во Российской национальной библиотеки. Редакционно-издательский отдел, 2023. – С. 17-26.

14. Новопашина, Н., Папандина, А. Россия вошла в тройку самых читающих стран мира // РБК. 27 марта 2017. <https://www.rbc.ru/business/27/03/2017/58d8fd309a7947d791ca612a?ysclid=mobhaluy69734805074> (дата обращения: 23.04.2026)

15. Ожиганова, Е. М. Теория поколений Н. Хоува и В. Штрауса. Возможности практического применения // Бизнес-образование в экономике знаний. 2015. № 1 (1). С. 94-97. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoriya-pokoleniy-n-houva-i-v-shtrausa-vozmozhnosti-prakticheskogo-primeneniya> (дата обращения: 16.05.2026).

16. Отделение образования и культуры // РАО. <https://rusacademedu.ru/nauchnyye-sovety-ook-rao/> (дата обращения: 01.05.2026)

17. Перова, Г. В. Основные итоги статистики печати 2025 г. <https://www.unkniga.ru/media/uploads/docs/rkp-statistika-pechati-2025.pdf?ysclid=mpib62oemu65557316> (дата обращения: 07.05.2026).

18. Психология и социология чтения: Учебное пособие для студентов специальностей «Филологическое образование» и «Журналистика» / Сост. А. В. Себелева. — Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. гуманит. ун-та, 2012. — 139 с.

19. Равинский, Д. К. Судьбы книги, судьбы чтения: о чем спорят зарубежные специалисты // Чтение в XXI веке: традиции и тенденции : матери алы Всерос. науч.-практ. конф. (Екатеринбург, 29-30 мая 2014 г.) / М-во культуры Свердл. обл. ; Свердлов. обл. универс. науч. б-ка им. В. Г. Белинского ; сост. и общ. ред. О. В. Моревой. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2014. – С. 131-137.

20. Радаев, В. В. Миллениалы на фоне предшествующих поколений: эмпирический анализ // Социологические исследования. 2018. № 3. С. 15-33.

21. Радаев, В. В. Раскол поколения миллениалов: историческое и эмпирическое обоснование. (первая часть) // Социологический журнал. 2020. № 3. С. 30-63. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/raskol-pokoleniya-millennialov-istoricheskoe-i-empiricheskoe-obosnovanie-pervaya-chast> (дата обращения: 12.05.2026).

22. Чтение в эпоху цифры // ВЦИОМ. 18 ноября 2024. <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/chtenie-v-ehpokhu-cifry?ysclid=mlcgsizi1e397399821> (дата обращения: 07.02.2026).

23. Чудова, И. А. Электронное или бумажное? специфика реализации практик чтения студентами и научными работниками // INTER. 2020. № 4. С. 53-72. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/elektronnoe-ili-bumazhnoe-spetsifika-realizatsii-praktik-chteniya-studentami-i-nauchnymi-rabotnikami> (дата обращения: 07.02.2026).

24. Ян, Ц. Современное состояние и стратегия национальной программы поддержки и развития чтения в КНР / Ц. Ян // Библиотекосведение. – 2014. – № 3. – С. 102-107. – URL: <https://rucont.ru/efd/450356> (дата обращения: 01.05.2026)

25. Ячменникова, П. Россияне любят читать с чего угодно // Газета «Коммерсантъ» №212 от 18.11.2025. <https://www.kommersant.ru/doc/8210977> (дата обращения: 07.02.2026).

ОБ АВТОРАХ:

УДК 316

Жиангерова Диана Руслановна, специалист по информационно-аналитическому обеспечению центра методологического и аналитического обеспечения кадровой политики, Государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский городской университет управления Правительства Москвы имени Ю. М. Лужкова» (Университет Правительства Москвы), Москва, Россия

Савин Артем Константинович, начальник отдела развития, аналитической и проектной деятельности, Московский городской центр реабилитации (ГБУ города Москвы МГЦР), Москва, Россия

ABOUT THE AUTHORS:

Zhiangerova Diana R., specialist in Information and Analytical Support of the Center for Methodological and Analytical Support of Personnel Policy, State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Moscow Metropolitan Governance Yury Luzhkov University" (Moscow Government University), Moscow, Russia

Savin Artem K., head of the Development, Analytical and Project Activities Department, Moscow City Rehabilitation Center (MCRC, a state budgetary institution of the city of Moscow), Moscow, Russia

Жиангерова Д. Р., Савин А. К.

Комплексный подход к реабилитации лиц с инвалидностью и пожилых людей в условиях социального дома: интеграция профессиональной подготовки и досуговой деятельности

В настоящее время возникает необходимость пересмотра стандартного подхода к реабилитации в стационарных учреждениях социального обслуживания, для этого предлагается интеграция профессиональной подготовки и досуговой деятельности. Это связано с тем, что на фоне демографического старения и курса на активное долголетие возникает потребность у пожилых людей и инвалидов в самореализации, однако, большинство социальных домов еще не выработали новый комплексный подход к реабилитации, наблюдается отсутствие комплексных методик, объединяющих обучение труду и содержательный досуг. Данная статья предлагает решение для превращения социального дома из изолирующего учреждения в среду для непрерывного развития личности.

Ключевые слова: социальный дом, труд, досуг, пожилые люди, лица с инвалидностью.

Для цитирования: Жиангерова Д. Р., Савин А. К. Комплексный подход к реабилитации лиц с инвалидностью и пожилых людей в условиях социального дома: интеграция профессиональной подготовки и досуговой деятельности // Социально-гуманитарные технологии. 2026. №2 (38). С. 22-36.

Zhiangerova D. R., Savin A. K.

A comprehensive approach to rehabilitation of persons with disabilities and elderly people in social homes: integration of professional training and leisure activities

At present, there is a need to revise the standard approach to rehabilitation in residential social care facilities; for this, the integration of professional training and leisure activities is proposed. This is due to the fact that against the backdrop of demographic aging and the focus on active longevity, there is a demand among elderly people and people with disabilities for self-realization. However, most social homes have not yet developed a new comprehensive approach to rehabilitation, and there is a lack of integrated methods combining vocational training and meaningful leisure. This article proposes a solution for transforming a social home from an isolating institution into an environment for continuous personal development.

Keywords: social care facility, work, leisure, elderly, persons with disabilities.

For citation: Zhiangerova D. R., Savin A. K. A comprehensive approach to rehabilitation of persons with disabilities and elderly people in social homes: integration of professional training and leisure activities. *Sotsial'no-gumanitarnye tekhnologii*. 2026; 2 (38): 22-36. (In Russ.)

Восстановление функционального статуса и социального статуса граждан пожилого возраста и лиц с инвалидностью выступает одной из приоритетных и наиболее сложных задач, стоящих перед современной системой социального обслуживания населения. Для этого предусмотрена социальная

реабилитация. Понятие «социальная реабилитация» в научной литературе появилось совершенно недавно, в конце XIX века ученый Франц Иозеф Риттер фон Бус в своих научных трудах дал развернутую трактовку «реабилитации», он рассматривал ее как повторное или возобновляемое действие, направленное на помощь в восстановлении утраченных навыков. Затем в 1918 году реабилитация начала рассматриваться применительно к лицам с физическими проблемами, инвалидностью. В дальнейшем для помощи лицам с инвалидностью были открыты и специализированные учреждения по их реабилитации.

Социальная реабилитация рассматривается и в трудах отечественных ученых. Е.И. Холостова указывает, что данный термин означает защиту социальных прав граждан и включает в себя комплект мероприятий, которые могут быть реализованы как государственными, так и частными структурами [11, с.101]. Е.В. Миронова дает более развернутую трактовку, понимая под процессом реабилитации помощь в восстановлении навыков, здоровья и определённых функциональных особенностей, которая оказывается специализированными учреждениями людям, имеющим травмы, нарушения физического или психологического состояния и другие трудности [5, с.67]. Л.Н. Лазарева и А.Н. Налобина указывают, что процесс реабилитации должен включать применение как медицинских, так и социальных, психологических и педагогических аспектов [9, с.39]. Поскольку только их комбинированное применение позволяет людям с инвалидностью или пожилым людям компенсировать имеющиеся дефекты здоровья и скорректировать любые отклонения. Л.В. Мардахаев также указывает на то, что процесс реабилитации должен включать в себя целый комплекс скоординированных мероприятий, которые будут способствовать восстановлению утраченных способностей, помимо этого реабилитация, по его мнению, должна быть направлена и на восстановление общественных связей, помогать гражданину в социализации и личностном развитии [8, с.145].

Исходя из рассмотренных выше понятий, можно прийти к выводу, что процесс социальной реабилитации представляет собой многокомпонентный процесс, который включает несколько этапов мероприятий, направленных на восстановление не только физического здоровья, но также и социального положения в обществе. Объектами реабилитации могут быть как пожилые люди, так и лица с инвалидностью, лица, страдающие от зависимостей, имеющие психологические отклонения. Целью процесса реабилитации должно стать восстановление социального статуса, достижение независимости при выполнении определённых действий, повышение уровня адаптации к окружающим условиям.

Реабилитационный процесс ориентирован не только на физическое восстановление организма, но также он помогает человеку вернуться в общество, стать значимым, способным самостоятельно вести трудовую деятельность. При этом, процесс реабилитации может быть как групповым, так и индивидуальным, при групповой форме реабилитации любая деятельность проводится в группах по интересам, при индивидуальной реабилитации с пациентом специалисты работают напрямую, в начале проводится его диагностика, затем консультирование и на их основе строится план занятий. Реабилитация может включать в себя как беседы, занятия, лекции, семинары, но также и походы на выставки, конкурсы, экскурсии, трудовую деятельность, обучение работе за компьютером и многое другое.

Помимо этого, стоит отметить, что процесс реабилитации включает три основных ориентира: реактивация, ресоциализация и реинтеграция. Без данных процессов невозможен процесс полноценной реабилитации. Так реактивация направлена на то, чтобы лица как пожилого возраста, так и с ограниченными возможностями, которые в силу ряда обстоятельств находятся в пассивном состоянии, могли вернуться к активной социальной жизни, найти новое для себя занятие и окружение. Вторым ориентир – ресоциализация, в данном случае для лиц, находящихся в процессе реабилитации должны быть предусмотрены все условия, чтобы они смогли наладить контакты со своими родственниками и друзьями, а также найти новые знакомства. Заключительный аспект – реинтеграция, в данном случае он означает, что лицо, проходящее реабилитацию в дальнейшем способно вернуться в общество на равных со здоровыми членами общества. Человека после реабилитации не должны воспринимать отрицательно, он может аналогично здоровым выполнять трудовую деятельность и участвовать в досуговых мероприятиях [1].

Современная реабилитация лиц с инвалидностью и граждан пожилого возраста базируется на биопсихосоциальной парадигме, в рамках которой происходит интеграция медицинской, социальной, психологической и трудовой моделей, она рассматривается как необходимое условие восстановления качества жизни и функциональной независимости.

Медицинская модель, ориентированная на коррекцию нарушений с помощью высокотехнологичных методов и протоколов доказательной медицины, в случае лиц с инвалидностью делает акцент на длительное восстановление утраченных функций, тогда как для пожилых пациентов приоритетом является сохранение навыков полноценной жизни.

Социальная модель для людей с инвалидностью предполагает преодоление дискриминации, обучение пользованию городской инфраструктурой и юридическое сопровождение, в то время как в практике доминируют задачи цифрового просвещения, чтобы они смогли заказать доставку, оплатить услуги в электронном виде, все это способствует их автономному проживанию. Помимо этого, важны и досуговые мероприятия, которые способствуют социализации личности и поиску новых знакомств.

Психологическая модель, включающая когнитивные тренажеры, позитивную психотерапию и группы взаимопомощи, у лиц с инвалидностью, фокусируется на преодолении внутренних барьеров, поскольку такие лица, считают, что больше не на что не способны, и им необходимо доказать обратное. У пожилых граждан психологическая работа строится на восстановлении групповых связей и профилактики деменции.

Наконец, трудовая модель, реализуемая через удаленную занятость, адаптацию рабочих мест и социальное предпринимательство, для инвалидов трудоспособного возраста предполагается наставничество и проведение семинаров, на которых с помощью положительных примеров будет доказано, что люди с инвалидностью способны трудиться и получать выгоду. Для пожилых людей предоставляется поиск работы и развитие новых навыков, поскольку в настоящее время многие профессии связаны с цифровизацией, возможны курсы по освоению компьютера, а в дальнейшем частичная занятость [2].

Исходя из этого отметим, что социальная реабилитация является многоаспектным процессом, в котором необходимо учитывать все особенности пациентов и подбирать для них подходящие направления для реабилитации. Ее конечным результатом должно стать возвращение индивида к полноценной жизни, его социализация и частичное или полное восстановление трудовых функций, освоение новых навыков. Для этого стоит рассмотреть основные направления реабилитации более подробно.

В контексте работы с пожилыми людьми социальная реабилитация приобретает особую профилактическую направленность, будучи нацеленной на замедление процессов преждевременного старения и предотвращение развития так называемой старческой астении, когда человек, выходя на пенсию, стремительно теряет интерес к окружающему миру и навыки самообслуживания, и именно через вовлечение в посильную активность, будь то занятия в группах адаптивной физкультуры, участие в клубах по интересам или освоение простых цифровых навыков для общения с родственниками через интернет, специалисты стремятся сохранить когнитивные функции, мелкую моторику и эмоциональную вовлеченность в реальность. Медицинское направление в этой связке выступает не как самоцель, а как необходимое условие для дальнейшей социальной адаптации, поскольку без купирования болевого синдрома, подбора удобных технических средств реабилитации, а также без обучения приемам безопасного перемещения любое социальное взаимодействие становится для человека затруднительным, а порой и невозможным.

Психологическое направление реабилитации занимает в этой структуре центральное место, ведь именно принятие своего нового состояния, связанного с инвалидностью или наступлением глубокой старости, становится отправной точкой для любых дальнейших позитивных изменений, и работа психологов и психотерапевтов направлена на преодоление депрессивных и тревожных состояний, страха одиночества и ощущения собственной ненужности, которые часто становятся более серьезным препятствием для активной жизни, чем физический недуг сам по себе.

С этим тесно смыкается и социокультурное направление, цели которого сводятся к расширению круга общения и возвращения человеку способности испытывать радость от соприкосновения с искусством, природой и обществом, что достигается через организацию доступных экскурсионных программ, посещение театров и концертов, проведение творческих фестивалей и конкурсов, а также через привлечение к добровольческой деятельности, где человек, имеющий ограничения здоровья, сам выступает в роли помогающего другим, что даёт мощнейший терапевтический эффект и возвращает ощущение собственной значимости.

Трудовая и профессиональная реабилитация инвалидов трудоспособного возраста имеет своей стратегической целью интеграцию в рынок труда, однако в более широком социальном смысле для пожилых людей и лиц с тяжёлыми формами инвалидности она трансформируется в занятость досуговую или бытовую, позволяющую сохранять остаточные навыки, чувство ритма дня и осознание своей причастности к общему делу семьи или сообщества [6].

Таким образом, важнейшей интегральной целью социальной реабилитации выступает формирование доступной среды жизнедеятельности, когда усилия государства и общества направлены на то, чтобы окружающая инфраструктура, транспорт и сфера услуг были ориентированы на помощь маломобильным гражданам, поскольку без пандусов, лифтов, звуковых сигналов светофоров и информационных табличек с крупным шрифтом или шрифтом Брайля любые попытки вернуть человека пожилого возраста или с инвалидностью в активную социальную жизнь бесполезны.

Далее, стоит рассмотреть принципы социальной реабилитации.

Центральным принципом, выступает принцип биопсихосоциальной комплексности и межведомственной интеграции, который означает необходимость одновременного и скоординированного воздействия всех направлений реабилитации на соматический статус индивида, его психоэмоциональную сферу и социально-средовой контекст жизнедеятельности.

Принцип индивидуализации и персонификации реабилитационного маршрута является вторым основополагающим принципом социальной реабилитации, поскольку он отвергает унифицированные протоколы, применимые к среднестатистическому носителю диагноза, и настаивает на построении стратегии вмешательства исходя из уникального профиля функционирования конкретного человека, его реабилитационного потенциала, структуры личностных ценностей, мотивационных диспозиций и субъективной картины мира.

Следующим выступает принцип непрерывности, преемственности и этапности реабилитационного процесса, который подразумевает выстраивание долгосрочной траектории сопровождения человека с момента возникновения стойких ограничений жизнедеятельности и до достижения максимально возможного уровня автономии, причем каждая последующая фаза логически вытекает из предыдущей.

Принцип партнерства и субъект-субъектного взаимодействия выводит на первый план активную роль самого человека с инвалидностью или пожилого гражданина в определении целей и содержания реабилитационных мероприятий, трансформируя его из пассивного реципиента услуг в полноправного участника реабилитационной команды, чье добровольное согласие и внутренняя мотивация к изменениям рассматриваются как основной драйвер позитивной динамики.

Принцип средовой доступности и разумного приспособления исходит из утверждения, что инвалидность в значительной мере конструируется не самим нарушением функций организма, а несоответствием между возможностями человека и требованиями физической и социальной среды, и, следовательно, устранение барьеров является неотъемлемой частью реабилитационной стратегии, равнозначной по значимости терапевтическим и педагогическим направлениям.

Принцип социальной инклюзии и полного участия, являющийся целеполагающим вектором всего реабилитационного процесса, означает, что конечным результатом любых восстановительных усилий должно стать не просто достижение определенных показателей в тестах на мышечную силу или объем движений, а реальная возможность для человека с инвалидностью или пожилого возраста беспрепятственно пользоваться всеми правами и свободами, включая право на образование, труд, досуг и участие в политической и культурной жизни общества наравне с другими гражданами, и достижение

этой цели требует не только мобилизации ресурсов системы социальной защиты, но и коренной трансформации общественного сознания в сторону признания ценности каждого индивида независимо от состояния его здоровья.

Замыкает систему фундаментальных принципов – принцип гуманизма и безусловного уважения достоинства личности, который пронизывает все перечисленные выше положения и наполняет их этическим содержанием, утверждая, что ни одно реабилитационное мероприятие, каким бы технологичным и доказанным оно ни было, не может быть оправдано, если оно унижает человека, лишает его права выбора, игнорирует его боль и субъективные переживания или превращает его в объект манипуляции ради достижения формальных показателей эффективности. Данный принцип особенно остро актуализируется в работе с наиболее уязвимыми категориями пожилых людей, страдающих деменцией или иными тяжелыми когнитивными нарушениями, где соблюдение информированного согласия становится затруднительным, однако потребность в сохранении автономии, уважении личного пространства и праве на достойное завершение жизненного пути не только не снижается, но и выходит на первый план [10, с.134-142].

Таким образом, именно следование вышеозначенным фундаментальным принципам в их системной взаимосвязи, а не механическое применение отдельных технологий и методик, обеспечивает эффективность социальной реабилитации. Рассмотрев понятие и основные черты социальной реабилитации, можно прийти к выводу, что она ориентирована на помощь пожилым людям и лицам с инвалидностью восстановить социальный статус, достигнуть определённого уровня независимости, повысить уровень адаптации в обществе и в целом укрепить здоровье. Тем самым включает в себя не только медицинскую, но также социальную, психологическую, трудовую, педагогическую составляющую.

Реализация социальной реабилитации для пожилых граждан и инвалидов осуществляется в рамках социальных домов в России. Социальный дом – это учреждение стационарного социального обслуживания, предназначенное для проживания граждан пожилого возраста и инвалидов, которые частично или полностью утратили способность к самообслуживанию и нуждаются в постоянном уходе, медицинской помощи, социально-бытовой поддержке.

В настоящее время их деятельность регулируется Федеральным законом от 28 декабря 2013 года №442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации», он устанавливает право граждан на социальную реабилитацию, но не конкретизирует её содержание и формы. Стандарты социальных услуг, утверждённые на региональном уровне, в большинстве субъектов РФ ограничиваются общими формулировками: «содействие в получении образования», «организация досуга», «помощь в трудоустройстве». Это создаёт пространство для вариативности, что можно рассматривать как преимущество – учреждения получают свободу в выборе форм работы. Одновременно это порождает неопределённость: отсутствие чётких критериев качества и обязательных требований позволяет формально соблюсти закон, не обеспечивая реального содержания услуг.

Попытки стандартизации предпринимались. Среди них Приказы Министерства труда и социальной защиты РФ, например, о порядке предоставления социальных услуг в стационарной форме, о примерной форме договора о предоставлении социальных услуг и индивидуальной программе их предоставления. Однако рекомендации носят добровольный характер и не влекут санкций за их игнорирование.

Более жёсткое регулирование может показаться решением. На практике это порождает новые проблемы: бюрократизацию, формальное заполнение отчётности вместо реальной работы, ориентацию на количественные показатели в ущерб качеству. Баланс между свободой и контролем, между стандартизацией и гибкостью остаётся нерешённой задачей социальной политики.

Социальные услуги в домах-интернатах для пожилых людей и инвалидов могут включать различные виды помощи, направленные на поддержание жизнедеятельности, сохранение здоровья, социальную адаптацию и решение бытовых, медицинских, психологических и правовых вопросов. Перечень услуг может варьироваться в зависимости от конкретного учреждения, региона и индивидуальной программы предоставления социальных услуг (таблица 1) [4, с.65-73].

Таблица 1. Основные услуги, оказываемые в рамках социального дома

Основные виды услуг	Содержание услуги
Социально-бытовые услуги	предоставление жилой площади согласно утверждённым нормативам; обеспечение питанием, включая диетическое; обеспечение мягким инвентарём (одеждой, обувью, нательным бельём, постельными принадлежностями); обеспечение книгами, журналами, газетами, настольными играми; предоставление гигиенических услуг лицам, не способным по состоянию здоровья самостоятельно их выполнять; отправка почтовой корреспонденции за счёт средств получателя услуг; сопровождение вне дома.
Социально-медицинские услуги	выполнение процедур, связанных с сохранением здоровья (измерение температуры тела, артериального давления, контроль за приёмом лекарств); проведение оздоровительных и реабилитационных мероприятий; систематическое наблюдение за состоянием здоровья для выявления отклонений; консультирование по социально-медицинским вопросам; проведение занятий по адаптивной физической культуре.
Социально-психологические услуги	социально-психологическое консультирование, в том числе по вопросам внутрисемейных отношений; психологическая помощь (включая экстренную), в том числе анонимно с использованием телефона доверия; психологическая диагностика и обследование личности; социально-психологический патронаж.
Социально-педагогические услуги	обучение родственников практическим навыкам общего ухода за тяжелобольными получателями услуг; социально-педагогическая коррекция, включая диагностику и консультирование; организация досуга (праздники, экскурсии, культурные мероприятия).
Социально-трудовые услуги	проведение мероприятий по использованию остаточных трудовых возможностей и обучению доступным профессиональным навыкам; помощь в трудоустройстве; организация помощи в получении образования или профессии инвалидами в соответствии с их способностями.
Социально-правовые услуги	помощь в оформлении и восстановлении документов; содействие в получении юридических услуг, в том числе бесплатно; консультирование по вопросам, связанным с правом на социальное обслуживание и защитой интересов.
Услуги в целях повышения коммуникативного потенциала	обучение инвалидов (в том числе детей-инвалидов) пользованию средствами ухода и техническими средствами реабилитации; обучение навыкам самообслуживания, поведения в быту и общественных местах; транспортные услуги для обеспечения доступности приоритетных сфер жизнедеятельности.
Срочные социальные услуги	содействие в госпитализации, получении временного жилого помещения, восстановлении документов и других экстренных ситуациях

Также, стоит отметить, что в современных условиях в социальных домах придерживаются двух концепций.

В современной социальной политике ключевое место занимает концепция активного долголетия, разработанная Всемирной организацией здравоохранения и рассматривающая старость не как период угасания, а как полноценный этап жизненного цикла, на котором сохранение физического, социального и интеллектуального потенциала становится главной целью. Активное долголетие предполагает смещение фокуса с простого увеличения продолжительности жизни на её качество, то есть на способность человека оставаться функционально независимым, участвовать в общественной жизни и реализовывать свои потребности даже при наличии хронических заболеваний. Данная концепция опирается на три взаимосвязанных компонента: поддержание здоровья через профилактику и реабилитацию, обеспечение социального участия (включая волонтерство, обучение и трудовую деятельность) и создание безопасной, поддерживающей среды, защищающей пожилых людей от бедности и насилия. Практическая реализация активного долголетия находит выражение в университетах третьего возраста, адаптивных физкультурных программах, а также в политике «стареющего общества», ориентированной на гибкие формы занятости и пожизненное обучение.

В противовес старой «больничной» модели стационарных учреждений, разработана концепция нормализации жизни в социальном доме, которую также называют моделью гостеприимства. Суть этой концепции заключается в максимальном приближении условий проживания в интернате к обычной домашней среде, где жилец выступает не в роли пассивного пациента, а в роли клиента или хозяина своей жизни, обладающего правом на приватность, свободу выбора и достойное отношение. Нормализация предполагает персонализацию пространства – возможность приносить личные вещи, мебель и предметы быта, организацию жизни по индивидуальному режиму (например, свободный подъём и отход ко сну) и отказ от унифицированной больничной атрибутики, такой как халаты персонала или общие палаты. Критически важным принципом выступает «право на разумный риск»: человек может добровольно отказаться от тех или иных процедур или правил питания, даже если это расходится с привычными представлениями о безопасности, при условии, что такое решение принято осознанно. В рамках этой модели общие коридоры и столовые заменяются уютными гостиными и доступными кухнями, а культурные мероприятия проводятся не по принудительному графику, а по желанию самих жильцов.

Однако, в настоящее время данный процесс внедрения двух концепций, может столкнуться с некоторыми барьерами. Некоторые из них очевидны и широко обсуждаются: недостаточное финансирование региональных учреждений, дефицит квалифицированных кадров, устаревшая материально-техническая база. По оценкам Минтруда России, в 2024 году около 38% социальных домов не соответствовали базовым требованиям.

Другие барьеры менее заметны, но, пожалуй, более существенны.

Имеется недостаток ресурсов, персонал социальных домов, сформировавшийся в парадигме патерналистского ухода, воспринимает резидентов преимущественно как объекты заботы, а не как субъектов собственного развития. Эта установка транслируется и самим резидентам. Как правило только порядка 30% лиц с инвалидностью, проживающих в стационарных учреждениях, выражают готовность участвовать в программах профессиональной подготовки, хотя более 60% признают, что «хотели бы чем-то заниматься, но не знают, чем именно».

Здесь возникает принципиальный вопрос мотивации. Человек, десятилетиями исключённый из активной социальной жизни, утрачивает не только навыки, но и представление о собственных возможностях. Реабилитация в таких условиях требует не просто обучения, а восстановления самой способности видеть себя действующим.

Третий барьер – методический. Большинство существующих программ профессионального обучения разработаны для условно здоровых взрослых и не адаптированы к потребностям людей с когнитивными, сенсорными или двигательными ограничениями. Материалы используют мелкий шрифт, сложную терминологию, предполагают длительную концентрацию внимания. Как следствие, попытки внедрить стандартные курсы в социальных домах часто заканчиваются высоким отсевом и разочарованием участников.

Также, немаловажно и преодоление госпитализма в деятельности современного социального дома, это требует не только внедрения отдельных мероприятий, а также пересмотра самой философии

ухода, последовательной реализации на практике тех принципов нормализации жизни и активного долголетия, о которых говорилось выше, что в условиях ограниченных ресурсов становится настоящим вызовом для администрации и коллектива учреждения. Это предполагает целенаправленное создание терапевтической среды, насыщенной возможностями для проявления спонтанной активности и выбора.

Важнейшим инструментом профилактики и коррекции госпитального синдрома выступает эргодотерапевтический подход, суть которого сводится к восстановлению повседневных занятий, имеющих личностный смысл для конкретного человека, будь то умение заварить чай определенного сорта в любимой чашке, полив цветка на подоконнике или просмотр телепередачи в то время, которое удобно ему, а не установлено расписанием. Следует признать, что полностью искоренить госпитализм в условиях стационарного учреждения, вероятно, невозможно, так как сама ситуация коллективного проживания людей с тяжелыми нарушениями здоровья неизбежно накладывает определенные ограничения, однако грамотно выстроенная реабилитационная работа, основанная на системе гуманистических ценностей и профессиональных технологий, способна свести его разрушительные последствия к минимуму, превратив социальный дом из места угасания в пространство, где поддерживается и культивируется остаточная жизненная энергия каждого постояльца.

Несколько учреждений в России всё же смогли выстроить работающие модели интеграции профессиональной подготовки и досуговой активности. Их опыт позволяет сформулировать принципы, которые делают реабилитацию не формальной процедурой, а частью повседневной жизни резидента [3].

Принцип модульности и постепенного включения. Наиболее успешные программы не предлагают резиденту сразу освоить профессию или записаться в кружок. Вместо этого используется ступенчатая система: знакомство с деятельностью через наблюдение, пробное участие в коротких сессиях (15-20 минут), постепенное углубление при сохранении интереса.

Принцип интеграции профессионального и досугового. Границы между «обучением» и «досугом» в успешных практиках размыты намеренно. Гончарная мастерская одновременно место для арт-терапии, пространство для социализации и площадка для освоения профессиональных навыков. Резидент приходит «просто полепить», постепенно осваивает технику, а через полгода может выполнять заказы для местного сувенирного магазина.

Принцип экономической вовлеченности. Ощущение полезности и востребованности критично для поддержания мотивации. Социальные дома, которые смогли организовать реализацию продукции, созданной резидентами, фиксируют значительно более высокую вовлеченность.

Принцип междисциплинарного сопровождения. Ни одна из успешных моделей не функционирует исключительно силами инструкторов или педагогов дополнительного образования. Обязательно задействованы социальные работники, психологи, медицинский персонал, эргодотерапевты [5, с.84].

Перед включением резидента в программу проводится комплексная оценка: физические возможности, когнитивные функции, психоэмоциональное состояние, социальные навыки, индивидуальные интересы. На основе этой оценки формируется индивидуальный маршрут – не как жесткий план, а как гибкая траектория с возможностью корректировки.

Исходя из этого, необходимо совместить трудовую занятость и профессиональную подготовку, как смыслообразующий фактор реабилитации, с активной досуговой деятельностью, как ресурсом эмоциональной разгрузки и социальной интеграции.

В рамках концепций активного долголетия и нормализации жизни в социальном доме трудовая занятость и профессиональная подготовка приобретают статус полноценного реабилитационного подхода, направленного не столько на экономическую отдачу, сколько на восстановление чувства собственной ценности, социальной вовлеченности и когнитивного тонуса у лиц с инвалидностью и пожилых людей. В отличие от традиционного понимания труда как способа получения дохода, в условиях стационарного учреждения трудовая активность рассматривается, прежде всего, как инструмент эргодотерапии и психосоциальной реабилитации, позволяющий человеку сохранять остаточные навыки, компенсировать утраченные функции и выстраивать осмысленный распорядок дня. Для пожилых людей, особенно проживающих в социальных домах, участие в посильной трудовой деятельности – будь то помощь в библиотеке, уход за комнатными растениями, мелкий ремонт или работа в подсобном хозяйстве

– способствует замедлению когнитивного спада, снижает риск депрессии и ощущения «выброшенности из жизни». Важно, что такая деятельность организуется на добровольной основе, с учётом индивидуальных физических и ментальных ограничений, и не предполагает жёстких нормативов выработки, что принципиально отличает её от принудительного труда.

Профессиональная подготовка, в свою очередь, расширяет рамки реабилитационного подхода, обращаясь к потенциальным возможностям человека, а не к его дефицитам. Для лиц с инвалидностью (в том числе с ментальными нарушениями) и для пожилых людей, желающих освоить новое дело, организуются краткосрочные обучающие модули по доступным профессиям: например, оператор колл-центра, помощник по хозяйству, садовник, упаковщик, вязальщик или мастер декоративно-прикладного творчества. Такая подготовка реализуется с использованием адаптированных методик, визуальных инструкций и повторяющихся практических занятий, что учитывает возрастные изменения памяти и темпа обучения. Ключевой эффект профессиональной подготовки заключается не столько в получении формальной квалификации, сколько в переживании успеха, росте самооценки и восстановлении способности ставить и достигать цели – то есть в активизации тех ресурсов личности, которые часто атрофируются в пассивной институциональной среде. Более того, в современных моделях социальных домов (например, в рамках системы долговременного ухода) трудоустройство резидентов на адаптированные рабочие места внутри учреждения или в аутсорсинговых мастерских становится элементом «экономики участия»: человек получает символическое вознаграждение, которое он может потратить на дополнительные услуги или подарки близким, что восстанавливает чувство социальной полезности и автономии [10, с.59].

Организация профессиональной подготовки требует отказа от традиционной образовательной программы, ориентированной на здоровых взрослых, необходим переход к индивидуализированной модели, в рамках которой ключевую роль играют три взаимодополняющих формата: учебно-тренировочные мастерские, адаптированные рабочие места и социальные предприятия. Рассмотрим каждый более подробно.

Учебно-тренировочные мастерские представляют собой специально организованное пространство внутри социального дома или на его прилегающей территории, где лица под руководством инструктора по труду осваивают элементарные трудовые операции в щадящем, повторяющемся режиме без производственного давления и требований к скорости или качеству на начальных этапах; такие мастерские, как правило, оснащаются эргономическими приспособлениями (утолщенные ручки инструментов, фиксаторы для кисти, кнопочное управление вместо рычажного) и ориентируются на виды деятельности, сохраняющие познавательную привлекательность и немедленно видимый результат — например, изготовление бумажных пакетов, сборка ручек, упаковка сувенирной продукции, флористика или гончарное дело.

Основная цель мастерских заключается не столько в выработке профессиональной квалификации, сколько в восстановлении психофизиологических предпосылок труда: удержании позы, чередовании напряжения и расслабления, следовании простому алгоритму, принятии обратной связи, а также в постепенном удлинении времени активного внимания, что особенно критично для пожилых с когнитивными нарушениями и для инвалидов с ментальными расстройствами.

Адаптированные рабочие места, в отличие от мастерских, предполагают уже не тренировочный, а реальный трудовой пост, закрепленный за конкретным постояльцем с индивидуально подобранной эргономикой рабочей зоны (высота стола, угол наклона, специальное кресло, пандус, голосовой интерфейс), измененным графиком (например, два часа в день три раза в неделю) и упрощенными нормативами выработки; такие места могут организовываться в подсобных хозяйствах социального дома (уход за рассадой, сортировка овощей), в прачечной, швейной мастерской или типографии — везде, где возможно дробление сложного процесса на изолированные операции, доступные человеку с ограниченными возможностями здоровья.

Ключевым условием эффективности адаптированного рабочего места выступает наличие наставника из числа штатных сотрудников или волонтеров, который сопровождает постояльца на всем

протяжении смены, подстраховывая при утомлении и корректируя ошибки, но не подменяя его деятельность.

Третьим, наиболее интегративным форматом выступает социальное предприятие, создаваемое на базе социального дома или в партнерстве с внешними некоммерческими организациями; в отличие от мастерских и адаптированных мест, социальное предприятие ориентировано на выпуск конкурентоспособной продукции или оказание услуг, имеющих рыночный спрос (например, производство экологических свечей, пошив многоразовых масок, ремонт бытовой техники), причем не менее половины рабочих мест на таком предприятии должны занимать лица с инвалидностью и пожилые люди. В рамках социального предприятия профессиональная подготовка приобретает черты дуального обучения: резидент одновременно осваивает навык в учебно-тренировочном режиме и сразу же применяет его в реальном производственном цикле под контролем опытного наставника, но в условиях реальных сроков и требований к качеству.

Это создает мощный мотивационный контур, поскольку результат труда получает внешнюю оценку потребителя и приносит экономическую отдачу, которая может частично направляться на доплаты или на развитие досуговой инфраструктуры социального дома. Важнейшей особенностью всех трех форматов при их реализации в социальном доме является необходимость постоянного мониторинга состояния здоровья: для пожилых людей с сердечно-сосудистыми заболеваниями противопоказаны позы с наклоном головы и статические нагрузки, для инвалидов с эпилепсией — работа с мелькающим светом или вибрирующими механизмами, для лиц с деменцией — операции, требующие удержания сложной последовательности действий.

Поэтому эффективная профессиональная подготовка в социальном доме немыслима без участия команды специалистов (врач, психолог, социальный работник), которая разрабатывает индивидуальный маршрут трудовой реабилитации, подбирает формат и его модальности, а также определяет критерии перехода от тренировочного этапа к адаптированному месту и затем — к занятости на социальном предприятии.

Важным условием эффективности данного подхода выступает отказ от медицинской модели, при которой труд и обучение рассматривались как нагрузка, противопоказанная «больному». В парадигме нормализации жизни профессиональная подготовка и трудовая занятость вписываются в обычный распорядок дня как естественные и почетные занятия, наравне с отдыхом и общением. При этом реабилитационный эффект достигается не столько через физическое усилие, сколько через структурирование времени, появление регулярных обязанностей, расширение круга общения (например, в бригадной работе) и формирование новой социальной роли — не «подопечного», а «работника» или «ученика». Для лиц с тяжёлыми множественными нарушениями разрабатываются упрощённые формы трудовой деятельности, такие как сортировка предметов или нанизывание бусин, где важен сам процесс ритмичного действия, стимулирующий сенсорную интеграцию и мелкую моторику.

Критическим вызовом остается проблема низкого ожидаемого срока профессиональной карьеры у пожилых резидентов: если для инвалида молодого или среднего возраста годы работы на социальном предприятии могут стать постоянным занятием, то для 80-летнего человека трудовая подготовка имеет смысл, прежде всего, как когнитивный и моторный тренажер, а не как путь к долгосрочной занятости, что требует дифференцированного подхода к постановке целей. Тем не менее, именно комбинация учебно-тренировочных мастерских (как первичного фильтра и адаптационной площадки), адаптированных рабочих мест (как шага к формальной занятости) и социальных предприятий (как высшей формы интеграции) позволяет превратить социальный дом из учреждения дожития в реабилитационную среду, где труд перестает быть симулякром активности и обретает подлинное значение инструмента восстановления социальной компетентности.

Влияние занятости на психологическое состояние лиц с инвалидностью и пожилых людей, проживающих в социальном доме, носит трансформирующий характер. Включение резидента в регулярную занятость — будь то работа в учебно-тренировочной мастерской, на адаптированном рабочем месте или в социальном предприятии помогает не только в реализации трудового потенциала, но и в

других сферах жизни — самообслуживании, общении, досуге, что свидетельствует о генерализации чувства контроля.

Занятость предлагает альтернативный подход: резиденты начинают воспринимать себя не только как объекты заботы, но и как субъекты полезной деятельности, как «работников», «помощников», «мастеров». Происходит формирование Я-концепции успешности, которая требует не просто факта занятости, а переживания компетентности, которое возникает при успешном выполнении заданий с постепенно возрастающей сложностью; именно поэтому критически важна правильная градуировка трудовых задач — слишком легкие вызовут скуку и не повлияют на самооценку, а слишком трудные приведут к новым неудачам и закреплению беспомощности. Оптимальный уровень сложности обеспечивает состояние потока, при котором человек полностью поглощен деятельностью, теряет чувство времени и после завершения испытывает гордость за результат — это переживание становится мощнейшим ресурсом для изменения самооценки.

Кроме того, в социальном доме важен публичный аспект успешности: когда результаты труда резидента (изготовленные поделки, отремонтированные предметы, убранная территория) демонстрируются другим проживающим, родственникам, персоналу или даже внешним посетителям, происходит социальное подтверждение новой идентичности, что многократно усиливает эффект. Не менее значимо и то, что занятость структурирует временную перспективу, то есть человек начинает планировать не только ближайшие часы (сегодня после обеда иду в мастерскую), но и более отдаленные цели (к концу недели доделаю шкатулку), что противостоит характерному для госпитализма сужению временного горизонта до текущего момента. Следует подчеркнуть, что формирование Я-концепции успешности у разных категорий имеет свою специфику: для лиц с инвалидностью с детства ключевой задачей является преодоление усвоенной в семье или интернате позиции «неспособного», тогда как для пожилых людей, утративших профессиональную карьеру после выхода на пенсию, занятость в социальном доме выполняет функцию мостика к прежней успешной идентичности, позволяя сохранить ощущение собственной полезности вопреки возрастным ограничениям.

Вместе с тем необходимо учитывать риски: если занятость организуется принудительно, без учета индивидуальных предпочтений, или если инструктор демонстрирует нетерпение и критику, то вместо преодоления выученной беспомощности может сформироваться негативная Я-концепция неудачника, закреплённая опытом неуспеха в труде. Поэтому ключевым условием выступает добровольность, поэтапность и психологическое сопровождение.

В конечном счёте, трудовая занятость и профессиональная подготовка в социальном доме превращают реабилитацию из набора пассивных процедур (массаж, лекарства) в активную, субъектную деятельность, где пожилой человек или человек с инвалидностью выступает не объектом заботы, а автором своей повседневности. Это полностью созвучно принципам активного долголетия, поскольку позволяет продлить функциональную независимость, и нормализацию, поскольку возвращает в жизнь человека привычные социальные практики — учиться, работать, чувствовать себя нужным.

Вторая важная составляющая реабилитации — досуговая деятельность.

В контексте реабилитации лиц с инвалидностью и пожилых людей, проживающих в социальном доме, досуговая деятельность выступает не просто формой заполнения свободного времени, а полноценным психосоциальным и эрго-терапевтическим подходом, направленным на поддержание когнитивных функций, эмоционального благополучия и социальной вовлеченности. В отличие от традиционного понимания досуга как развлечения или отдыха, в условиях стационарного учреждения он приобретает инструментальную ценность: через специально организованные, доступные и личностно значимые занятия (творчество, настольные игры, просмотр и обсуждение фильмов, музыкальные встречи, чтение вслух, садоводство, адаптированные экскурсии) удаётся компенсировать дефицит внешних стимулов, неизбежный при длительном нахождении в замкнутом пространстве. Ключевой механизм реабилитационного действия досуга заключается в восстановлении чувства самоэффективности, когда человек с физическими или ментальными ограничениями успешно справляется с посильной творческой или игровой задачей, его внутренняя оценка собственных

возможностей меняется, что снижает уровень выученной беспомощности, столь характерной для обитателей интернатов старого типа [7].

Важнейшим принципом реализации досуговой деятельности как реабилитационного подхода является её добровольность, вариативность. В рамках концепции нормализации жизни в социальном доме досуг организуется не по единому расписанию для всех, а по принципу меню возможностей, где каждый житель – независимо от возраста, степени инвалидности или сохранности интеллекта – может выбрать занятие, соответствующее его актуальным потребностям и остаточным функциям. Для пожилых людей с деменцией, например, досуговая деятельность может принимать форму сенсорной стимуляции (перебор круп, прослушивание знакомых мелодий, сортировка предметов по цвету). Для лиц с ментальными нарушениями структурированный досуг (например, занятия в гончарной или текстильной мастерской) формирует произвольное внимание, навыки следования инструкции и терпение – качества, которые затем переносятся в повседневную самоорганизацию. У пожилых людей с сохраненным интеллектом досуг (шахматы, обсуждение новостей, участие в книжном клубе) выступает профилактикой социальной изоляции и когнитивного спада, обеспечивая регулярную интеллектуальную нагрузку и поддерживая связь с большим миром.

Особого внимания заслуживает коммуникативная функция досуга в условиях социального дома. Совместные занятия – совместное пение, работа над коллективной картиной, кулинарный мастер-класс – создают естественные ситуации для неформального общения между резидентами, которые в противном случае могли бы месяцами не обмениваться ничем, кроме жалоб на самочувствие. Таким образом, формируется микросообщество, снижающее одиночество и повышающее взаимную поддержку. Более того, досуговая деятельность может быть организована как межпоколенческая: приглашение детей из соседних школ или волонтеров для совместных занятий (рисование, настольные игры, рукоделие) разрушает барьер отчужденности, возвращает пожилым людям ощущение востребованности и передачи опыта, а для лиц с инвалидностью – даёт опыт позитивного социального контакта вне медицинского контекста.

С точки зрения терапии, досуг рассматривается как один из трёх базовых видов человеческой деятельности (наряду с самообслуживанием и продуктивным трудом), и его нарушение или отсутствие столь же патогенно, как утрата способности одеваться или готовить пищу. Поэтому в программе реабилитации каждого резидента социального дома должен присутствовать раздел «досуговый профиль», фиксирующий, какие занятия приносили человеку удовольствие в прошлом, и как их можно адаптировать к его текущим возможностям. Например, если пожилой человек с инсультом ранее любил вязать, ему предлагают крупные спицы и толстую пряжу; если любил читать – аудиокниги. Такой персонализированный подход превращает досуг из пассивного времяпрепровождения в активную реабилитационную программу, направленную на восстановление смыслообразующих мотивов жизни. В конечном итоге, в условиях социального дома, где риск депривации и госпитализма особенно высок, досуговая деятельность выступает не второстепенной «культурно-массовой» нагрузкой, а базовым компонентом средовой реабилитации, позволяющим сохранить личностную идентичность, эмоциональную регуляцию и, что самое главное, – желание жить и взаимодействовать с миром [10, с.69].

В конечном итоге положительный эффект принесет только интеграция двух этих подходов, трудовой и досуговой деятельности.

Такая интеграция позволяет преодолеть ключевое противоречие стационарных учреждений: с одной стороны, необходимость структурированного занятия, развивающего функциональные возможности, а с другой – потребность в свободной, внутренне мотивированной деятельности, поддерживающей эмоциональное благополучие. Когда профессиональная подготовка и досуг искусственно разделены, у лиц с инвалидностью и пожилых людей часто возникает ощущение, что работа – это обязанность, а досуг – награда, что снижает реабилитационный потенциал обоих компонентов. Напротив, их слияние создаёт непрерывную среду, где любой навык, приобретаемый в ходе профессиональной подготовки, немедленно находит применение в досуговой ситуации, а любая досуговая активность может стать отправной точкой для формирования новой профессии.

Концептуально интеграция строится на идее «занятости, ориентированной на личность», где грань между полезным трудом и удовольствием стирается. Например, обучение основам садоводства и ландшафтного дизайна (профессиональная подготовка) органично переходит в досуговое занятие – совместное выращивание цветов на клумбе или создание зимнего огорода в рекреационной зоне, причём процесс уже не делится на «серьёзное учение» и «игру». Для пожилого человека с когнитивными нарушениями такая интеграция позволяет закреплять навыки через повторение в безопасной, эмоционально положительной обстановке: если на занятии по профессиональной подготовке он учится сортировать детали, то в досуговой мастерской эта же операция становится частью изготовления игрушки или панно, где ошибка не ведёт к «неудовлетворительной оценке», а воспринимается как элемент творчества. Для людей с ментальной инвалидностью интеграция профподготовки и досуга снижает тревожность, связанную с необходимостью «соответствовать стандарту»: овладение простейшими трудовыми операциями (складывание салфеток, наклеивание этикеток) может быть подано как часть кулинарного или рукодельного досуга, где результат – не товар для продажи, а общий обед или украшение комнаты, что усиливает чувство сопричастности, а не экономической нагрузки.

Важным механизмом интеграции выступает временная и пространственная непрерывность. В традиционном социальном доме профессиональная подготовка локализована в специально оборудованных мастерских (учебных классах), а досуг – в гостиных или актовых залах. Интегративный подход требует создания мультифункциональных сред, где, например, кухня-студия одновременно служит местом для обучения азам кулинарного дела (взвешивание ингредиентов, соблюдение рецептуры, техника безопасности) и для непринуждённого чаепития, выпечки печенья к празднику или кулинарного вечера воспоминаний. Такое совмещение делает профессиональные пробы естественной частью повседневности, снижает барьеры для участия (человек приходит на досуг, но попутно осваивает навык) и позволяет многократно повторять действия без утомительной рутины. Более того, досуговая деятельность часто выявляет скрытые способности и интересы, которые затем могут быть канализированы в профессиональную подготовку: пожилой человек, увлекающийся на досуге рисованием, может с минимальной адаптацией освоить профессию оформителя или иллюстратора для внутренних нужд социального дома, что придаст его увлечению статус общественно значимого труда.

С точки зрения реабилитационной динамики, интеграция обеспечивает эффект переноса и генерализации навыков. Не менее значим социально-коммуникативный аспект интеграции. Когда профессиональная подготовка и досуг происходят в одном пространстве и времени, стираются иерархические отношения, появляются горизонтальные связи: более опытный в каком-либо досуговом занятии житель (например, вышивающий крестиком) может стать наставником для другого, кто хочет освоить вышивку как элемент профессиональной подготовки в швейной мастерской. В организационном плане интеграция профессиональной подготовки и досуговой деятельности требует пересмотра ролей персонала.

В конечном итоге интеграция двух сфер позволяет социальному дому выйти из парадигмы «лечения трудом» и «культурного обслуживания», перейдя к модели «жизни, наполненной значимыми делами», где любой человек, независимо от возраста и инвалидности, может одновременно учиться, работать, отдыхать и творить, не ощущая разрыва между этими ипостасями. Это и есть высшая форма нормализации: когда профессиональное и досуговое становятся двумя гранями одного и того же – активного, осмысленного и радостного существования.

При этом, комплексные реабилитационные программы требуют существенных вложений. Оборудование мастерских, зарплаты специалистов, расходные материалы – всё это увеличивает смету содержания социального дома на 20-35%. Возникает закономерный вопрос: оправданы ли эти затраты?

Прямые экономические эффекты измеримы, хотя и невелики. Реализация продукции, изготовленной резидентами, способна покрыть 8-15% расходов на содержание мастерских – не больше. Основная экономия достигается косвенно, через снижение медицинских расходов и потребности в интенсивном психологическом сопровождении. Также, резиденты, включённые в регулярную структурированную активность, на 27% реже обращаются за медицинской помощью по поводу

психосоматических расстройств, на 34% реже получают назначения антидепрессантов и седативных препаратов. В денежном выражении это даёт экономию около 18-22 тысяч рублей на человека в год.

Более значительный, хотя и труднее измеримый эффект – социальный. Улучшение качества жизни резидентов, снижение конфликтности, формирование позитивного имиджа учреждения. Социальные дома с развитыми реабилитационными программами практически не сталкиваются с проблемой текучести кадров – сотрудники реже выгорают, когда видят не только бытовой уход, но и развитие подопечных.

Наконец, существует эффект тиражирования. Успешные практики становятся моделями для других учреждений, постепенно меняя стандарты отрасли. Если в 2020 году только 14% социальных домов имели структурированные программы профессиональной реабилитации, то к началу 2025 года этот показатель вырос до 37%.

Впрочем, эта закономерность прослеживается не во всех регионах. В субъектах РФ с хронически дефицитными бюджетами социальные дома продолжают функционировать в режиме выживания, где любые инициативы, выходящие за рамки базового ухода, воспринимаются как непозволительная роскошь.

В заключении отметим, что несмотря на множество барьеров, тенденция очевидна: социальные дома постепенно эволюционируют от учреждений изоляции к центрам активной жизни. Этот процесс неравномерен, противоречив, зависит от воли конкретных руководителей и энтузиазма сотрудников.

В ближайшие годы можно прогнозировать несколько ключевых направлений развития: расширение межведомственного взаимодействия – привлечение центров занятости, образовательных организаций, некоммерческих организаций к работе с резидентами социальных домов; развитие инклюзивных мастерских, где резиденты работают совместно с жителями окружающих территорий, разрушая институциональные границы; внедрение технологий удалённой реабилитации и телемедицины, расширяющих возможности индивидуального сопровождения; формирование сетей взаимопомощи между учреждениями, обмен успешными практиками, создание региональных ресурсных центров.

Ключевым условием реализации этих сценариев остаётся изменение институциональной культуры. Технологии, оборудование, методики – всё это вторично по отношению к базовой установке персонала: видит ли он в резиденте субъекта, способного развиваться, или объект, нуждающийся в присмотре.

Интеграция профессиональной подготовки и досуговой деятельности в практику работы социальных домов – это не просто расширение спектра услуг. Это смена парадигмы: от пассивного содержания к активной реабилитации, от изоляции к включению, от объектной позиции резидента к субъектной.

Для этого необходимо сочетание нескольких факторов: политическая воля на уровне региональных властей, устойчивое финансирование, качественная подготовка кадров, гибкое нормативное регулирование, поддержка гражданского общества. Ни один из этих факторов сам по себе не достаточен, но в комплексе они способны создать условия для реальных изменений.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Васильев, В. Н. Социально-трудовая реабилитация инвалидов трудоспособного возраста с ограниченными возможностями в условиях психоневрологического дома-интерната / В. Н. Васильев. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. - 2023. - № 11 (458). - С. 197-200. – Режим доступа: URL: <https://moluch.ru/archive/458/100823>.
2. Горбунова, В.В., Стационарозамещающие технологии в социальной реабилитации детей-инвалидов. / В. В. Горбунова, А. А. Андрущенко, Н. К. Маяцкая // Тенденции развития науки и образования – 2020. - № 58-8. - С. 53-56.
3. Дронина О.В. Организация досуговой деятельности с гражданами пожилого возраста в условиях серго-поливановского дома-интерната для престарелых и инвалидов // Материалы V Международной студенческой научной конференции «Студенческий научный форум». – Режим доступа: URL: <https://scienceforum.ru/2013/article/2013002968?ysclid=mo5cz4n3pw388874524>><https://scienceforum.ru/2013/article/2013002968?ysclid=mo5cz4n3pw388874524>
4. Ерусланова, Р. И. Технологии социального обслуживания лиц пожилого возраста и инвалидов на дому: учебное пособие для бакалавров / Р. И. Ерусланова. - 5-е изд. — Москва : Издательско-торговая корпорация «Дашков и К°», 2023.

- 168 с. - ISBN 978-5-394-01898-5. - Текст: электронный. - Режим доступа: URL: <https://znanium.com/catalog/product/1091873>
5. Жизнь вне изоляции. Концепция нового социального дома: монография / К. М. Мануильская, Д. М. Рогозин, О. С. Грязнова [и др.]. - Москва: Дело (ПАНХиГС), 2021. - 328 с. - ISBN 978-5-85006-330-6. - Текст: электронный. - Режим доступа: URL: <https://znanium.ru/catalog/product/1862417>
6. Кузьмин В. П., Бородин Е. С. Технологии социальной реабилитации в повышении качества жизни инвалидов, проживающих в стационарных учреждениях социального обслуживания // Коллекция гуманитарных исследований. - 2021. - №1 (26). - Режим доступа: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tehnologii-sotsialnoy-reabilitatsii-v-povyshenii-kachestva-zhizni-invalidov-prozhivayuschih-v-statsionarnyh-uchrezhdeniyah>
7. Куртанова, А. Б. Социальная работа в сфере организации досуговой деятельности детей / А. Б. Куртанова. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. - 2023. - № 51 (498). - С. 423-424. - Режим доступа: URL: <https://moluch.ru/archive/498/109544>
8. Мардахаев, Л. В. Социальная педагогика: основы профессиональной деятельности социального педагога: учебник для студентов средних и высших учебных заведений, магистрантов и аспирантов/ Л. В. Мардахаев. – Москва: Директ-Медиа. - 2023. - 326 с. – ISBN 978-5-4475-9743-6. - Текст: электронный. - Режим доступа: URL: <https://znanium.ru/catalog/product/2197362>
9. Налобина, А. Н. Физическая реабилитация детей первого года жизни с перинатальным поражением центральной нервной системы: диссертация ... доктора биологических наук: 14.03.11 / Налобина Анна Николаевна; [Место защиты: Российский научный центр восстановительной медицины и курортологии]. - Омск, 2023. - 314 с.
10. Свищева, И. К. Оказание социальных услуг лицам пожилого возраста и инвалидам на дому: учебное пособие / И. К. Свищева, А. А. Горайнов. - Москва: Директ-Медиа, 2020. - 242 с. - ISBN 978-5-4499-1194-0. - Текст: электронный. - Режим доступа: URL: <https://znanium.ru/catalog/product/1990153>
11. Холостова, Е. И. Социальная политика и социальная работа: учебное пособие / Е. И. Холостова. - 4-е изд., перераб. и доп. - Москва: Дашков и К, 2013. - 208 с. - ISBN 978-5-394-02003-2. - Текст: электронный. - Режим доступа: URL: <https://znanium.com/catalog/product/414964>

5.4.7 СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ

УДК 316

ОБ АВТОРЕ:

Демина Светлана Владимировна,
старший преподаватель кафедры современного
государственного и муниципального управления,
Российский государственный социальный
университет, Москва, Россия

ABOUT THE AUTHOR:

Demina Svetlana V.,
Senior Lecturer, Department of Modern Public and
Municipal Administration,
Russian State Social University, Moscow, Russia

Демина С. В.

Организационные дисфункции муниципальной службы как фактор снижения ее привлекательности для молодых специалистов

В статье приводятся результаты анализа оценок привлекательности муниципальной службы полученных в ходе опроса молодых служащих муниципальных органов власти (18-35 лет, N=519, выборка целевая, 2025 год). С опорой на институциональный, ценностно-рациональный и системный подходы выводится определение ключевого концепта «привлекательность»

применительно к муниципальной службе. Результаты исследования показали доминирование следующих аттрактантов муниципальной службы для молодых специалистов: статус (принадлежность к органам власти), реализация управленческих функций, широкий круг общения, социальная востребованность, возможность внести свой вклад. В статье делается вывод о наличии организационных дисфункций, которые в современных условиях могут быть рассмотрены как катализаторы отчуждения молодых специалистов: низкая оплата труда, многозадачность / чрезмерная загруженность, ограничения в карьерных траекториях, конфликтность и недоверие местных жителей, ресурсные дефициты на местах, негативная повестка в СМИ.

Ключевые слова: муниципальная служба, молодежь, привлекательность, аттрактант, катализатор отчуждения.

Для цитирования: Демина С. В. Организационные дисфункции муниципальной службы как фактор снижения ее привлекательности для молодых специалистов // Социально-гуманитарные технологии. 2026. №2 (38). С. 37-42.

Demina S. V.

Organizational dysfunctions of municipal service as a factor reduce its attractiveness for young professionals

This article presents the results of an analysis of municipal service attractiveness assessments obtained through a survey of young municipal government employees (18-35 years old, N=519, targeted sample, 2025). Drawing on institutional, value-rational, and systemic approaches, a definition of the key concept of "attractiveness" is developed as it applies to municipal service. The study results revealed the predominance of the following municipal service attractors for young professionals: status (affiliation with government), implementation of managerial functions, a wide social circle, social relevance, and the opportunity to make a contribution. The article concludes that organizational dysfunctions exist that, in the current context, can be considered catalysts for the alienation of young professionals: low wages, multitasking/excessive workload, limited career trajectories, conflict and mistrust among local residents, resource shortages at the local level, and a negative media agenda.

Keywords: municipal service, youth, attractiveness, attractant, catalyst for alienation.

For citation: Demina S. V. Organizational dysfunctions of municipal service as a factor reduce its attractiveness for young professionals. *Sotsial'no-gumanitarnye tekhnologii*. 2026; 2 (38): 37-42. (In Russ.)

Введение

В современных российских реалиях отмечается высокий интерес к трансформации рынка труда под запросы и ожидания молодых специалистов. Для многих отраслей и отдельных предприятий омоложение кадрового состава становится приоритетной задачей, призванной обеспечить

воспроизводство человеческого потенциала организации, инноварирование технологий и привлечения талантов. Стоит отметить, что данный тренд не обошел стороной и органы управления, что особенно ярко проявляется на местном уровне, как наименее ресурсном в структуре власти и, следовательно, уязвимом к кадровым дефицитам [7]. В данном контексте представляется значимым дать научное обоснование восприятию привлекательности муниципальной службы среди молодых специалистов, что может послужить основой для разработки практических мер и предложений.

В современном научном дискурсе «привлекательность» представляет собой сложный социальный конструкт. Восприятие профессии позволяет выделить в общественном сознании ее престиж и субъективную оценку отдельных аттрактивных черт. В первом случае, говоря о престиже [1], речь идет о власти, статусе, возможности повысить свой социальный статус за счет принадлежности к конкретной социoproфессиональной группе. Так согласно, результатам ВЦИОМ¹ муниципальная служба выступает сегодня скорее «нисходящей профессией: доля россиян, отметивших престиж профессии «управленцы / чиновники» не превышает 4%. Во-втором случае, говоря о привлекательности, акценты ставятся на способности профессии вызывать у социального субъекта личный интерес, желание быть причастным, симпатию и иные позитивные реакции.

Схожий фокус интерпретации «привлекательности муниципальной службы» можно встретить в работе российских авторов. Однако для исследователей свойственно концентрировать внимание на отдельных аспектах оценки, что создает некоторую мозаичность в описании данной категории анализа. Например, по мнению Е.В. Фроловой привлекательность муниципальной службы отражает субъективное восприятие социальным субъектом образа профессиональной деятельности муниципальных чиновников, который связан с повседневной оценкой их способности эффективно решать административно-хозяйственные задачи развития территории [9]. В трудах Н.В. Проказиной привлекательность муниципальной службы рассматривается на стыке постпозитивистской и неoinституциональной парадигм. В частности, ученый предлагает отказаться от поиска универсальных закономерностей и акцентировать внимание на «субъективности восприятия муниципальной службы, множественности мотивационных факторов и динамике их трансформации» и обратиться к комплексному анализу формальных правил и неформальных практик данной социoproфессиональной группы [4]. Вместе с тем ученым подтверждается тезис, что деятельность властных структур часто наделяется чертами бюрократии, рутинности, что формирует негативные представления о муниципальном служащем, как их носителе. Стереотипизация восприятия привлекательности муниципальной службы приводит к развитию нескольких направлений исследований. Первое связано с анализом мотивационных установок муниципальных служащих: материальным вознаграждением, социальной средой, содержанием труда и осознанием его общественной значимости. Второе – с анализом деструкций в работе муниципальных служащих: высоких нагрузок, многозадачности, рутины, профессионального выгорания [2; 8]. Третье – с анализом вопросов профессиональной этики, ценностно-смысловых координат служебной деятельности. В частности, в работе В.С. Мухаметжановой акцентируется внимание на нравственных основах деятельности муниципальных служащих [3].

Стоит отметить, что восприятию привлекательности муниципальной службы в зарубежных исследованиях свойственен более комплексный подход, который позволяет рассматривать данный концепт в смысловом единстве как конкретных атрибутов профессиональной деятельности муниципальных служащих (статус, доход, сложность решаемых задач, профессиональные компетенции) [12; 13], так и социальной миссии данной социoproфессиональной группы, ценностях общественного служения [10; 11].

Отдельным направлением социологического анализа привлекательности муниципальной службы может выступать связь восприятия данной профессии и возможностями рынка труда. В частности, речь идет о карьерных перспективах, стабильности рабочего места, возможности самореализации и

¹ Официальный сайт ВЦИОМ. Наиболее престижные и доходные профессии: мониторинг. 12 июля 2024 года. — URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/naibolee-prestizhnye-i-dokhodnye-professii-monitoring> (дата обращения 20.05.2026).

конкурентного уровня оплаты труда. По мнению О.В. Рогач, «удержанию профессиональных кадров, а также повышению оценок привлекательности муниципальной службы будет способствовать работа с внутренними условиями ее прохождения» [5, С. 281]; требуется создание прозрачных условий должностного продвижения, в том числе с использованием кадровых резервов, карьерного планирования и превентивной работы для устранения причин фрустрации карьерных потребностей муниципальных служащих [6].

Несмотря на достаточно широкий пласт работ, посвященных вопросам привлекательности муниципальной службы, в научном дискурсе, сохраняется дефицит интерпретационных парадигм «привлекательности» как методологической единицы анализа. С одной стороны, сохраняется размытость самого объекта аттракции – муниципальная служба рассматривается учеными с разных позиций и подходов. С другой, привлекательность как сложный конструкт изучается авторами в том составе элементов, что отвечает их исследовательскому замыслу, нивелируя иные смыслы и структурные детерминанты.

С опорой на рассмотренные выше теории предлагается интерпретировать «привлекательность муниципальной службы» как совокупность субъективных оценок, выражающих синкретизм рационального (статус, доход), эмоционального (позитивные чувства), ценностного (общественное служение), инструментального (возможности продвижения по карьерной лестнице) и символического (общественный престиж) восприятия деятельности специфической социoproфессиональной группы служащих местных органов власти.

Методология исследования

В данном исследовании анализ привлекательности муниципальной службы проводится на уровне микропроцессов, что позволяет обращаться к субъективному восприятию (оценочному суждению) представителей социoproфессиональной группы аттрактивных черт служебной деятельности в местных органах власти. Такой подход, позволяет идентифицировать базовые индикаторы в оценках привлекательности: престиж (статус) профессии, доход, карьерные возможности, а также ценностно-смысловые индикаторы привлекательности профессии: разделение ценностей общественного служения, помощи, стремление быть полезным и решать проблемы своей территории.

Цель исследования заключается в анализе оценок молодого контингента муниципальных служащих (18-35 лет). В ходе исследования анализу подлежали следующие блоки:

- общая оценка привлекательности муниципальной службы;
- первичный запрос молодого специалиста (основание выбора профессии);
- возможные изменения в оценках будучи уже представителем данной социoproфессиональной группы.

Ключевым методом сбора эмпирической информации послужил анкетный опрос муниципальных служащих (N=519). Обработка количественных данных осуществлялась с использованием критерия χ^2 Пирсона для анализа произвольных таблиц сопряженности.

Результаты исследования

Установлено, что треть опрошенных (33,7%) полностью удовлетворены своей работой, тогда как только 1 из 10 высказал противоположное мнение. Вместе с тем уровень оплаты труда муниципальных служащих рассматривается молодыми специалистами с негативной коннотацией: удовлетворены доходом только 37,0% опрошенных. В данном контексте логичным выглядит следующий эмпирический факт: суммарно только 38,7% молодых специалистов считают муниципальную службу привлекательным видом профессиональной деятельности (выбор вариантов ответа «высокая» и «скорее высокая»).

На основе полученных распределений ответов установлено наличие статистически значимой связи между дифференцированным возрастом молодых муниципальных служащих и их оценками привлекательности своей профессии ($\chi^2 = 11.700$, $p = 0.020$). В категории служащих до 25 лет суммарные оценки привлекательности в категории «высокая» и «скорее высокая» превышают аналогичный показатель в возрастной когорте до 35 лет (выше на 15,6 п.п.). Различия в полученных ответах можно объяснить наличием гала эффекта, когда молодежь 18-25 лет (вчерашие студенты, только получившие или получающие образование) априори воспринимает профессию, связанную с работой в органах власти,

как престижную и статусную, поэтому оценки 18-летних могут быть выше, чем у более зрелых работников. Однако в ходе взросления такой оптимизм может нивелироваться реальным опытом трудовых будней.

Подтверждением сделанных выводов может служить установленная статистически значимая связь между стажем работы муниципальных служащих в органах власти и их оценками ее привлекательности ($\chi^2 = 29.498$, $p < 0.05$). Так существенно выше восприятие привлекательности муниципальной службы среди специалистов со стажем до 1 года. При этом после прохождения срока службы в 1 год оценки респондентов не имеют существенных отличий.

Тип поселения, где проходят муниципальную службу молодые специалисты, во многом определяет специфику рынка труда. В сельских поселениях он существенно ограничен, однако именно здесь оценки респондентов иллюстрируют в целом амбивалентный характер. Несмотря на наличие статистически значимой связи ($\chi^2 = 27.800$, $p < 0.05$) устойчивые тенденции на данном эмпирическом материале не установлены.

В ходе исследования респондентам было предложено провести рефлексию своих чувств, которые доминировали в период выхода на муниципальную службу. Такой подход позволил установить позитивную тональность их эмоционального восприятия служебной деятельности (рисунок 1).

Рисунок 1. Распределение ответов на вопрос о чувствах (ожиданиях), которые испытывали молодые специалисты при выходе на муниципальную службу, в %.

Источник: составлено автором

Однако за время работы суммарно 41,0% молодых специалистов испытали разочарование в профессии (выбор вариантов ответа «да» и «скорее да, чем нет»). В качестве катализатора отчуждения выступили следующие аспекты организации труда муниципальных служащих (рисунок 2).

Рисунок 2. Мнение молодых специалистов о причинах разочарования в профессии (множественный выбор), в %.

Источник: составлено автором

Не вызывает удивление, что катализаторы отчужденности оказывают влияние на восприятие привлекательности муниципальной службы и становятся предикатом построения альтернативных карьерных траекторий. В частности, молодым специалистам был задан вопрос о карьерных планах и трудовых стратегиях. Согласно полученным данным, только 32,6% молодых специалистов планируют остаться на муниципальной службе надолго, однако 23,1% респондентов настроены сменить работу в ближайшее время. Полученные данные позволили установить наличие статистически значимой связи ($\chi^2 = 99.091$, $p < 0.01$) между стремлением молодых специалистов сменить профессию и сниженным восприятием привлекательности муниципальной службы.

79,8% молодых специалистов полагают, что отсутствие ресурсов на местном уровне, в том числе бюджетных средств, необходимых для решения территориальных проблем становится фактором снижения привлекательности муниципальной службы. Зачастую положение усугубляется негативной медийной повесткой. Современные СМИ ориентированы на запоминающийся новостной контент, которые способен в условиях информационного шума и множественности каналов передачи данных максимально привлечь внимание общественности. Для этого лучше подходит заострение зрительского внимания на провалах муниципальной власти, сопереживание проблемам местного сообщества в противовес формированию негативного образа муниципального чиновника. 43,4% молодых специалистов отмечают данный фактор как причину снижения привлекательности муниципальной службы для современной молодежи.

Выводы.

Таким образом, можно сделать вывод, что привлекательность муниципальной службы – это сложный социальный конструкт, требующий целенаправленного подхода по его созданию и воспроизводству в общественном сознании. Анализ оценок молодых муниципальных служащих позволил установить доминирование следующих аттрактантов: статус (принадлежность к органам власти), реализация управленческих функций, широкий круг общения, социальная востребованность, возможность внести свой вклад.

Результаты опроса показали наличие следующих организационных дисфункций, оказывающих негативное влияние на восприятие привлекательности муниципальной службы и которые в современных условиях могут быть рассмотрены как катализаторы отчуждения: низкая оплата труда, многозадачность

чрезмерная загруженность, вызванная нехваткой кадров, низкие карьерные перспективы, конфликтность и недоверие местных жителей, ресурсные дефициты на местах, негативная повестка в СМИ.

Материалы опроса показали «хрупкость» аттрактивных черт муниципальной службы, которая формируется под воздействием двух ключевых факторов внешней среды. Речь идет о ресурсных ограничениях местной власти, финансовых дефицитах и специфике межбюджетных трансфертов. Отсутствие достаточной ресурсной базы для решения территориальных проблем ставит муниципальных служащих в уязвимую позицию, снижая трансформационный потенциал их конструктивных решений и формируя лакуны конфликтных противоречий с местным населением. Давление, которое могут испытывать молодые специалисты не компенсируется достойной оплатой труда, что провоцирует возникновение профессиональных девиаций (карьерная пассивность, негативное отношение к местным жителям, эмоциональное выгорание и разочарование в профессии).

ЛИТЕРАТУРА:

1. Исакова Г.К., Аппазова Б.Г., Ихласов Д.Д. Основные направления повышения престижа муниципальной службы // Региональные проблемы преобразования экономики. 2019. № 2 (100). С. 16-20.
2. Марченко А.А. Совершенствование механизмов мотивации труда муниципальных служащих // Проблемы научной мысли. 2023. Т. 2, № 5. С. 62-68.
3. Мухаметжанова В.С. Нравственные основы деятельности муниципальных служащих // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2023. № 23 (4). С. 901-915. С. 901.
4. Проказина Н.В. Привлекательность муниципальной службы в субъективных оценках молодежи // Среднерусский вестник общественных наук. 2025. Том 20. №2. С. 75-93. DOI: 10.22394/ 2071-2367-2025-20-2-75-93
5. Рогач О.В. Привлекательность муниципальной службы: дефициты и точки роста // Ars Administrandi (Искусство управления). 2026. Т. 18, № 2. С. 281–297. <https://doi.org/10.17072/2218-9173-2026-2-281-297>. С. 281
6. Рогач О.В., Фролова Е.В. Карьерные стратегии муниципальных служащих: перспективы и ограничения // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2026. № 89. С. 187–197. doi:10.17223/1998863X/89/16
7. Родюкова Т.Н. Привлечение и удержание молодых специалистов как способ решения кадровых проблем на государственной гражданской и муниципальной службе // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2022. №12. С. 91-96.
8. Тимофеева С.В. Основные факторы мотивации труда муниципальных служащих // Вестник Чебоксарского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. 2024. № 1(32). С. 64-72.
9. Фролова Е. В., Рогач О. В., Шалашникова В. Ю. Реализация модели «сити-менеджер» в России: ограничения и преимущества // Мониторинг общественных мнений: привычные и социальные перемены. 2021. №6(166). С. 506-527. DOI:10.14515/monitoring.2021.6.1887
10. Asplund S., Lindgren B.-M., Åström S., Hedlund M., Åhlin J. Organizational and psychosocial environmental factors associated with self-rated fatigue disorder among Municipal employees in rural north Sweden // WORK. 2023. №75(4). P.1215-1229.
11. Favero N., Pedersen M., Park J. Which job attributes attract individuals high in public service motivation and self-efficacy to a public service job? Public Administration. 2023. P. 1-40. DOI:10.1111/padm.12975
12. Humphrey N. M. Emotional labor and professionalism: finding balance at the local level // State and local government review. 2021. № 53 (3). С. 260-270. DOI:10.1177/0160323X211048847
13. Klatt T., Fairholm M. Promote or Deter: How Organizations Influence Public Service Motivation // Public Personnel Management. 2022. №52(1). С. 48-69. DOI: 10.1177/00910260221121101

ОБ АВТОРЕ:

Ераносян Владимир Максимович,
кандидат политических наук, доцент кафедры
социологии,
Финансовый университет при Правительстве
Российской Федерации, Москва, Россия

ABOUT THE AUTHOR:

Yeranosyan Vladimir M.,
Political Science Candidate, Associate Professor of the
Department of Sociology,
Financial University under the Government of the
Russian Federation, Moscow, Russia

УДК 316**Ераносян В. М.****Фактор безопасности в развитии
современного туризма**

Обеспечение безопасности туристов в современных условиях является результатом работы органов власти, реализации ими успешных практик по формированию безопасной среды и комфортного пребывания. В статье приводятся результаты анализа оценок представителей местных органов власти ($N = 306$ чел., выборка целевая) и массового опроса местного населения ($N = 768$ чел., выборка стихийная). Делается вывод о признании местными властями высокого уровня безопасности на своей территории, при этом отсутствие безопасных условий связывается респондентами с недостатком

соответствующих ресурсов, которые могли бы обеспечить удовлетворение базовых потребностей путешественников ($\chi^2 = 30.277$, $p < 0.001$). Среди муниципалитетов с недостатком финансовых средств, почти каждый десятый представитель власти обратил внимание на проблемы с безопасностью. При этом результаты исследования показали высокий уровень дружелюбия, готовности местных жителей к гостеприимному взаимодействию с туристами. При отсутствии статистически значимой связи между типом муниципального образования и дружелюбием к туристам ($\chi^2 = 3.907$, $p = 0.142$) жители крупных городов продемонстрировали более высокий уровень готовности помочь туристу в случае необходимости. По материалам опроса населения установлены опасения нарушения безопасности от присутствия туристов: загрязнения благоустроенных пространств, демонстрация негативных образцов культуры туристов, их агрессивное поведение, ухудшение криминогенной обстановки.

Ключевые слова: безопасность, туризм, власть, местное население, ресурсы, дружелюбие.

Для цитирования: Ераносян В. М. Фактор безопасности в развитии современного туризма // Социально-гуманитарные технологии. 2026. №2 (38). С. 43-50.

Yeranosyan V. M.**The safety factor in the development of modern tourism**

Ensuring tourist safety in today's environment is the result of government efforts and the implementation of successful practices to create a safe environment and comfortable stay. This article presents the results of an analysis of assessments by local government representatives ($N = 306$, targeted sample) and a mass survey of the local population ($N = 768$, random sample). It is concluded that local authorities recognize a high level of safety in their territories, while respondents attribute the lack of safety to a lack of appropriate resources to meet travelers' basic needs ($\chi^2 = 30.277$, $p < 0.001$). Among municipalities with insufficient financial resources, almost one in ten government representatives noted safety issues. Furthermore, the study results revealed a high level of friendliness and willingness of local residents to interact hospitably with tourists. While there was no statistically significant relationship between municipality type and tourist friendliness ($\chi^2 = 3.907$, $p = 0.142$), residents of large cities demonstrated a higher level of willingness to assist tourists if needed. A survey revealed concerns about security risks associated with tourists' presence, including pollution of public spaces, exposure to negative cultural practices, aggressive behavior, and increased crime.

Keywords: safety, tourism, government, local population, resources, friendliness.

For citation: Yeranosyan V. M. The safety factor in the development of modern tourism. *Sotsial'no-gumanitarnye tekhnologii*. 2026; 2 (38): 43-50. (In Russ.)

Введение

В современных условиях развитие внутреннего туризма рассматривается как одно из приоритетных направлений социально-экономического оздоровления территорий [4; 6]. По мнению российских исследователей, сегодня туристская отрасль имеет множественность драйверов развития:

гастрономия [9], иммерсионные практики [3; 5], культурно-познавательные приоритеты и пр. [7; 8], что позволяет ей оставаться одной из наиболее динамично развивающихся отраслей экономики. Возрастание количества туристских потоков становится предпосылкой для более глубокого исследования факторов обеспечения безопасности туристов, что является объектом изучения российского и зарубежного научного дискурса [1; 15]. Как справедливо отмечается авторами, потребность в безопасности зачастую выходит на первый план при выборе маршрута путешествия, поэтому обеспечение безопасности относится к числу стратегических факторов развития туризма [16]. Аналогичные выводы получены в исследовании С. Xie, J. Zhang, A.M. Morrison, которые определяющим фактором успеха туристской дестинации видят безопасность туристов в местах посещения. Фактор безопасности становится необходимой предпосылкой получения позитивных впечатлений и удовольствия от поездки [13].

Понятие «безопасность», с одной стороны, является достаточно изученной категорией. С другой стороны, отличается синкретизмом различных субъективных интерпретаций (как минимум в контексте физического, духовного, ценностного и иного восприятия). По мнению А.К. Гергишана целесообразно учитывать несколько смысловых аспектов категории «безопасность»: личностный (физическая безопасность самого путешественника, а также его имущества), уровень экологической безопасности (сохранность / отсутствие вреда природе ввиду присутствия не территории туристов), социокультурный аспект (сохранение традиций, отсутствие нарушения культурных норм как в отношении туристов, так и с их стороны) [2]. Дополнительным фактором развития туристских дестинаций, являющимся смысловым продолжением безопасности, выступает сфера взаимодействий местных жителей и туристов. Оценивая перспективы туристической поездки, потребители обращают внимание на такие компоненты, как дружелюбие, внимательное отношение к своим потребностям, адекватное реагирование на возникающие проблемы [10].

Для нашего исследования, учитывая многофакторность интерпретации категории «безопасность», целесообразней рассматривать ее в двух аспектах: безопасность территории для посещения туристов и дружелюбность местного населения, как атрибут создания безопасной среды, атмосферы бесконфликтности, поддержки местными жителями туристов в случае их обращения за помощью. Как справедливо отмечают Z. Jiang и H. Tu, искреннее социальное взаимодействие, эмоциональная солидарность оказывают положительное влияние на погружение туристов в социокультурную среду в ходе путешествия [11]. Кроме того, позитивное взаимодействие туриста с местными жителями обеспечивает формирование благоприятного имиджа территории, установки туриста на повторный визит [12].

Методология исследования

Автором ставится цель – изучить влияние фактора безопасности (условий ее обеспечения) как драйвера развития современного туризма. Дизайн исследования ограничен следующими рамками:

- автор фокусирует внимание на внутреннем туризме, развитие которого сопряжено с территориальной спецификой и во многом определяется контекстом политической повестки. Установление и обоснование данных специфических черт не является задачей данного исследования; они скорее выступают рамкой исследования, имеющей описательный характер.

- автор фокусирует внимание на социальных аспектах фактора безопасности в туризме: действия местных властей по обеспечению безопасного нахождения туристов на территории муниципального образования, отношение местного населения к туристам.

Ключевой исследовательский вопрос отражает попытку автора установить (обосновать) наличие влияния фактора безопасности на развитие туристической привлекательности территории.

Методы исследования включают как традиционный анализ научных источников, формирующих теоретическую базу для построения гипотез, так и количественные методы исследования. В частности, в данной статье приводятся результаты авторского опроса представителей местных органов власти (N = 306 чел., выборка целевая). Распространение анкеты осуществлялось посредством персонифицированного обращения в органы власти. Охвачены муниципальные образования 36 регионов РФ для обеспечения, однако низкий охват выборочной совокупности представляется как ограничение

проведенного исследования, что не позволяет масштабировать сделанные выводы на все территории Российской Федерации. Полученные данные могут рассматриваться как основа дальнейших направлений исследования по теме безопасности туризма.

Обработка результатов исследования осуществлялась с использованием критерий хи-квадрат Пирсона для произвольных таблиц сопряженности. В ходе исследования проверялись гипотезы:

- о связи оценок представителями местной власти уровня безопасности в своем муниципальном образовании и достаточности ресурсов для привлечения туристов;
- о связи финансовой обеспеченности муниципалитета (для развития туристической привлекательности территории) и уровнем безопасности в нем.

Для сопоставления позиции представителей органов властей используются результаты массового опроса местного населения ($N = 768$ чел., выборка стихийная). В данной статье используются данные по вопросам об отношении местных жителей к туристам, их восприятию рисков пребывания туристов и увеличения туристского потока. Анализ оценок производился в разрезе типа муниципального образования и возраста респондентов, что позволило в качестве дополнительной гипотезы выдвинуть предположение о связи типа муниципального образования и демонстрируемым дружелюбием местных жителей в отношении туристов. Данное предположение базируется на представлении, что жители малых городов, видя в присутствии туристов экономическую целесообразность демонстрируют более высокий уровень готовности к поддержке и посильной помощи. При этом поведение жителей крупных городов отличается высоким ритмом жизни, разобщенностью и сниженным восприятием туриста как экономического ресурса развития территории, что снижает их отзывчивость к нуждам путешественников.

Результаты исследования

Полученные данные свидетельствуют о достаточно высоких оценках местных чиновников уровня безопасности своей территории. Суммарно 7 из 10 опрошенных оценили данный показатель в 4 и 5 балла. Несмотря на то, что 41,8% респондентов выставили максимальный балл в своих оценках, сохраняется доля в 7,3% опрошенных, кто крайне низко оценил безопасность туристов в своем муниципалитете. Низкое представительство усредненных данных в оценках властей, наличие затруднившихся с ответом и отсутствие комментариев в открытом вопросе (просьба к респондентам пояснить свои оценки) могут быть косвенным свидетельством недостаточной управленческой рефлексии реальных практик нарушения безопасности туристов и стремления властей позиционировать муниципалитет в категории привлекательного для посещения путешественников.

Аналогично высокие оценки свойственны и восприятию властей достаточности ресурсов для привлечения туристов (таблица 1). Более 2/3 опрошенных отмечают, что их муниципальное образование обладает необходимыми ресурсами для формирования образа территории как привлекательной для совершения туристических поездок. При этом отмечается наличие статистически значимой связи между оценкой уровня безопасности в муниципальном образовании и наличием ресурсов для привлечения туристов ($\chi^2 = 30.277$, $p < 0,001$). Среди тех, кто оценил уровень безопасности как высокий (5 баллов) существенно выше тех респондентов, кто рассматривает свое муниципальное образование в категории ресурсной обеспеченности (83,2%, что выше средних значений на 14,6 п.п.).

Таблица 1. Зависимость между оценками властей уровня безопасности территории и достаточностью ресурсов для привлечения туристов, в %

Оценка уровня безопасности в муниципальном образовании по 5-балльной шкале	Наличие ресурсов для привлечения туристов	
	<i>обладает</i>	<i>не обладает</i>
1	10,0	90,0
2	33,3	66,7

3	62,5	37,5
4	65,8	34,2
5	83,2	16,8
Затрудняюсь ответить	37,5	62,5
Среднее значение по массиву данных	68,6	31,4

Источник: составлено автором

При этом, 9 из 10 опрошенных представителей местных органов власти, кто дал отрицательный ответ (выбор варианта «не обладает») крайне низко оценивает уровень безопасности в муниципалитете. Можно предположить, что в этом случае нехватка ресурсов сказывается на самой возможности закрытия первичных базовых потребностей туристов в физической безопасности ввиду наличия ряда тенденций:

– дефициты ресурсной базы могут рассматриваться общее условие снижения социально-экономического благополучия местных жителей, следствием чего становится рост преступности, конфликтов, социальной напряженности; возможны попытки со стороны местного населения компенсировать дефициты потребителем, а иногда и мошенническим отношением к туристам (накрутка цен в туристском секторе, рост арендной платы для съема жилья туристами, некачественное оказание туристских услуг и пр.);

– дефициты ресурсной базы могут рассматриваться как симптом неэффективного управления, что лимитирует возможность обеспечения безопасности территории для посещения туристов.

Вместе с тем, справедливо отметить, что высказанные предположения не опираются на достаточную доказательную базу и требуют глубинной проверки количественными методами.

Детализация ресурсной базы по финансовым активам муниципалитета позволила отметить наличие следующих особенностей (таблица 2). Среди респондентов отметивших даже неполную достаточность финансовых средств (выбор варианта ответа «достаточно, но не в полной мере») существенно выше доля максимально высоко оценивших уровень безопасности: 60,9% vs 34,8% (выбор оценки в 5 баллов). Среди респондентов, отметивших «вполне достаточно» данных показатель составил уже 90,1%.

Таблица 2. Зависимость между оценками властей уровня безопасности территории и достаточностью собственных финансовых средств для привлечения туристов, в чел.

Достаточность в муниципалитете собственных финансовых средств для привлечения туристов	Оценка уровня безопасности в муниципальном образовании по 5-балльной шкале					
	<i>1</i>	<i>2</i>	<i>3</i>	<i>4</i>	<i>5</i>	<i>затруднились с ответом</i>
вполне достаточно	0	0	0	1	10	0
достаточно, но не в полной мере	0	0	3	14	28	1
недостаточно	9	12	36	92	81	3
затрудняюсь ответить	1	0	1	4	6	4
Всего	10	12	40	111	125	8

Источник: составлено автором

Таким образом, достаточность собственных средств муниципалитетов имеет статистическую значимую связь с оценками уровня безопасности туристов ($\chi^2 = 44.919$, $p < 0,01$). Интерпретация установленной связи может иметь под собой глубокие основания, если обратиться к вопросу наличия иных финансовых активов (таблицы 3 и 4).

Таблица 3. Зависимость между оценками властей уровня безопасности территории и достаточностью государственной поддержки из регионального / федерального бюджета для привлечения туристов, в чел.

Достаточность в муниципалитете государственной поддержки из регионального / федерального бюджета для привлечения туристов	Оцените уровень развития туристического потенциала в Вашем муниципальном образовании по 5-балльной шкале (безопасность)					
	<i>1</i>	<i>2</i>	<i>3</i>	<i>4</i>	<i>5</i>	<i>затруднились с ответом</i>
вполне достаточно	0	0	0	1	6	1
достаточно, но не в полной мере	0	1	2	14	29	0
недостаточно	9	11	36	80	82	3
затрудняюсь ответить	1	0	2	16	8	4
Всего	10	12	40	111	125	8

Источник: составлено автором

В частности, респонденты не в полной мере разделяют источники финансовых средств и их влияние на уровень безопасности туристов. Данное обстоятельство может служить симптомом низкой инициативности местных властей по поиску альтернативных источников закрытия ресурсных дефицитов и привлечению дополнительных средств для развития безопасности туристов. В пользу данного аргумента говорит устойчивая доля респондентов в 72-76%, которая отмечает недостаток средств государственной поддержки из регионального / федерального бюджета ($\chi^2 = 43.310$, $p < 0,01$) и частных инвестиций ($\chi^2 = 43.698$, $p < 0,01$). Стоит принимать во внимание тот факт, что обеспечение безопасности туристов в современных условиях является результатом работы органов власти, реализации ими успешных практик по формированию безопасной среды и комфортного пребывания, что требует существенных вложений. Оценки высокого уровня безопасности туристов и недостатком финансовых активов вызывает опасения декларативного характера заявлений властей.

Таблица 4. Зависимость между оценками властей уровня безопасности территории и достаточностью государственной поддержки из регионального / федерального бюджета для привлечения туристов, в чел.

Достаточность в муниципалитете частных инвестиций для привлечения туристов	Оцените уровень развития туристического потенциала в Вашем муниципальном образовании по 5-балльной шкале (безопасность)					
	<i>1</i>	<i>2</i>	<i>3</i>	<i>4</i>	<i>5</i>	<i>затруднились с ответом</i>
вполне достаточно	0	1	1	3	8	1
достаточно, но не в полной мере	0	0	3	12	22	0
недостаточно	9	11	36	80	83	2
затрудняюсь ответить	1	0	0	16	12	5
Всего	10	12	40	111	125	8

Источник: составлено автором

Таким образом, разработка государственной политики в сфере туризма должна учитывать параметр территориальной безопасности. Результаты исследования показали наличие зонирования российских территорий в фокусе потенциальной возможности формирования туристической привлекательности, где на одном полюсе находятся высоко ресурсные территории, а в зоне устойчивой депрессии муниципалитеты с низким уровнем обеспеченности местных бюджетов. Для последних свойственен низкий уровень безопасности, что может рассматриваться как фактор закрытия границ развития туризма.

Несмотря на отсутствие достаточных финансовых средств российские муниципалитеты ориентированы на поддержание высокого уровня безопасности. Возможно в данном контексте компенсатором финансовых дисфункций выступают социальные ресурсы территории, которые находят отражение в практиках солидаризации, дружелюбного отношения местного населения к туристам.

Согласно опросу населения, жители крупных городов показывают более высокий уровень готовности помочь туристу в случае необходимости 91,2% (таблица 5). При этом общая оценка дружелюбия местных жителей является достаточно высокой – 89,7%, что показывает отсутствие статистически значимой связи между этими параметрами ($\chi^2 = 3.907$, $p=0.142$). Отметим, что в результаты ряда исследований показывают противоположные полюсы рассмотрения вопросов безопасности в крупных городах. Так, М. Tebaldi обосновывает вывод о том, что сегодня города выступают в качестве преобладающего объекта атак на коллективную безопасность. Именно городская среда становится пространством накопления социальной, политической и экономической напряженности, связанной с обеспечением безопасности [14]

Таблица 5. Согласие местного населения с утверждением о готовности оказать помощь туристу в зависимости от типа муниципального образования, %

Тип муниципального образования	Вариант ответа	
	да	нет
сельское поселение	87,2	12,8
город с численностью менее 100 тыс.	86,2	13,8
город с численностью более 100 тыс.	91,2	8,8
Среднее значение по массиву данных	89,7	10,3

Источник: составлено автором

Детализация ответов по возрастному параметру демонстрирует тот факт, что все представители социально-демографических групп показали высокий уровень самооценки по параметру «дружелюбность». При этом респонденты в возрасте 45-54 лет в большей степени ориентированы на оказание необходимой посильной помощи туристам в случае необходимости (выше средних значений на 4,3 п.п.) (таблица 6).

Таблица 6. Согласие местного населения с утверждением о готовности оказать помощь туристу в зависимости от возраста респондента, %

Тип муниципального образования	Вариант ответа	
	да	нет
18-29	89,5	10,5
30-44	89,9	10,1
45-54	94,0	6,0
55 и старше	83,8	16,2
Среднее значение по массиву данных	89,7	10,3

Источник: составлено автором

В ходе исследования были уточнены опасения местных жителей по вопросу неблагоприятного влияния развития туризма на общий уровень безопасности территории. Согласно полученным оценкам, наибольшие опасения у местного населения вызывают экологические угрозы от присутствия туристов. В частности, 43,8% опрошенных отмечают опасность загрязнения благоустроенных пространств. Среди респондентов также отмечается высокий уровень опасений по поводу ухудшения криминогенной обстановки при увеличении туристского потока: 32,6% указали на риски роста правонарушений. Социокультурные риски нарушения безопасности на территориях с высоким уровнем концентрации туристов связаны с демонстрацией негативных образцов культуры «приезжих» – 15,2% и их недружелюбным/агрессивным поведением 31,3% (рисунок 1).

Рисунок 1. Риски нарушения безопасности местных жителей при развития туристической привлекательности муниципальных образований (множественный выбор), в %.

Источник: составлено автором

Выводы.

Результаты исследования подтвердили основную гипотезу. Согласно полученным результатам установлено, что значительная доля представителей местной власти оценили безопасность своей территории в максимальных значениях. Суммарное распределение ответов демонстрирует признание органами власти высокого уровня территориальной безопасности, при этом анализ полученных данных, иллюстрирует эмпирический факт: территории, в которых по мнению представителей власти обеспечен высший уровень безопасности (5 баллов), в большей степени обладают необходимыми ресурсами для привлечения туристов (83,2%, что выше средних значений на 14,6 п.п.). Делается вывод, что отсутствие безопасности как параметра туристического потенциала территории связывается респондентами с недостатком соответствующих ресурсов, которые могли бы обеспечить удовлетворение базовых потребностей путешественников. Косвенным подтверждением становится наличие связи между уровнем обеспечением безопасности и наличием финансовых ресурсов муниципалитетов: среди низко ресурсных муниципалитетов с точки зрения финансовых средств, почти каждый десятый представитель власти обратил внимание на проблемы с безопасностью (оценки 1 и 2 балла).

Возможно в данном контексте компенсатором финансовых дисфункций выступают социальные ресурсы территории, которые находят отражение в практиках солидаризации, дружелюбного отношения местного населения к туристам. В ходе исследования был установлен высокий уровень дружелюбия, готовности местных жителей к гостеприимному взаимодействию с туристами. Согласно опросу населения,

жители крупных городов показывают более высокий уровень готовности помочь туристу в случае необходимости 91,2%. Таким образом дополнительная гипотеза не нашла подтверждения.

По материалам опроса населения систематизированы риски нарушения безопасности территории при интенсификации туристических потоков. В качестве ключевых зон риска определены: нарушения экологической безопасности (загрязнения благоустроенных пространств), социальной безопасности (нагрузка на социальную инфраструктуру), социокультурной безопасности (демонстрация негативных образцов культуры туристов, их агрессивное поведение). Особое место в рейтинге рисков нарушения безопасности местных жителей в условиях интенсивного развития туризма занимают риски ухудшения криминогенной обстановки.

Практическая значимость материалов исследования определяется возможностью использования полученных данных при разработке государственной политики в сфере туризма. Кроме того, результаты исследования позволяют провести учет различных факторов обеспечения территориальной безопасности для предупреждения негативных последствий роста туристических потоков. Дальнейшие направления исследований базируются в области выделения дополнительных параметров корреляционного анализа факторов обеспечения безопасности на территориях с высоким присутствием туристов.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бойназаров У.Э. Обеспечение безопасности туристов в средствах размещения. Вопросы науки и образования. 2019. № 18 (65). С. 31-34.
2. Гергишан А.К. Личная безопасность как основополагающий фактор развития дестинации оздоровительного туризма // Terra Economicus. 2010. №8(2-2). С. 82-87.
3. Горощко Н.В., Пацала С.В. Мрачный туризм как феномен экономики впечатлений // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. 2023. Т. 4. С. 355-373.
4. Карпова Г.А., Валеева Е.О. Проблемы и перспективы развития туризма в условиях пандемии // Известия СПбГЭУ. 2021. № 1(127). С. 97-104.
5. Костромина Е.А., Сивова А.А., Косолапов Ю.В. Тюремный туризм как национальное наследие: зарубежный опыт // Сервис в России и за рубежом. 2019. №13(4 (86)). С. 42-53.
6. Крюкова Е.М., Донцова Л.И., Солодуха П.В., Хетагурова В.Ш. Актуальные вопросы инноваций в сфере туризма: российский опыт // Социальная политика и социология. 2020. №19(4). С. 31-39. DOI: 10.17922/2071-3665-2020-19-4-31-39.
7. Рогач О.В., Фролова Е.В., Медведева Н.В. Туристский потенциал российских территорий: позиция муниципальных органов власти // Вопросы экономики. 2022. №9. С. 125-138. DOI: 10.32609/0042-8736-2022-9-125-138.
8. Уржа О.А., Михопаров Н.И. Особенности новой туристской политики Чувашской Республики: анализ и оценка // Социальная политика и социология. 2021. №20(1). С. 169-177. DOI: 10.17922/2071-3665-2021-20-1-169-177.
9. Фролова Е.В., Рогач О.В. Городская гастрономия в практиках культурного потребления туристов // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2025. № 5. С. 273-292. DOI: 10.14515/monitoring.2025.5.3015.
10. Фролова Е.В., Рогач О.В. Ограничения и перспективы развития внутреннего туризма в регионах России // Экономика региона. 2023. Т. 19. № 1. С. 208-219. DOI:10.17059/ekon.reg.2023-1-16.
11. Jiang Z, Tu H. Does Sincere Social Interaction Stimulate Tourist Immersion? A Conservation of Resources Perspective // Journal of Travel Research. January 2022. DOI:10.1177/00472875211067549
12. Stylidis D. Exploring Resident–Tourist Interaction and its Impact on Tourists' Destination Image // Journal of Travel Research. 2022. №61(1). С. 186-201. DOI:10.1177/0047287520969861
13. Xie C, Zhang J, Morrison AM. Developing a Scale to Measure Tourist Perceived Safety. Journal of Travel Research. 2021. № 60(6). С. 1232-1251. DOI:10.1177/0047287520946103
14. Tebaldi M. Security, city and democracy // City, Territory and Architecture. 2016. №3(17). <https://ezpro.fa.ru:2696/10.1186/s40410-016-0050-0>
15. Wachtel G, Schmöcker J-D, Hadas Y, Gao Y, Nahum OE, Ben-Moshe B. Planning for tourist urban evacuation routes: A framework for improving the data collection and evacuation processes. Environment and Planning B: Urban Analytics and City Science. 2021. № 48(5). С.1108-1125. DOI:10.1177/2399808321994575
16. Walters G, Wallin A, Hartley N. The Threat of Terrorism and Tourist Choice Behavior. Journal of Travel Research. 2019. № 58 (3). С.370-382. DOI:10.1177/0047287518755503

ОБ АВТОРЕ:**Ланцев Виктор Леонидович,**

кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и социальных технологий, Среднерусский институт управления – филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Орёл, Россия

ABOUT THE AUTHOR:**Lantsev Viktor L.,**

Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of the Department of Sociology and Social Technologies, The Central Russian Institute of Management – branch of the a federal State budgetary educational institution of higher education «The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration», Orel, Russia

УДК 316

Ланцев В. Л.

Повышение эффективности управления в образовательных организациях в условиях неопределенности образовательных результатов

В статье обсуждаются вопросы управления образовательными организациями в условиях неопределенности образовательных результатов. Автор отмечает, что административно-командная система управления сферой образования исключает из управленческой деятельности большинство участников образовательного процесса. Это обстоятельство снижает устойчивость социального порядка в учреждениях образования и не позволяет адекватно прогнозировать риски. Делается вывод о том, что повышению эффективности управления в условиях неопределенности способствует адресное повышение квалификации, подготовка управленческих команд, внедрение принципов проектного управления и повышение субъектности работников.

Ключевые слова: управление образованием, образовательная организация, результаты образования, неопределённость, субъектность, эффективность управления.

Для цитирования: Ланцев В. Л. Повышение эффективности управления в образовательных организациях в условиях неопределенности образовательных результатов // Социально-гуманитарные технологии. 2026. №2 (38). С. 51-57.

Lantsev V. L.

Improving management effectiveness in educational organizations in the face of uncertain educational results

The article discusses the management of educational organizations in the context of uncertainty in educational outcomes. The author notes that the administrative-command system of education management excludes most participants in the educational process from managerial activities. This circumstance reduces the stability of social order in educational institutions and does not allow for adequate risk forecasting. It is concluded that targeted professional development, training of management teams, implementation of project management principles, and increased employee agency contribute to improving management efficiency in uncertain conditions.

Keywords: education management, educational organization, educational results, uncertainty, subjectivity, management efficiency.

For citation: Lantsev V. L. Improving management effectiveness in educational organizations in the face of uncertain educational results. *Sotsial'no-gumanitarnye tekhnologii*. 2026; 2 (38): 51-57. (In Russ.)

Введение. Система образования является одним из ключевых социальных институтов гражданского общества, обеспечивающих поддержание устойчивого социального порядка и актуальный темп развития социума. Важнейшей задачей сферы образования при этом остается воспитание гармонично развитой личности и подготовка профессиональных кадров для различных сфер экономики. Фактически все уровни образования в настоящее время участвуют в формировании бесшовной модели профессионального самоопределения и обеспечения рынка труда высококвалифицированными специалистами. Особое значение приобретает деятельность по построению индивидуальных образовательных и профессиональных траекторий обучающихся, способствующих максимально полному

раскрытию талантов, развитию необходимых жёстких и гибких компетенций, а также удовлетворению личных запросов индивида, ориентированных на систему его ценностей. В то же время в сфере образования складывается ситуация глобальной неопределённости образовательных результатов, обусловленная затянувшейся модернизацией, постоянным изменением конъюнктуры рынка труда, непростой ситуацией на геополитической арене и другими факторами. В этой связи повышается уровень требований к качеству системы управления в образовательной организации, способной адекватно реагировать на изменяющиеся условия, адаптироваться к ним и выстраивать работу, обеспечивающую достижение высоких результатов. Во многом это определяется реализацией крупных проектов и программ, обеспечивающих достижение необходимого уровня развития учреждений. Поэтому целью настоящей работы стало выявление условий повышения эффективности управления деятельностью по построению индивидуальных образовательных и профессиональных траекторий обучающихся в образовательных организациях в контексте усиливающейся неопределённости.

Методы и методология. Проблема управления образовательными организациями поставлена в науке сравнительно давно. Значительный вклад в развитие управленческой мысли применительно к образовательным системам внесли труды Ф. У. Тейлора, Ф. Боббита, А. Файоля, Э. Мэйо, Дж. Купмана, Ф. Герцберга. Среди наиболее авторитетных отечественных исследователей в области управления образованием следует выделить работы Ю. А. Конаржевского, Т. И. Шамовой, В. П. Симонова, М. И. Кондакова, Н. А. Шубина, Е. С. Березняка и некоторых других. Несмотря на то, что данный вопрос изучается давно, его актуальность остается высокой и в настоящее время. Во многом это обусловлено внедрением новых управленческих подходов, перманентной модернизацией и необходимостью оценки и прогнозирования рисков внедрения инновационных инструментов управления качеством образования, а также нарастающей неопределённостью планируемых и реальных образовательных результатов. В настоящее время в отечественной науке рассматриваются общие вопросы управления образовательными системами [12, с. 7; 15, с. 160; 8, с. 11], управление качеством образования [3, с. 135; 5, с. 720], управление образовательными организациями [1, с. 78; 11, с. 103; 16, с. 137; 17, с. 153], самоуправление в учреждениях [10, с. 599; 14, с. 27]. Отдельные авторы исследуют процесс управления в учреждениях образования в контексте реализации национальных проектов и программ, а также мероприятий по повышению квалификации педагогических и административных работников [7, с. 267; 9, с. 240]. Кроме того, большое значение для развития сферы образования имеет внедрение в практику принципов проектного управления [4, с. 123; 2, с. 8]. При этом остается открытым вопрос повышения эффективности управления образовательными организациями в том числе в условиях рисков недостижимости планируемых результатов обучения и воспитания.

Результаты. Проблема управления образовательными организациями в современной России во многом определяется пережитками изжившей себя административно-командной системы менеджмента. Снижение субъектности работников сферы образования характеризует властную вертикаль отрасли и сильнее всего сказывается на педагогических работниках. Наряду с недостаточным уровнем заработной платы, высоким уровнем бюрократической нагрузки и резким падением престижа профессии данное обстоятельство вносит серьезный вклад в снижение уровня участия ключевых работников. Реальный кадровый дефицит, проблема «тихого увольнения» и профессиональное выгорание представляют собой лишь верхушку айсберга кадровой проблемы сферы образования. Так, если ранее профессиональное выгорание было характерно для «уставших» работников с большим стажем в отрасли, то в настоящее время его признаки проявляются и у молодых педагогов. Это указывает на наличие системных отраслевых проблем. Пренебрежительное отношение к педагогическим работникам со стороны обучающихся и их законных представителей, а также представителей администраций разного уровня способствуют уходу специалистов из профессии, нарушают социальный порядок в образовательных организациях, препятствуя тем самым достижению планируемых результатов обучения и воспитания. Следует отметить, что проблема кадрового обеспечения сферы образования на протяжении многих лет находится в фокусе чиновников и управленцев, о чем свидетельствует большое число социально-управленческих механизмов работы с кадрами разработанных и внедряемых в практику работы образовательных организаций. Однако стоит отметить, что эффективность отдельных мероприятий

оказывается невысокой, что свидетельствует о необходимости совершенствования подходов к профессиональному и личностному развитию работников сферы образования.

Среди инструментов работы с кадрами в образовательных организациях, внедрение которых в настоящее время является важной составляющей государственной политики в сфере образования, следует выделить отраслевые профессиональные стандарты и национальную систему роста педагогических работников. Последняя включает большое число мероприятий, в совокупности образующих целый ряд социально-управленческих механизмов профессионального и личностного развития специалистов. К ним следует отнести адресное повышение квалификации, систему профессиональных конкурсов и отраслевых соревнований, различные механизмы материального и нематериального стимулирования, отраслевые награды, кодексы профессиональной этики и некоторые другие. Изучение предлагаемых мер позволяет нам говорить о целенаправленном развитии специалистов, формировании у них профессиональных знаний и умений, необходимых для выполнения трудовых действий в современных условиях. Повышение профессионализма работников является одной из важнейших составляющих образа профессии. Вместе с тем, даже формирование позитивного образа педагогической профессии, не обеспечит переход от административно-командной парадигмы управления, концентрирующей полномочия в руках малой группы лиц, к управленческим технологиям, актуальным на современном этапе развития сферы образования. Мы полагаем, что особую значимость в повышении эффективности управления в образовательных организациях имеет субъектность как интегральное свойство личности, определяющее возможность инициировать решения, принимать их и реализовывать, отвечая за их результат. Можно говорить о том, что слагающими субъектности педагога могут выступать такие характеристики как ответственность, сознательность, активность и рефлексивность. В этой связи повышение субъектности педагогических кадров, а, следовательно, и вовлечение их в отдельные аспекты управления образовательным процессом, будет способствовать укреплению социальных связей в коллективе, способствовать поддержанию существующего социального порядка, а также позволит адекватно реагировать на внешние и внутренние угрозы формируемые неопределенностью в системе образования.

Неопределенность в сфере образования ставит под угрозу достижение планируемых образовательных результатов. Действие огромного количества постоянных и переменных величин, протекающие внутри организаций процессы, влияние внешней среды создает поливариативность реальных результатов по обучению и воспитанию обучающихся, формированию у них востребованных профессиональных компетенций. Во многом ситуация осложняется спецификой самого социального института образования, высокой степенью консервативности образовательного процесса и отложенностью во времени результатов. Так, обучение ребенка в школе продолжается на протяжении 9 или 11 лет. При этом продукт деятельности организации в виде подготовленного выпускника, формируется на протяжении всего периода обучения, усилиями различных специалистов и под действием множества факторов, учесть которые не представляется возможным. В этой связи практически невозможно откорректировать процессы во времени, а управлять приходится часто методом проб и ошибок. Не менее сложной представляется ситуация в области профессионального образования, в частности в сфере высоких технологий и наукоемких производств. Обновление инфраструктуры предприятий реального сектора экономики, появление нового программного обеспечения, внедрение технологий искусственного интеллекта, появление новых профессий и снижение востребованности существующих приводят к тому, что образовательные программы в организациях высшего и среднего профессионального образования должны меняться с определенной частотой, в противном случае происходит выпуск специалиста не востребованного на рынке труда. Фактически у образовательной организации нет права на ошибку, что повышает уровень требований к организации системы управления.

Необходимо отметить, что неопределенность в сфере образования во многом определяется несформированностью индивидуальных образовательных и профессиональных траекторий детей и молодежи. В исследовании А. П. Кошкина, Е. В. Каргополовой и Ю. А. Давыдова показано, что для школьников, их родителей и педагогов результатом обучения является поступление в вуз [6, с. 11]. Однако авторы отмечают разное понимание того, каким должен быть выпускник общеобразовательной

организации. Проблема профессионального выбора отдельного ребенка остается сугубо индивидуальной, а формальное отношение к профориентационным мероприятиям, низкая осведомленность об особенностях профессий и психологическая незрелость приводят к выбору профессии, которая не будет востребована в будущем. При этом родители зачастую также в процессе оказания помощи ребенку демонстрируют признаки спонтанного поведения. В этой связи возрастает нагрузка на образовательную организацию, система управления в которой должна ориентироваться как на запросы государства, так и реальные потребности ключевых участников образовательного процесса. Это позволит существенно уменьшить риски, возникающие при подготовке выпускника в условиях возрастающей неопределенности.

Обсуждение. Адекватный ответ на возрастающую неопределенность формирования образовательных результатов и функционирования образовательных организаций может быть дан в контексте нескольких направлений совершенствования системы управления. К наиболее значимым на наш взгляд следует отнести организацию обучения в области управления рисками, подготовку управленческих команд, внедрение принципов проектного управления и повышение субъектности всех участников образовательного процесса.

Повышение квалификации административного персонала образовательных организаций. Достижение планируемых результатов в условиях неопределенности требует от управленцев особых компетенций. В первую очередь это касается знаний и умений в области прогнозирования рисков и управления ими. В этой связи возникает необходимость в изменении подходов к повышению квалификации и профессиональной переподготовке как действующих менеджеров, так и лиц, включенных в резерв управленческих кадров. Важной характеристикой дополнительных профессиональных программ становится адресность и направленность на устранение профессиональных дефицитов конкретного работника. Анализируя тематику программ, размещенных в федеральном реестре дополнительного профессионального образования, мы приходим к выводу, что в большинстве из них не отражены вопросы управления рисками. При этом программы повышения квалификации для слушателей из числа административных работников направлены на ознакомление с изменениями в действующем законодательстве, вопросам организации отдельных сторон образовательного процесса (оценка качества, работа с кадрами, антикоррупционная политика и другие), однако не учитывает особенностей развития сферы образования и достижения образовательных результатов в контексте неопределенности. Таким образом, разработка и реализация новых программ, посвященных проблематике риск-менеджмента, представляется более чем актуальной. В этой связи для повышения эффективности управленческой деятельности в одних образовательных организациях необходимо задействовать ресурсы других. В реальности нужно внедрить ряд инструментов в институт образования в совокупности, то есть реализовать экосистемное решение, что обуславливает необходимость вовлечения более высоких уровней управленческой вертикали сферы образования. Например, данный управленческий механизм может быть реализован на уровне отдельного субъекта Российской Федерации и крупного муниципального образования, а не отдельной образовательной организации.

Подготовка управленческих команд. Управление в образовательной организации в большинстве случаев сосредоточено в руках небольшой части коллектива, а в небольших организациях за него единолично отвечает их руководитель. Ограниченность знаний, временные рамки и недостаток ресурсов часто не позволяют узкому числу лиц организовать эффективную систему управления в условиях неопределенности. В этой связи в образовательных учреждениях должны формироваться управленческие команды, способные решать задачи реализации отдельных проектов и отвечать на вызовы, обусловленные действием внутренней и внешней сред организации. Вместе с тем остается открытым вопрос, как эти команды должны создаваться. Мы полагаем, что для этого могут быть задействованы сразу несколько управленческих механизмов. Во-первых, необходимо вовлекать коллектив образовательной организации в конкурсные процедуры, которые предполагают командное выполнение заданий и презентацию результатов. В настоящее время по инициативе Министерства Просвещения РФ, властей отдельных субъектов и муниципалитетов проводятся конкурсы, направленные на выявление и обобщение опыта организаций по формированию команд. Вероятно, данный подход к

организации отраслевых соревнований будет сохраняться и в ближайшие годы. На данное обстоятельство косвенно указывает и тот факт, что в последнем сезоне конкурса управленцев «Лидеры России» принимали участие только команды из пяти человек. Во-вторых, на уровне субъектов РФ или муниципальных образований необходимо организовать условия для обучения подобных команд. Площадкой для обучения могут выступать региональные центры компетенций, институты развития образования и региональные ресурсные центры системы образования. При этом повысить эффективность обучения управленческих команд можно, привлекая экспертов и наставников из государственных корпораций и социально-ориентированного бизнеса, а также организаций высшего образования, имеющих соответствующий опыт в данной сфере. В-третьих, необходимо важным звеном в подготовке проектных команд должна стать деятельность по формированию резерва управленческих кадров образовательных организаций. При этом именно резервисты могут стать ключевыми фигурами достижения планируемых результатов в условиях неопределенности и перманентной модернизации.

Внедрение принципов проектного управления. Анализируя подходы к руководству сферой образования и реализацию ключевых мероприятий в государственной образовательной политике, можно с уверенностью говорить о серьезных изменениях в управленческих подходах. Так, наблюдается явная тенденция на внедрение принципов и подходов проектного управления. Реализация национальных проектов, мероприятий государственных программ, мероприятия регионального уровня лишь подтверждают данный вывод. Важной особенностью системы управления в образовательной организации становится также реализация локальных проектов, имеющих конкретные сроки исполнения, определенную ресурсную базу, перечень мероприятий и ответственных, а также перечень индикаторов, достижение которых определяет эффективность деятельности. Стоит отметить, что внедрение принципов проектного управления обеспечивает декомпозицию крупных целей и задач развития самой образовательной организации и подготовки обучающихся, позволяя достигать их поэтапно. Именно поэтому проектное управление должно внедряться не только на федеральном или региональном уровне, но и на уровне отдельной образовательной организации.

Повышение субъектности педагогов. Достижение показателей деятельности организации в условиях неопределенности невозможно без вовлеченности всех ключевых участников образовательного процесса в работу на результат. При этом уровень активности и заинтересованности актора во многом определяется степенью его субъектности в принятии и реализации решений, затрагивающих отдельные направления деятельности организации. Как отмечалось выше, административно-командная система управления сферой образования ограничивает участие педагогов в управлении образовательным процессом. В то же время наблюдается ряд позитивных изменений в области повышения субъектности работников учреждений образования. Так, во многих организациях созданы управляющие советы, в состав которых входят представители педагогических коллективов, созданы консультативные и экспертные группы, общественные советы при федеральных и региональных органах исполнительной власти, советы по защите чести и достоинства педагогов и другие. На этом фоне возрастает и роль профессионального союза работников образования и науки, который в настоящее время не только занимается решением вопросов защиты трудовых прав и интересов работников, но и участвует в реализации других направлений работы с кадрами. Среди последних повышение квалификации по отдельным вопросам, организация тематических школ для молодых работников, проведение мероприятий и активностей для работников, в том числе и профессиональных конкурсов. Большое внимание со стороны государства и региональных властей уделяется и поддержке общественно-профессиональных сообществ. Так, среди мероприятий национального проекта «Образование», завершено в 2024 году, выделяются мероприятия по созданию и сопровождению различных профессиональных объединений, в том числе существующих в цифровом пространстве.

Применяя метод установления доминирующего субъекта, достаточно подробно описанный А. В. Тихоновым, мы приходим к выводу о наличии большого числа субъектов, оказывающих влияние на эффективность управления в образовательной организации [13, с. 423]. Среди них не только представители администраций различного уровня, но и педагоги, обучающиеся, родители, представители общественности и другие акторы, которые зачастую ведут себя как скрытые субъекты. В этой связи

управленческие процессы в сфере образования должны выстраиваться не только с позиции субъект-субъектных взаимодействий, а полисубъектных, что также может существенно повысить эффективность управленческой деятельности в условиях неопределенности.

Выводы. Изучение подходов к управлению образовательной организацией является актуальной темой. Особое значение данная проблематика приобретает в условиях возрастающей неопределённости запросов общества и рынка труда. В этой связи необходимо внедрять новые подходы к организации образовательного процесса. Повысить эффективность управления можно, обеспечив всестороннее развитие членов педагогических коллективов, формирование у них необходимых знаний и навыков, в том числе в области риск-менеджмента. Поэтому повышение квалификации должно стать адресным и ориентироваться на профессиональные дефициты работников. Что в свою очередь требует проведения оценки сформированности знаний и умений в области управления различными процессами в образовательных организациях. В этой связи целесообразно внедрение новых механизмов формирования управленческих и проектных команд в учреждениях, обеспечение ротации кадров и повышение субъектности основных участников образовательного процесса. Таким образом, возрастающая неопределённость образовательных результатов формирует новую реальность в организациях, которая требует перестройки системы управления, подходов к подготовке кадров и усилению их профессиональной активности.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бокарев А.И., Денисова Е.С., Игнатович И.А., Казаков А.Ю. Оценка управления образовательным процессом высших учебных заведений по результатам подготовки и выпуска специалистов: теория и практика // Интеграция образования. 2021. Т. 25, № 1(102). С. 69-90. DOI 10.15507/1991-9468.102.025.202101.069-090. EDN GAGTBM.
2. Денежкина Д.В., Лях Ю.А. О некоторых вопросах проектного управления в социальной сфере на примере национального проекта "Образование" // Человек. Социум. Общество. 2024. № S8. С. 6-18. EDN: UTIRNG.
3. Денисенко, И. С. Повышение эффективности механизмов управления качеством образования как основное условие повышения результатов образовательной организации // Психологическая наука и образование. 2023. Т. 28, № 5. С. 131-141. DOI 10.17759/pse.2023280510. EDN CBOSYU.
4. Еремеева О.Д. Инструменты проектного управления системы в области дополнительного образования детей // Научный альманах. 2024. № 3-3(113). С. 122-125. EDN: JVWDZP.
5. Захаров Н.Л., Сметанина Т.В. Интеграция стандартов качества в деятельность вуза: социальные регуляторы и их социологическая оценка // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2025. Т. 25, № 3. С. 717-730. DOI 10.22363/2313-2272-2025-25-3-717-730. EDN ALZMUZ.
6. Кошкин А.П., Каргаполова Е.В., Давыдова Ю.А. Профессионально-образовательная траектория современного старшеклассника (по результатам фокус-групповых интервью в Москве и Подмосковье) // Социальное пространство. 2023. Т. 9, № 4. С. 1-19. DOI 10.15838/sa.2023.4.40.9. EDN ZZGRLH.
7. Крюкова О.Н. Корпоративная система управления проектами в организациях высшего образования // Теория и практика общественного развития. 2023. № 12(188). С. 265-270. DOI: 10.24158/tpor.2023.12.33. EDN: KTEXPP.
8. Курбатова М.В. Управление по результатам в российском образовании: проблемы нормативного регулирования // ЭКО. 2023. № 3(585). С. 8-26. DOI 10.30680/ECO0131-7652-2023-3-8-26. EDN DDSOFF.
9. Ланцев В. Л. Социально-управленческие механизмы внедрения профессионального стандарта педагога: установки и ожидания работников // Научный результат. Социология и управление. 2025. Т. 11, № 1. С. 227-245. DOI 10.18413/2408-9338-2025-11-1-1-5. EDN YZHOCH.
10. Мальцев Д.В. Развитие механизмов регулирования образовательного процесса студентами высших учебных заведений // Перспективы науки и образования. 2021. № 6(54). С. 592-605. DOI 10.32744/pse.2021.6.39. EDN EKSGYR.
11. Мингазов Р.Н. Современные тренды управления образовательной организацией. Сбережение здоровья студентов // Стандарты и качество. 2025. № 10. С. 102-106. DOI 10.35400/0038-9692-2025-10-201-25. EDN MNPVGC.
12. Нелюбов С.А. Управление как ресурс развития национальной системы образования // Вестник педагогических инноваций. 2025. № 2(78). С. 5-17. DOI 10.15293/1812-9463.2502.01. EDN GQOGTC.
13. Тихонов А.В. Социология управления. Теоретические основы / Издание 2-е, доп и перераб. / А.В. Тихонов. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2009. – 472 с.
14. Филинкова Е.Б., Шульга Т.И. Восприятие педагогами руководящей деятельности в образовании как фактор готовности к переходу на управленческую должность // Психологическая наука и образование. 2018. Т. 23, № 4. С. 21-31. DOI 10.17759/pse.2018230402. EDN YMVCVR.

15. Шапкин В.В. Процессный подход в управлении образовательными системами // Традиционное прикладное искусство и образование. 2023. № 1(44). С. 159-169. DOI 10.24412/2619-1504-2023-1-153-163. EDN HOINXQ.
16. Шевченко П.В. Модели управления объединенными образовательными организациями Москвы // Социологические исследования. 2015. № 2(370). С. 134-138. EDN TNETDB.
17. Шкитина Н.С., Гревцева Г.Я., Касаткина Н.С., Немудрая Е.Ю., Циулина М.В. Подготовка студентов педагогических вузов к управлению образовательным процессом в школе // Перспективы науки и образования. 2020. № 3(45). С. 140-157. DOI 10.32744/pse.2020.3.11. EDN EDNETF.

ОБ АВТОРЕ:

Ракович Елизавета Витальевна,
Начальник отдела,
Федеральное государственное бюджетное научное
учреждение Научно-исследовательский институт –
Республиканский исследовательский научно-
консультационный центр экспертизы, Москва,
Россия

ABOUT THE AUTHOR:

Rakovich Elizaveta V.,
head of department,
Federal State Budgetary Scientific Institution Research
Institute – Republican Research Scientific and
Consulting Center for Expertise, Moscow, Russia

УДК 316

Ракович Е. В.

Социальная экспертиза управленческих решений в области человеческих ресурсов вуза: проблемы реализации и направления совершенствования

В статье рассматривается социальная экспертиза управленческих решений в области человеческих ресурсов вуза как инструмент выявления социальных рисков, оценки кадровой политики и коррекции управленческих практик. На основе социологического исследования проводится анализ представлений работников о полезности, барьерах и критериях качества экспертизы. Предлагается комплекс направлений совершенствования, ориентированный

на прозрачность данных, междисциплинарность и участие сотрудников.

Ключевые слова: социальная экспертиза, управленческие решения, человеческие ресурсы вуза, социальные риски, кадровая политика образовательных учреждений.

Для цитирования: Ракович Е. В. Социальная экспертиза управленческих решений в области человеческих ресурсов вуза: проблемы реализации и направления совершенствования // Социально-гуманитарные технологии. 2026. №2 (38). С. 58-67.

Rakovich E. V.

Improving management effectiveness in educational organizations in the face of uncertain educational results

This article examines social assessment of university human resources management decisions as a tool for identifying social risks, assessing HR policies, and adjusting management practices. Based on sociological research, it analyzes employee perceptions of the usefulness, barriers, and quality criteria of social assessment. A set of areas for improvement is proposed, focusing on data transparency, interdisciplinarity, and employee participation.

Keywords: social expertise, management decisions, human resources of the university, social risks, personnel policy of educational institutions.

For citation: Rakovich E. V. Improving management effectiveness in educational organizations in the face of uncertain educational results. *Sotsial'no-gumanitarnye tekhnologii*. 2026; 2 (38): 58-67. (In Russ.)

Управленческие решения в сфере человеческих ресурсов вуза давно вышли за пределы обычной административной работы. Распределение нагрузки, система стимулирования, аттестация, цифровой контроль эффективности или реорганизация подразделений меняют не только показатели отчётности, но и «настроение» коллектива: уровень доверия к руководству, ощущение справедливости, качество коммуникаций, мотивацию и готовность сотрудников участвовать в развитии вуза [6]. Поэтому любые кадровые решения нельзя оценивать только по формальному исполнению, так как важно понимать, какие социальные последствия оно создаёт для людей и организационной среды.

Для вуза эта проблема стоит особенно остро: университетская среда устроена сложнее обычной административной системы [1; 3]. Здесь управленческие изменения проходят через целый ряд как формальных, так и неформальных структур, и условностей. Цифровизация усиливает эту напряжённость: показатели, рейтинги и алгоритмические модели дают управлению больше данных, но не всегда

позволяют увидеть скрытые социальные эффекты: недоверие, перегрузку, конфликтность, ощущение несправедливости [10]. Исследования алгоритмического принятия решений в высшем образовании также указывают на необходимость интерпретируемости, участия заинтересованных сторон и внимания к человеческим последствиям управленческих решений.

В этой логике социальная экспертиза становится не просто еще одной формальностью, а инструментом для более точного и ответственного управления человеческими ресурсами. Она позволяет заранее оценивать возможные риски кадровых и организационных решений, учитывать позицию работников, выявлять проблемные зоны и проверять последствия уже реализованных изменений. Эмпирические данные в статье отражают именно это: показывая, как работники вузов воспринимают социальную экспертизу, какие барьеры её реализации считают наиболее значимыми и какие направления совершенствования связывают с повышением качества управленческих решений.

В статье социальная экспертиза управленческих решений в области человеческих ресурсов вуза понимается как организованная процедура оценки кадровых и организационных решений с точки зрения их последствий для работников, профессиональных групп и социального климата университета [5]. Управление человеческими ресурсами в вузах не может сводиться к кадровому учёту или формальному контролю. Это связано с тем, что университетская среда устроена сложнее: здесь большое значение имеют профессиональная автономия, академические статусы, научные школы, неформальные связи и корпоративные ценности.

Современная академическая занятость характеризуется рисками долгосрочного истощения кадрового потенциала. Крупное когортное исследование научной карьеры в 38 странах ОЭСР показывает, что отток из науки по-разному проявляется по дисциплинам, полу и когортам, но в любом случае остается существенным элементом академического поля [9]. Для вуза это означает, что кадровые решения следует оценивать не только с точки зрения текущего управленческого удобства, но и с точки зрения их вклада в удержание, развитие и формирование новых академических кадров.

В отечественных работах по управлению человеческими ресурсами подчёркивается, что работа с персоналом связана не только с подбором и распределением работников, но и с развитием трудового потенциала, мотивации и устойчивости организации [6]. Поэтому социальная экспертиза позволяет рассматривать кадровое решение не только как административный акт, но и как вмешательство в социальную структуру вуза.

Дополнительную сложность создаёт цифровизация университетского управления, которая делает управленческие процессы более измеримыми, но не всегда позволяет увидеть их социальные последствия: рост напряжённости, снижение доверия, перегрузку, конфликтность или ощущение несправедливости. Поэтому данные сами по себе не заменяют экспертной оценки, напротив они должны дополняться анализом того, как управленческое решение воспринимается работниками и как оно влияет на социально-психологический климат вуза.

Таким образом, социальная экспертиза в этой сфере может быть определена как связующее звено между социологией управления, кадровой политикой, идеей организационной справедливости и оценкой социальных последствий решений. Ее назначение состоит не в замещении руководителя и не в торможении изменений, а в повышении качества самих изменений за счет работы с данными, рисками, интересами и последствиями.

Для большего погружения в тему было проведено эмпирическое исследование, данные которого собирались в рамках написания диссертационной работы. В рамках социологического исследования были собраны данные от 95 респондентов. По должностному статусу, респонденты распределились следующим образом: 86% респондентов – профессорско-преподавательский состав, 11% – руководители и 3% представляют учебно-вспомогательный персонал. Валидность по возрастной дифференциации опрашиваемых респондентов составила 76% женского пола и 24% - мужского.

В рамках проводимого эмпирического исследования первым вопросом в массовом опросе был определен следующим: «Как Вы считаете, на каком уровне осуществляется управление человеческими ресурсами в современных отечественных вузах?» (Рис. 1)

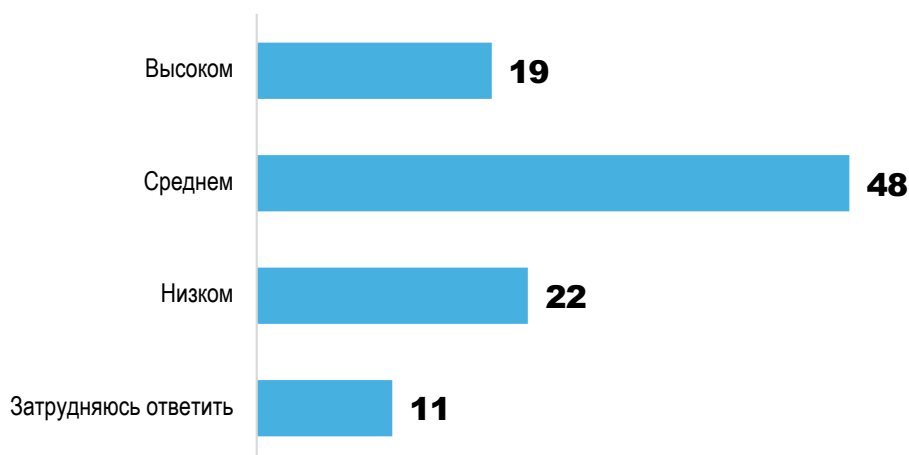

Рисунок 1. Распределение ответов респондентов на вопрос «Как Вы считаете, на каком уровне осуществляется управление человеческими ресурсами в современных отечественных вузах?»
(в % от всех опрошенных)

Менее пятой части участников опроса (19%) видят управление человеческими ресурсами как уже выстроенную, устойчивую систему. При этом баланс устойчивости акцентирует внимание на взвешенности и сопровождается мнением умеренного уровня (48%) осуществления управления человеческим ресурсами и критической оценкой системы (22%). Результаты ответа на данный вопрос являются основополагающими для дальнейшего исследования, поскольку социальная экспертиза востребована прежде всего там, где существующие механизмы управления не воспринимаются как эффективные и полноценные.

Второй важный результат, который зафиксирован в социологическом опросе, касается самой идеи социальной экспертизы. На вопрос о том, может ли она повысить качество управленческих решений в современном вузе (Рис. 2), ответы составили: 34% ответили «да», еще 33 % – «скорее да», в то время как отрицательные мнения выразили всего треть от общего числа опрошенных: «скорее нет» – 13%, «нет» – 17%, «затрудняюсь ответить» - 3%.

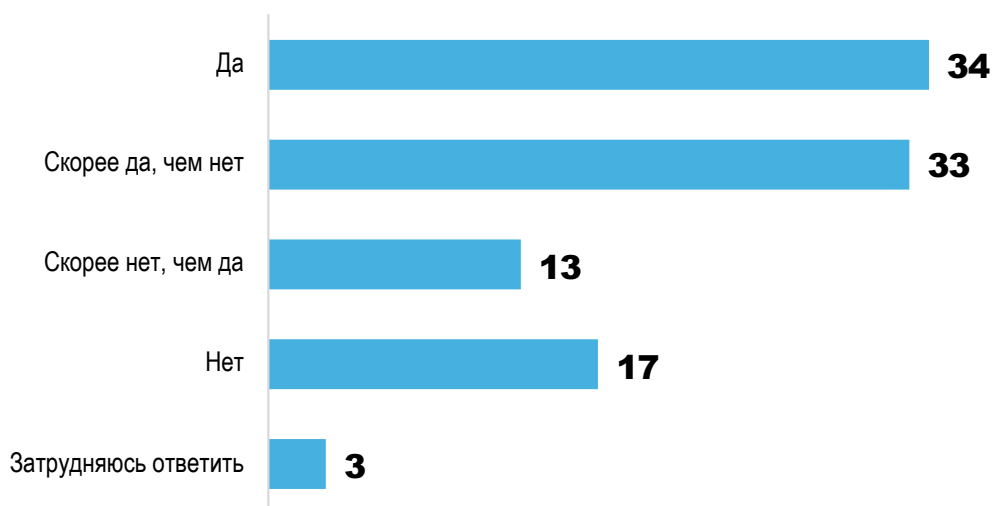

Рисунок 2. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Может ли повысить социальная экспертиза качество управленческих решений в современном вузе» (в % от всех опрошенных)

Таким образом, данные не отражают единство мнений о повышении качества управленческих решений в современном вузе, но они явно показывают наличие устойчивого запроса на социальную экспертизу как инструмент повышения качества решений.

Социологическое исследование в том числе отразило мнение о внедрении социальной экспертизы управленческих решений в области человеческих ресурсов путем повышения ответственности руководителя и администрации за принимаемые решения, степенью их обусловленности объективными факторами, а не субъективными установками. Из чего следует необходимость проверки эффектов принимаемых решений и их пилотного внедрения.

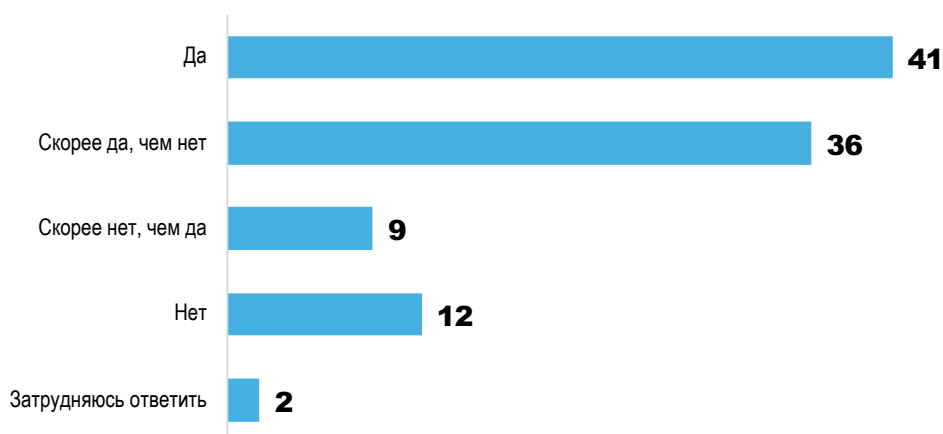

Рисунок 3. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Согласны ли Вы с тем, что социальная экспертиза управленческих решений в области человеческих ресурсов может способствовать выявлению системных недостатков, существующих в вузе?» (в % от всех опрошенных)

Третий не мало важный результат в социологическом опросе, касается выявления системных недостатков, существующих в вузе и прогнозирование потенциальных рисков в деятельности вуза (Рис. 3 и 4).

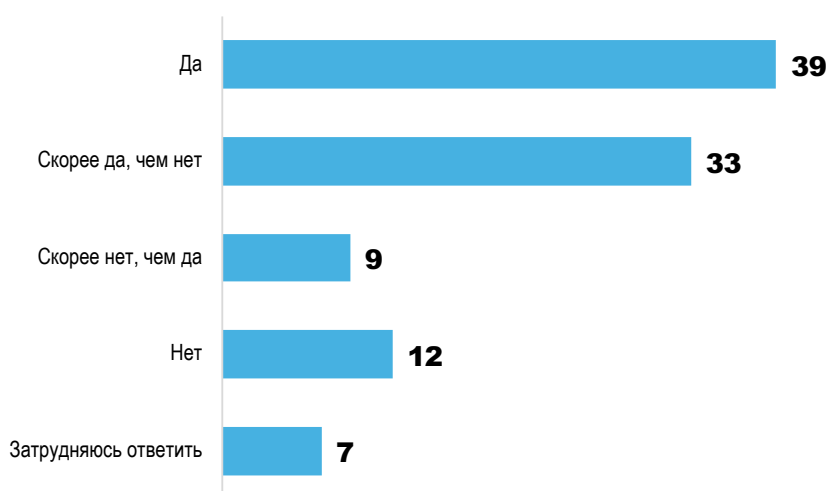

Рисунок 4. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Социальная экспертиза может служить эффективным инструментом прогнозирования потенциальных рисков в деятельности вуза?» (в % от всех опрошенных)

Диаграммы отражают преимущественное согласие респондентов в контексте ответа на вопрос о выявлении системных недостатков, существующих в вузе и прогнозировании потенциальных рисков в деятельности вуза: 77 % – согласились в первом случае, а 72 % во втором. Можно говорить, что респонденты воспринимают социальную экспертизу не как узконаправленный механизм контроля соответствия решению «правильным» формальным параметрам, а как более широкую процедуру диагностики системных дефицитов и превентивного выявления рисков. Это переводит тему из плоскости «экспертиза как проверка» в плоскость «экспертиза как инструмент управленческого предвидения». Такой сдвиг хорошо согласуется с международными подходами, рассматривающими управленческие решения в университетах как процессы, требующие прозрачного доказательного основания и учета интересов различных групп.

Показательно, что, отвечая на вопрос: «Как Вы считаете, является ли социальная экспертиза управленческих решений в области человеческих ресурсов важным источником информации о деятельности вуза?» более 76% респондентов дают утвердительный ответ в части привлечения системных данных о работе вуза, представлении аналитики, повышении качества решений и осведомленности о деятельности вуза. На самом деле правильное использование социальной экспертизы как инструмента, позволяет управленцам получить целый набор полезных данных, которые можно использовать для реализации различных программ по совершенствованию кадровой политики вузов страны. Однако внедрять данный инструмент следует системно, в то время как в большинстве университетов страны социальная экспертиза используется точно или не используется вовсе.

При этом по вопросу о возможных негативных эффектах социальной экспертизы при принятии управленческих решений в области человеческих ресурсов вуза ответы оказались более напряженными (Рис. 5).

Рисунок 5. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Как Вы считаете, может ли социальная экспертиза оказывать негативное влияние на управленческие решения в области человеческих ресурсов вуза?» (в % от всех опрошенных)

Такие ответы отражают двойственную ситуацию, которая складывается вокруг построения грамотной системы социальной экспертизы управленческих решений в вузах, так как поддерживая сам институт социальной экспертизы, респонденты одновременно фиксируют его конфликтный потенциал. Следовательно, основная проблема состоит не в «надуманной» полезности экспертизы, а в условиях ее включения в реальную организационную среду.

Далее, в социологическом исследовании представлен перечень вопросов, который должен был позволить узнать, какие условия качества социальной экспертизы могут выделить респонденты:

— 87% респондентов согласны, что качество социальной экспертизы зависит от методологической обоснованности и объективности.

— 88% считают важными открытость и доступность данных и методов исследования для обеспечения доверия к результатам.

— 75 % видят риск предвзятости, если эксперты не соблюдают нейтральность и критичность.

— 79 % согласны, что экспертиза может проводиться в тесном контакте с сообществами и заинтересованными сторонами, обеспечивая участие и инклюзивность, однако поддержка идеи общественных обсуждений и участия граждан в процессе сбора данных и принятия решений уже несколько ниже – 64%.

Согласно данным исследования, респонденты поддерживают партисипативность – включение сотрудников в процесс принятия решений, но такое включение должно иметь свои четко обозначенные рамки. Отвечающие, явно выше оценивают включенность релевантных сообществ и затронутых сторон, чем абстрактно широкое «общественное участие».

Это подводит нас к важному выводу: запрос существует не на плебисцитарную – «народную», а на профессионально-кадровую организованную экспертизу, где участие сочетается с методологической дисциплиной и ответственностью за интерпретацию результатов. Такой баланс согласуется и с работами отечественных и зарубежных ученых, изучающих данную область, а также с рекомендациями ВОЗ о создании благоприятной среды для работников и их представителей при управлении психосоциальными рисками.

Эмпирические данные являются вспомогательным инструментом для уточнения, как именно работники вузов представляют себе «хорошую» социальную экспертизу.

На первом месте находится человекоориентированность, затем практическая применимость и только после – собственно методологическая архитектура. Следовательно, социальная экспертиза в восприятии респондентов ценна не как теория ради теории, а как механизм, способный дать данные, интерпретацию и практически пригодное решение.

Полученные результаты позволяют утверждать, что совершенствование социальной экспертизы управленческих решений в сфере человеческих ресурсов должно идти не по пути «точечной донастройки», а по пути институционализации. Если социальная экспертиза остается разовой опцией или дополнением к уже принятому решению, она не снижает риски и не повышает доверие. В случае, если же она встроена в цикл подготовки, обсуждения, принятия и последующего мониторинга решения, она превращается в реальный инструмент социологического сопровождения управления. Вследствие этого, мы можем выделить ряд направлений, которые могут сделать данную систему более эффективной (Таблица 1).

Таблица 1. Контур совершенствования системы социальной экспертизы управленческих решений в сфере человеческих ресурсов вуза

Проблемные точки социальной экспертизы	Направление совершенствования	Практический механизм внедрения
Недостаточная развитость HR-управления при высокой поддержке идеи социальной экспертизы	Институционализация социальной экспертизы	Закрепить перечень решений, требующих обязательной экспертизы: перераспределение нагрузки, изменение системы стимулирования, реорганизация подразделений, аттестация, конкурсные процедуры, внедрение цифрового мониторинга. Создание независимых советов, добровольческих объединений,

Проблемные точки социальной экспертизы	Направление совершенствования	Практический механизм внедрения
		фокус-групп. Закрепить полномочия субъектов (инициаторов).
Уязвимость ключевых HR-процессов: кадровой политики, мотивации, вознаграждения и организационной структуры	Разработка матрицы социальных эффектов HR-решений	Определить цели, эффекты, которые планируется связать с бизнес-целями организации. Визуализировать результаты. Оценивать влияние решений на мотивацию, чувство справедливости, доверие к руководству, карьерные перспективы, удержание персонала и профессиональное развитие, HR-инициативы, ротация.
Чувствительность социально-психологической среды к управленческим решениям	Включение оценки климата в стандарт экспертизы	Определить процесс интеграции учета оценки климата. До и после внедрения решений измерять уровень стресса, качество коммуникаций, стиль руководства, удовлетворённость условиями труда, признаки перегрузки, токсичности и буллинга. Стандарт экспертиз должен быть включен в медиативные группы и организацию в целом.
Риски предвзятости, конфликта интересов, нехватки данных и ограниченных сроков	Регламентация экспертной процедуры	Закрепить требования к открытости данных, срокам проведения экспертизы, сочетанию количественных и качественных методов и показателей, а также к прозрачности интерпретации результатов. Публикационная доступность, регламентация доступа к системам. Шифрование конфиденциальной информации.
Недостаточная междисциплинарность экспертной оценки	Формирование междисциплинарного экспертного контура	Определение синтеза связей, заключение соглашений с внешними партнерами. В целях оценки комплексных проектов, экспертиз - включать в экспертные группы социолога, HR-специалиста, психолога, юриста, представителя администрации и представителей профессиональных групп, которых затрагивает решение. Создавать консилиумы для стратегий поддержки граждан (в вузах) с особыми потребностями. Разработка алгоритма интегративных решений, повышение качества экспертиз и их реализация. Разработка кейс-методов, компетентностного подхода для решения реальных задач. Формирование непрерывного ряда значений, по которому можно упорядочить термины из различных дисциплин.

Проблемные точки социальной экспертизы	Направление совершенствования	Практический механизм внедрения
Слабая постэкспертная обратная связь	Введение мониторинга последствий решений	Проводить повторную оценку социальных эффектов через 3–6 месяцев после внедрения управленческого решения. Проводить онлайн-опросы, Swot и pest-анализы, фокус-группы.

Раскроем более детально основные направления совершенствования, так первые два опираются на тезис о том, что психосоциальные риски на работе возникают из-за того, как:

- организована трудовая деятельность;
- выстроен процесс контроля за ней;
- уровня трудовой нагрузки;
- сформировано карьерное развитие в рамках учреждения и взаимодействие с руководством.

Именно поэтому экспертиза должна запускаться не после конфликта из-за принятого решения, а на стадии его проектирования. Международные рекомендации ВОЗ по контролю за психоэмоциональным состоянием кадров прямо исходят из необходимости организационных интервенций, которые меняют условия труда, а не ограничиваются реакцией на уже возникшие проблемы [2].

Третье и четвертое направления продиктованы тем, что социальная экспертиза в восприятии респондентов теснее всего связана с коммуникациями, стилем руководства, стрессом и удовлетворенностью условиями труда. Социальная экспертиза не может ограничиться анализом нормативных документов, локальных актов или показателей эффективности. Контур совершенствования должен включать обязательный блок оценки климата, а также смешанную методологию: анкетирование, полуструктурированные интервью, фокус-группы, анализ жалоб и обращений, анализ кадровой динамики, экспертную интерпретацию результатов. Это также подтверждают результаты исследования, так как 71% респондентов исследования предпочли сочетание количественных и качественных методов.

Следующее направление связано с составом экспертов. Опрос показывает: респонденты в целом позитивно воспринимают междисциплинарный формат, хотя на первое место среди критериев качества его не ставят. Это дает основание для конкретизации понятия: междисциплинарность – это не формальный набор разных специалистов, а способ собрать разные типы знания о решении. Эксперты должны понимать и правовую рамку деятельности вуза, и социально-трудовые проблемы работников, и методологию исследования. Именно такая конфигурация снижает риск того, что экспертиза превратится либо в юридическую формальность, либо в произвольный набор мнений.

Последнее направление совершенствования – доступ к данным и временной ресурс. Эмпирически дефицит данных и сжатые сроки оказались наиболее весомыми препятствиями для качественной экспертизы. Вывод практический: вузу нужен не только экспертный регламент, но и регламент информационного обеспечения, который должен определять перечень доступных массивов данных, уровни доступа, процедуры обезличивания, сроки предоставления материалов и ответственность за их непредставление. По мере роста цифровизации такой регламент становится особенно важен для решений, связанных с алгоритмическими или полуалгоритмическими системами оценки – там прозрачность критериев и объяснимость вывода превращаются в обязательное условие доверия [7].

Отдельного внимания заслуживает вопрос об участии сотрудников. Социальная экспертиза не должна воспроизводить привычную вертикальную модель, где коллектив – лишь объект наблюдения. Нужны каналы обратной связи: до принятия решения и после него. Обсуждение проектируемых изменений, сбор альтернативных сценариев, сопровождение внедрения, постэкспертный аудит последствий. Существенна именно форма участия – не абстрактное расширение числа голосов, а содержательное включение тех профессиональных групп, которых решение непосредственно касается. ВОЗ отдельно подчеркивает, что действия по защите психического здоровья на работе должны

предприниматься. Университетская практика лишь уточняет, что такое участие должно сочетаться с аналитической дисциплиной и ясными правилами интерпретации данных.

Наконец, совершенствование системы социальной экспертизы требует перехода от одноразового заключения к циклической модели. Если результаты экспертизы должны учитываться при планировании изменений, а так считают 75 % опрошенных респондентов, – то строить процедуру логично итеративно: предварительная оценка рисков, экспертное заключение, управленческое решение, мониторинг фактических последствий, корректировка политики. Такая модель отвечает и восприятию респондентов, и управленческой логике вузов, где решение редко бывает окончательным, а качество управления определяется способностью учиться на собственных последствиях.

Результаты исследования показывают, что социальная экспертиза управленческих решений в области человеческих ресурсов воспринимается работниками вузов как востребованный, но пока недостаточно институционализированный инструмент повышения качества управления. Значительная часть респондентов связывает её с возможностью выявления системных недостатков, прогнозирования рисков и повышения обоснованности кадровых решений.

Наиболее выраженная потребность в такой экспертизе проявляется в центральных зонах университетского управления: кадровой политике, системе мотивации и вознаграждения, организационной структуре, стиле руководства, коммуникациях, уровне стрессовой нагрузки и социально-психологическом климате. Это позволяет рассматривать социальную экспертизу не как внешнюю формальность, а как механизм оценки тех последствий, которые управленческие решения создают для работников и академического коллектива в целом.

Основные трудности реализации социальной экспертизы связаны не столько с отсутствием интереса к ней, сколько с институциональными барьерами: ограниченным доступом к данным, дефицитом времени, риском предвзятости, конфликтом интересов и недостаточной процедурной закреплённостью экспертной работы. Поэтому совершенствование системы должно включать разработку регламентов доступа к информации, определение ситуаций, при которых экспертиза становится обязательной, формирование междисциплинарных экспертных групп, использование смешанных методов исследования и последующий мониторинг социальных эффектов принятых решений [4]. В таком виде социальная экспертиза может стать частью управленческого цикла вуза: не тормозить изменения, а делать их более прозрачными, справедливыми, социально устойчивыми и согласованными с долгосрочными задачами развития университета.

По результатам анализа предложены четыре направления совершенствования социальной экспертизы управленческих решений в области человеческих ресурсов ВУЗА: закрепление экспертной оценки в управленческом цикле HR-решений, снижение процедурных рисков, формирование междисциплинарного состава экспертов и введение постэкспертного мониторинга последствий. Такая логика позволяет рассматривать оценку не как разовое заключение, а как последовательный цикл – от предварительного анализа решения и выявления рисков до контроля его последствий и возможной корректировки.

Предложенная модель не заменяет существующее кадровое управление – она усиливает его за счет более внимательного отношения к социальным последствиям решений. Такой подход помогает заранее выявлять конфликтные зоны, учитывать позиции разных профессиональных групп, повышать доверие к управленческим процедурам. HR-решения становятся обоснованнее, прозрачнее и приемлемее для университетского сообщества.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Кирилина, Т. Ю. Социологический анализ применения социальных технологий в системе управления образованием / Т. Ю. Кирилина, Т. В. Федотова // Социально-гуманитарные технологии. – 2024. – № 2(30). – С. 45-58. – EDN YLYAAO.
2. Коновалова В.Г. Психическое здоровье на рабочих местах: новый уровень проблем и их решения // Управление персоналом и интеллектуальными ресурсами в России. – 2022. – Т. 11. – № 6. – С. 5–13. – DOI: 10.12737/2305-7807-2022-11-6-5-13.

3. Костюк, И. В. Барьеры при внедрении недирективных методов в систему управления органов власти РФ и госорганизаций / И. В. Костюк, Т. Ю. Кирилина // Социально-гуманитарные технологии. – 2025. – № 1(33). – С. 54-65. – EDN SNXSHE.
4. Ларионова В. А., Карасик А. А. Цифровая трансформация университетов: заметки о глобальной конференции по технологиям в образовании EDCRUNCH URAL // Университетское управление: практика и анализ. 2019. Т. 23. № 3. С. 130–135.
5. Луков В. А. Социальная экспертиза. – М.: Институт молодежи, 1996.
6. Сороко Г.Я., Коршаков Ф.Н., Коготкова И.З. Развитие цифровых технологий управления вузом: опыт и перспективы // Университетское управление: практика и анализ. – 2024. – Т. 28. – № 3. – С. 45–55.
7. Шабанов Г.А., Растягаев Д.В. Цифровизация вуза: реальность и ожидания // Высшее образование сегодня. – 2020. – № 1. – С. 2–7.
8. Bhatia M., Williams A. Identifying Job Satisfaction Parameters among the Employees in Higher Educational Institutions: A Mathematical Model [Электронный ресурс]. – 2023. – DOI: 10.48550/arXiv.2309.07553.
9. Kwiek M., Szymula L. Quantifying Attrition in Science: A Cohort-Based, Longitudinal Study of Scientists in 38 OECD Countries [Электронный ресурс]. – 2024. – DOI: 10.48550/arXiv.2401.09425. – URL: <https://arxiv.org/abs/2401.09425>
10. McConvey K., Guha S., Kuzminykh A. A Human-Centered Review of Algorithms in Decision-Making in Higher Education [Электронный ресурс]. – 2023. – DOI: 10.48550/arXiv.2302.05839. – URL: <https://arxiv.org/abs/2302.05839>

ОБ АВТОРЕ:

Федоров Георгий Алексеевич,
Аспирант 2 года подготовки научной специальности
5.4.7. «Социология управления»,
Федеральное государственное бюджетное
учреждение высшего образования «Финансовый
университет при Правительстве Российской
Федерации» (Финуниверситет), Москва, Россия

ABOUT THE AUTHOR:

Fedorov Georgy A.,
A second-year postgraduate student in the scientific
specialty 5.4.7 "Sociology of Management",
Federal State Budgetary Institution of Higher Education
"Financial University under the Government of the
Russian Federation" (Financial University), Moscow,
Russia

УДК 316

Федоров Г.А.

Социологический анализ факторов формирования профессиональной идентичности на этапе вхождения в профессию (на примере педагогических кадров системы общего образования Российской Федерации)

В статье представляются результаты авторского социологического исследования, включившего в себя сбор эмпирических данных при проведении массового опроса в формате анкетирования. Автор рассматривает этап формирования первичной профессиональной идентичности, которая

образуется при вступлении в профессию. Определен набор факторов, оказывающих наибольшее влияние на привлечение и удержание молодых специалистов в профессии. В качестве основного фактора формирования кадрового капитала системы общего образования рассматривается эффективность профессиональной интеракции субъектов.

Для выявленных условий протекания процессов профессионализации сформулирован потенциал разработки социальных технологий, формируемых по результатам сбора данных о индивидуальных характеристиках педагогов, для использования в управлении образовательной организацией. На примере педагогических кадров школ Московской области и обучающихся педагогическим специальностям студентов определен уровень влияния опытных коллег на адаптацию молодых педагогов.

Ключевые слова: профессиональная идентичность, адаптация, наставничество, компетентность, профессионализация.

Для цитирования: Федоров Г.А. Социологический анализ факторов формирования профессиональной идентичности на этапе вхождения в профессию (на примере педагогических кадров системы общего образования Российской Федерации) // Социально-гуманитарные технологии. 2026. №2 (38). С. 68-79.

Fedorov G. A.

Sociological analysis of factors in the formation of professional identity at the stage of entry into the profession (a case study of teaching staff in the general education system of the Russian Federation)

The article presents the results of the author's sociological research based on empirical data obtained from a mass survey conducted in the form of a questionnaire. The author examines the stage of formation of primary professional identity, which develops upon entry into the profession. A set of factors that have the greatest impact on attracting and retaining young specialists in the profession is identified. The effectiveness of professional interaction between subjects is considered as the main factor in the formation of the human capital of the general education system.

For the identified conditions of professionalization processes, social technologies with the greatest potential for use in the management of an educational organization are formulated. Using the example of teaching staff in schools of the Moscow region and students studying pedagogical specialties, the level of influence of experienced colleagues on the adaptation of young teachers is determined.

Keywords: professional identity, adaptation, mentoring, competence, professionalization.

For citation: Fedorov G. A. Sociological analysis of factors in the formation of professional identity at the stage of entry into the profession (a case study of teaching staff in the general education system of the Russian Federation). *Sotsial'no-gumanitarnye tekhnologii*. 2026; 2 (38): 68-79. (In Russ.)

Педагогические кадры выступают ключевым элементом системы общего образования Российской Федерации]. К ним относятся более 1 миллиона учителей школ и почти 500 тысяч педагогов дошкольного образования, осуществляющих свою деятельность в почти 80 тысячах государственных и негосударственных образовательных учреждениях [14; с. 15-92]. Структура образовательного процесса в системе общего образования Российской Федерации определяет значимость педагога в процессах его взаимодействий с другими субъектами образовательного процесса: обучающимися, их родителями, руководством образовательной организации.

Значимость роли педагога не только при обеспечении образовательного процесса, но и удовлетворения общественных запросов обозначена в трудах отечественных и зарубежных исследователей. Значимость адаптации педагога к общественному запросу для воспитания нового поколения в интересах своего государства подчеркивают в своей работе Г.В. Харрасова и Ф.Ф. Гумерова [18, с. 2-4]. Роль педагога в адаптации обучающегося к условиям коммуникации с окружающими определяют в своей работе Т. К. Беляева, Н.Д. Барина, А.Г. Пухова [2, с. 1-3]. Возможность обеспечения связи между национальными целями государства и педагогической работой обозначает в своей работе П.А. Абрамова [1]. Значимость вовлеченности педагога в общественные процессы обозначена в работе Е.Н. Кролевецкой [8, с. 1-4].

Несмотря на высокую значимость специальности в системе общего образования наблюдается дефицит кадров. В 2025 году нехватка педагогов обозначена Министров просвещения Российской Федерации С.С. Кравцовом и составляет около 96 тысяч специалистов [7]. Проблемы кадрового наполнения, привлечения молодых специалистов в образовательные организации, удержания уже имеющихся сотрудников и повышение среднего возраста педагога образовательного учреждения выявляются при изучении официальных статистических данных [14].

Накопленные исследования содержат в себе информацию об основных причинах формирования данного дефицита. Проблема обеспечения высокого уровня оплаты труда педагогов поднимается в работе Ф.К. Ногайлиевой и М.В. Филипповой [13, с. 1-6]. Значимость учета наступления профессионального выгорания при удержании педагога в профессии определена Ю.Б. Надточий [12, с. 3-5]. Вопрос дефицита компетенций молодого педагога поднимает в своих трудах М.А. Коннова [6]. Вопрос понижения престижа педагогической профессии как демотивирующий фактор к работе раскрывает Г.В. Сорокоумова [16, с. 2-10].

Ключевые проблемы обеспечения кадрового капитала системы общего образования Российской Федерации исследуются через экономические, психологические, педагогические, социологические категории. Вместе с тем особенности самоощущения самого педагога с учетом его индивидуальных особенностей в сформированном социально-экономическом контексте, а также при взаимодействии с другими субъектами образовательного процесса строго не определены.

В этой связи автором выделяется понятие профессиональной идентичности педагогических кадров, которое определяется как многокомпонентная, динамическая, рефлексивная и социально-конструируемая категория, выражающаяся в осознанном, ценностно-смысловом и компетентностном самоотожествлении педагога со своей профессией.

Данная дефиниция позволяет разбить сущность педагога как специалиста на несколько компонентов и раскрыть систему условий его профессионального позиционирования через анализ индикаторов эффективности его взаимодействия с окружающими и поведения в условиях сформированной системы в целом. В структуре профессиональной идентичности можно выделить когнитивный, ценностно-смысловой и поведенческий компоненты, через которые можно всецело описать все формы профессиональной деятельности.

При этом ключевыми этапами формирования профессиональной идентичности выступает выделенные Э. Зеером этап начального освоения профессии, характеризующийся высоким интересом и

стремлением освоить новые компетенции, а также этап профессиональной устойчивости, когда у педагога формируется стабильное понимание приверженности профессии, а также желание оставаться в ней [5].

В целях проверки структуры компонентов профессиональной идентичности педагогических кадров автором проведена серия социологических исследований. Эмпирическую базу составляют результаты двух массовых опросов в формате анкетирования и одного глубинного экспертного интервью. Респондентами первого анкетирования выступили учителя школ и воспитатели детских садов образовательных учреждений Московской области. Опрос охватил 1843 респондента в возрасте от 19 до 73 лет. Второй опрос проведен среди обучающихся по педагогическим специальностям студентам вузов столичного региона. Опрос охватил 179 респондентов. Глубинное экспертное интервью проведено с педагогическими кадрами (20 специалистов), проработавших в образовательных учреждениях более 7 лет.

По результатам анализа полученных эмпирических данных определена высокая удовлетворенность уже работающих педагогов выбором своей профессии. Большая часть уже работающих педагогов (86%) удовлетворена выбором своей профессии. Вместе с тем лишь 36% респондентов удовлетворены уровнем своей заработной платы (рисунок 1).

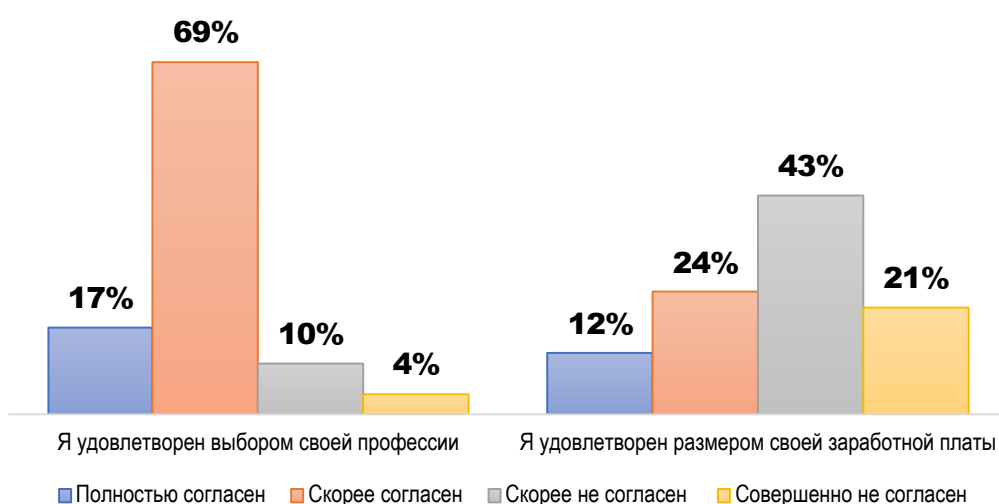

Рисунок 1. Уровень удовлетворенности респондентов (уже работающих по профессии педагогов) выбором своей профессии и уровнем заработной платы.

Источник: составлено автором на основании результатов проведенного исследования.

Отметим, что молодые преподаватели в возрасте до 39 лет и стажем до 15 лет – категории респондентов, которые наиболее часто отмечают неудовлетворенность уровнем заработной платы. Одновременно с этим по результатам опроса студентов, обучающихся по педагогическим специальностям, определено, что для значительной части респондентов (82%) средний уровень заработной платы представителей профессии является важным фактором при выборе дальнейшего пути. Около 60% студентов считают, что усилия, которые прикладывает педагог не соотносятся с уровнем его заработной платы (рисунок 2). Вместе с тем лишь около 50% студентов говорят о том, что планировали поступать на педагогическую специальность, когда еще учились в школе. В равной степени распределились ответы студентов о предпочтениях работы в государственном или частном образовательном учреждении. Отметим, что категория респондентов, которая планировала поступать на педагогическую специальность наиболее лояльно относится к фактору заработной платы (лишь 47% от категории говорят о том, что уровень заработной платы является важным фактором), однако среди этой категории более 70% респондентов считают, что трудоемкость работы педагога не соотносится с уровнем его заработной платы.

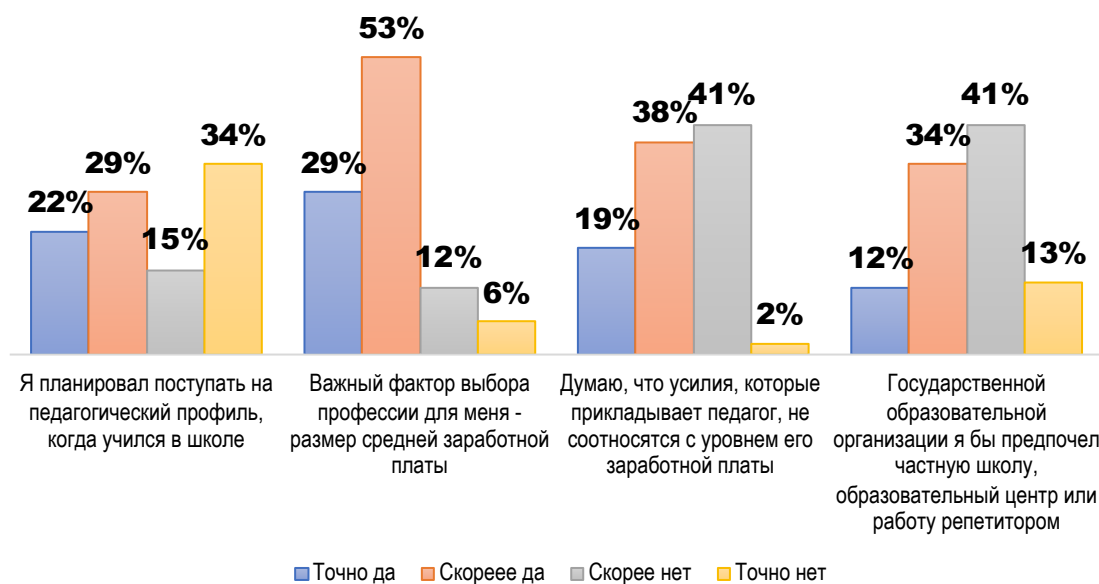

Рисунок 2. Распределение ответов респондентов (обучающихся вузов), указывающих на их отношение к суждениям о профессии педагога.

Источник: составлено автором на основании результатов проведенного исследования.

Представленные эмпирические данные позволяют формировать суждение о том, что значительная часть обучающихся педагогическим специальностям не планировала выбрать именно такой карьерный путь. Такие студенты чаще отмечают значимость уровня заработной платы, однако реже других категорий считают, что труд педагога не оплачивается по достоинству. Одновременно с этим студенты, которые изначально выбрали такой путь, более лояльно относятся к уровню оплаты труда по своей профессии, что означает наличие для них иных стимулов трудовой деятельности по специальности. При этом, по мнению таких респондентов, усилия учителя не соотносятся с получаемыми вознаграждениями.

Представленное соотношение ответов закладывает основания для формирования социальных технологий развития профессиональной идентичности. Такие технологии должны быть направлены на раннюю профориентацию обучающихся школ и выявление немотивированных к работе по специальности обучающихся. Вместе с тем социальные технологии должны удерживать приоритет нематериальных стимулов для тех студентов, которые действительно планируют и заранее готовятся к вступлению в профессию. Несмотря на значимость для таких студентов нематериальных стимулов, необходимо учитывать потребность в справедливости обмена ресурсами – трудом педагога и уровнем заработной платы. Уровень материального вознаграждения является значимым фактором для молодого педагога и способствует формированию расхождений в мотивациях и ценностях с опытными педагогами.

Среди опрошенных педагогов, уже работающих в образовательном учреждении, около 40% считают, что главная мотивация продолжать работать – возможность наблюдать за достижениями своих воспитанников. При этом среди обучающихся по педагогическим специальностям большинство (79%) опрошенных считают, что достижения обучающихся приносят удовольствие педагогу. Доля студентов, ответивших, что работа по специальности для них, прежде всего, является возможностью развивать своих подопечных составила 54%. Около трети (34%) студентов рассматривают работу педагогом, прежде всего, как заработок денег (рисунок 3).

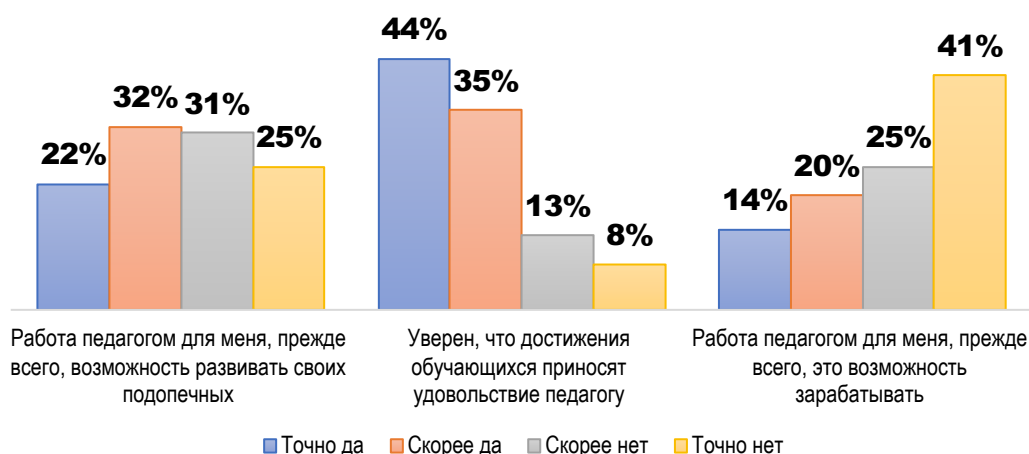

Рисунок 3. Распределение ответов респондентов (обучающихся вузов) об их отношении к суждениям о педагогической профессии.

Источник: составлено автором на основании результатов проведенного исследования.

Обучающиеся вузов, осваивающие педагогические специальности преимущественно считают, что их текущий уровень компетенций достаточен для работы по специальности. Так ответило 69% респондентов. При этом 82% респондентов считают, что даже при высоком уровне подготовки для успешной работы в образовательной организации нужно набраться опыта. Среди опрошенных студентов 73% респондентов считают, что опытные коллеги помогут им адаптироваться в первые месяцы работы (рисунок 4).

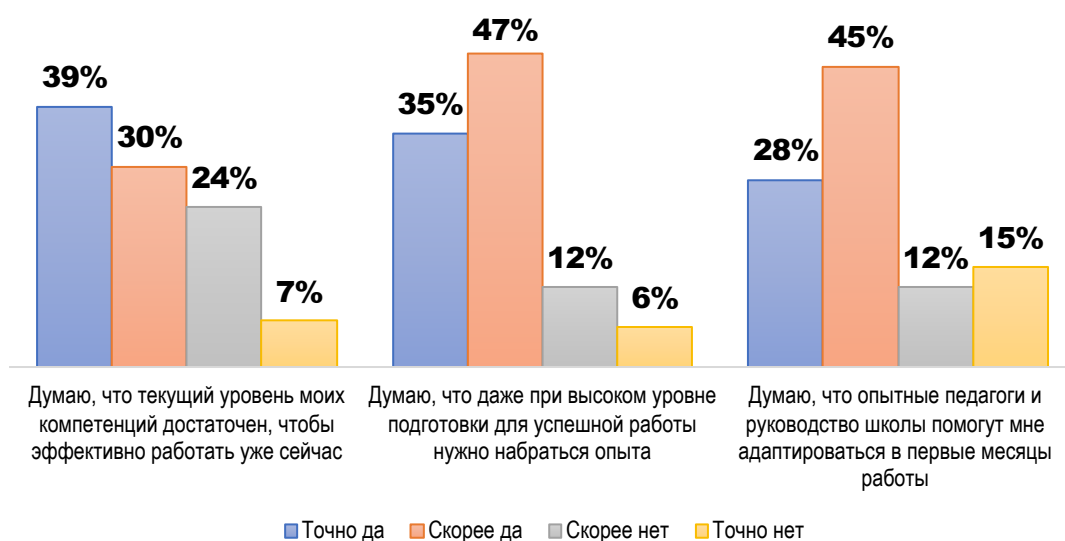

Рисунок 4. Распределение ответов респондентов (обучающихся вузов) о готовности и требуемых условиях для работы по специальности в образовательном учреждении.

Источник: составлено автором на основании результатов проведенного исследования.

Отметим, что среди уже работающих педагогов на вопрос об уровне развитости компетенций наиболее часто встречается ответ: «Уровень компетенции достаточен, но чувствую необходимость их обновления». Так ответило 39% респондентов. При этом для категории уже работающих педагогов в возрасте до 25 лет и стажем до 5 лет наиболее характерные ответы «мне достаточно моих знаний и навыков для комфортной работы» (42% и 56% по категориям соответственно) и «мне не хватает определенного набора компетенций» (21% и 24% по категориям соответственно).

Описанное выше соотношение собранных эмпирических данных указывает на наличие среди обучающихся вузов уже готовых к работе студентов, при этом в большинстве случаев при старте работы молодые педагоги не испытывают проблемы дефицита своих знаний, умений и навыков для полноценной работы. При этом среди студентов есть категория, чей уровень развитости компетенций недостаточен, что часто проявляется в первые годы работы по специальности в организациях общего образования.

Среди респондентов выделяется категория студентов, которая говорит об избыточном для работы в образовательном учреждении уровне развитости компетенций. Наиболее часто такая позиция проявляется у преподавателей профильных дисциплин, в особенности – филологических дисциплин, иностранных языков, математики. Такие обучающиеся формируют определенную группу риска, представители которой могут предпочесть работу в других сферах работе в образовательном учреждении.

Среди уже работающих педагогов 85% респондентов говорят о том, что ощущали поддержку от своих старших коллег в первые годы работы, при этом 77% респондентов говорят о том, что советы и помощь коллег были полезными и эффективными. Одновременно с этим значительная часть респондентов (почти 70%) говорит о том, что опытные педагоги формально не мотивированы помогать и передавать опыт молодым коллегам (рисунок 5).

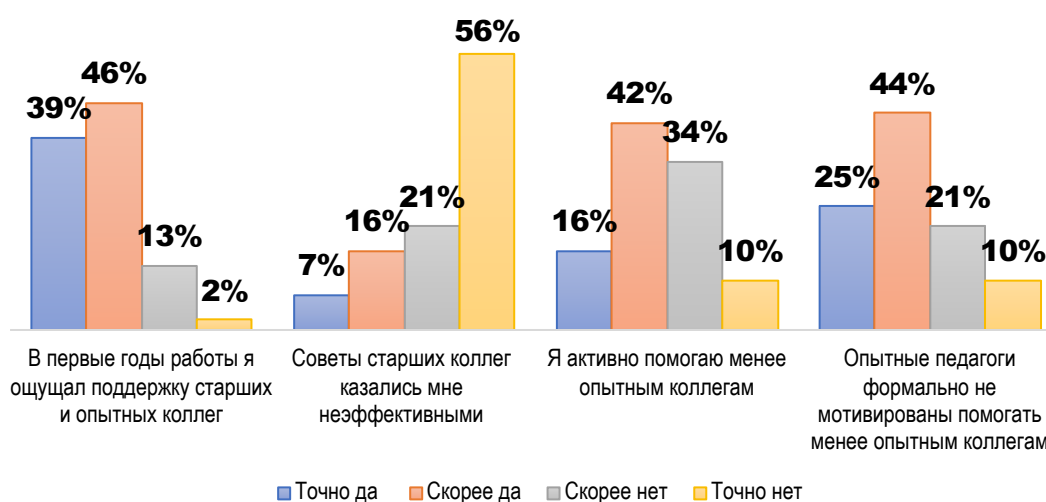

Рисунок 5. Распределение ответов респондентов (уже работающих педагогов) об их отношении к суждениям.

Источник: составлено автором на основании результатов проведенного исследования.

Около 20% респондентов в возрасте до 25 лет и 23% респондентов в возрасте от 26 до 34 лет говорят о том, что советы старших коллег не соответствуют современным требованиям к образовательному процессу и способствуют выработке вредных для работы привычек. Лишь 31% педагогических кадров в возрасте до 25 лет предпочтут обратиться за помощью к коллегам, тогда как для респондентов в возрасте от 45 лет и старше доля таких ответов составила более 50%. Для данных возрастных категорий также наблюдается тенденция повышения значимости интернет-ресурсов при поиске ответов на свои вопросы и выходов из кризисных ситуаций.

Профессионализация обучающегося по педагогической специальности начинается в рамках усвоения теоретических знаний. Основное развитие профессиональной идентичности происходит при вступлении в профессию, прежде всего за время педагогической практики и в первые годы работы по специальности. На данном этапе будущие специалисты погружаются в реальные условия профессиональной интеракции субъектов образовательного процесса образовательных организаций системы общего образования Российской Федерации.

Анализ полученных по результатам исследования эмпирических данных показывает, что только 62% студентов считают, что педагогическая практика в образовательной организации проходит

продуктивно. Среди студентов 53% ответили, что за время педагогической практики замечают, как реальные условия работы отличаются от того, чему их обучают в университете. Около 35% респондентов отметили, что советы старших коллег казались странными и не соответствовали общепринятым правилам работы педагога, а также содержанию осваиваемой образовательной программы (рисунок 6).

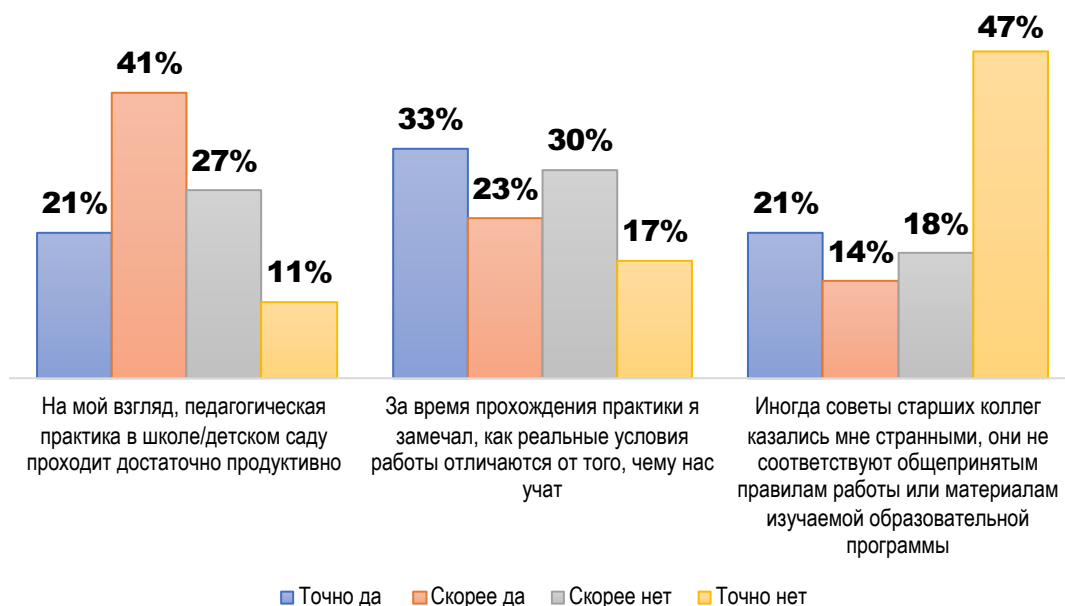

Рисунок 6. Распределение ответов респондентов (обучающихся вузов) об их отношении к суждениям о педагогической практике.

Источник: составлено автором на основании результатов проведенного исследования.

Одновременно с этим необходимо подчеркнуть значимость роли опытных педагогов при адаптации студента-практиканта к реальным условиям работы. Фактически опытные работники выступают живым примером того, как можно развиваться в выбранной профессии. Стиль и принципы их работы оказывают влияние на профессиональную идентичность молодого педагога. Как было отмечено ранее, у молодых педагогов, студентов-практикантов сформирован запрос на поддержку и помощь от старших коллег. Однако эта помощь должна быть системной, мотивирующей, а также соответствовать всем принципам эффективности и корректности ведения образовательного процесса в современном образовательном учреждении.

По результатам проведенного опроса определено, что лишь 57% студентов-практикантов отмечают доброжелательное отношение старших коллег к ним. При этом 41% респондентов говорят о том, что куратор практики не был мотивирован работать с ними, 48% респондентов ответили, что куратор практики был часто занят и не мог ответить на возникающие вопросы. Вместе с тем только половина (51%) ответила, что за время практики постоянный педагогический коллектив образовательного учреждения казался дружной командой (рисунок 7).

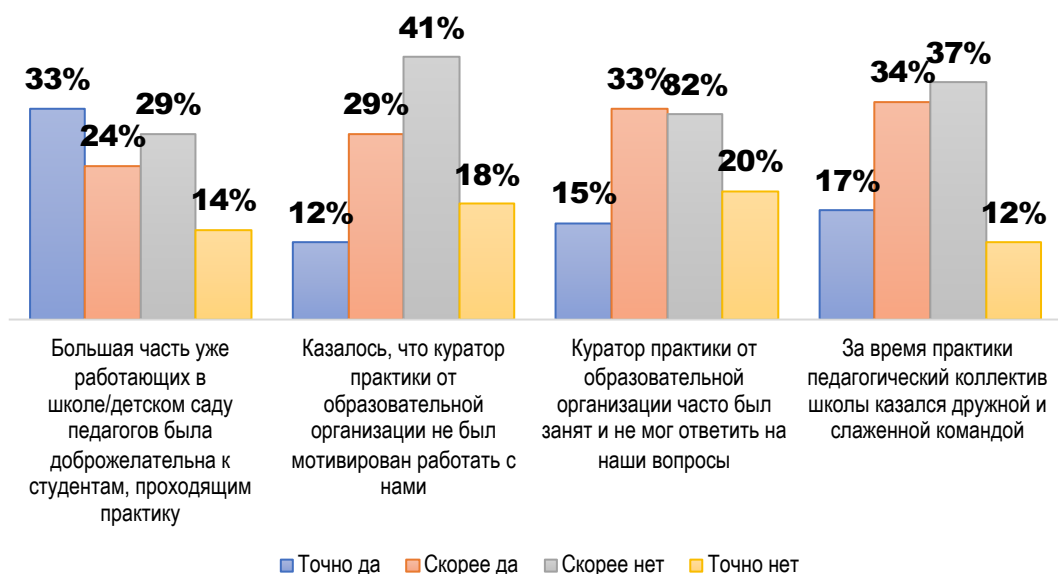

Рисунок 7. Распределение ответов респондентов (обучающихся вузов) об их отношении к суждениям о взаимодействии со старшими коллегами за время прохождения практики.

Источник: составлено автором на основании результатов проведенного исследования.

Более того, 67% студентов-практикантов ответили, что ощущали недоверие со стороны родителей обучающихся, среди будущих учителей школ 44% отмечают, что ощущали неуважительное отношение к себе со стороны обучающихся старших классов. Около 30% респондентов ответили, что поручения и задачи, которые им доводилось выполнять во время прохождения практики были искусственно придуманными и не приносили никакой практической пользы в рамках образовательного процесса, 20% респондентов сообщили о том, что опытные коллеги часто переделывали за ними работу даже при условии своевременного и полного выполнения студентом поставленных требований (рисунок 8).

Рисунок 8. Распределение ответов респондентов (обучающихся вуза) об их отношении к суждениям об особенностях прохождения педагогической практики.

Источник: составлено автором на основании результатов проведенного исследования.

Педагогическая практика в образовательном учреждении имеет высокий потенциал обеспечить становление настоящего профессионала своего дела, приверженного своей специальности. Такой эффект может быть достигнут через обеспечение полной адаптации молодого специалиста к реальным условиям работы, а также трансляцию опыта старших коллег. Отметим, что около 70% студентов-практикантов отмечают, что за время прохождения практики по-настоящему осознали, готовы ли они работать в образовательном учреждении, 63% - готовы ли они работать с детьми. Студенты отмечают, что молодые педагоги, уже работающие в образовательном учреждении, часто делились положительными впечатлениями от работы. Это отметило 59% респондентов. Около 75% респондентов отмечают, что за время педагогической практики замечали положительное отношение детей к старшим коллегам, что придало мотивации идти работать по специальности (рисунок 9).

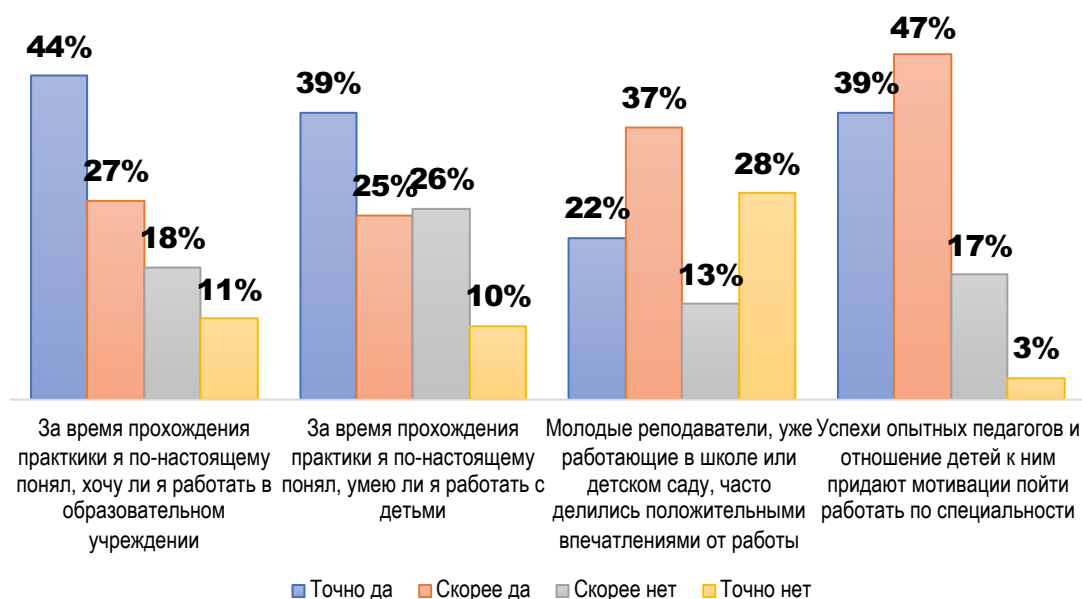

Рисунок 9. Распределение ответов респондентов (обучающихся вузов) об их отношении к суждениям о значимости педагогической практики и опыта коллег.

Источник: составлено автором на основании результатов проведенного исследования.

Отметим, что среди уже работающих педагогов лишь 61% респондентов ответили, что готовы порекомендовать работу в образовательной организации обучающимся педагогических вузов, которые проходят практику под их руководством. При этом только 43% уже работающих педагогов готовы порекомендовать данную профессию собственным детям. Около 85% от опрошенных респондентов планируют работать в школе ближайший год, 71% респондентов утверждают, что точно проработают в образовательной организации ближайшие 3 года (рисунок 10).

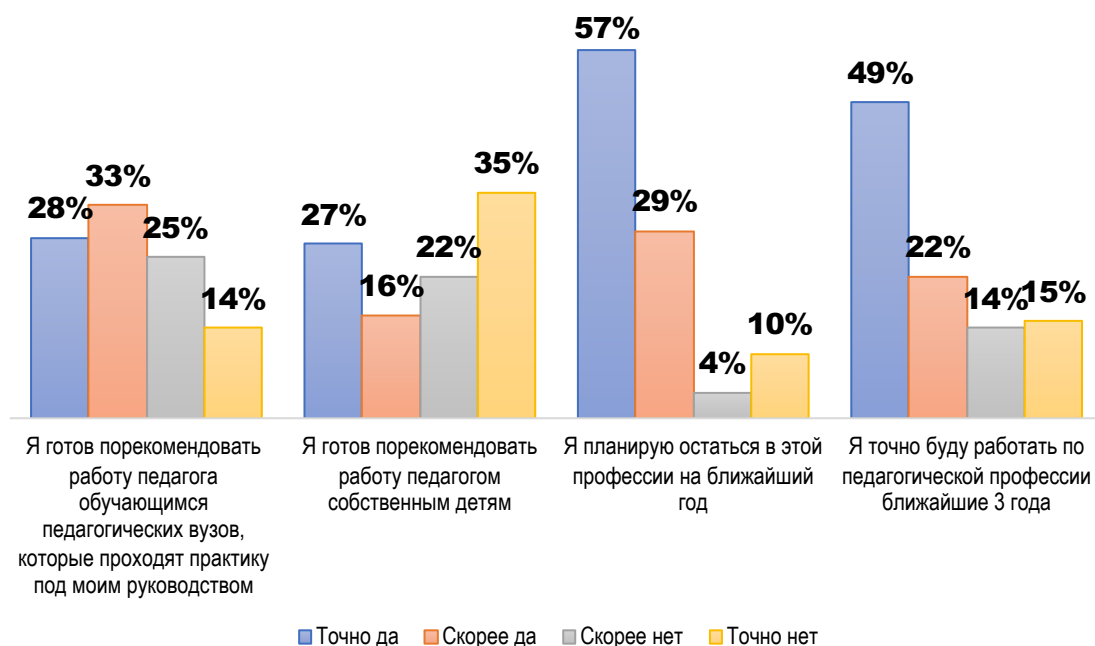

Рисунок 10. Распределение ответов респондентов (среди уже работающих педагогов) об их отношении к суждениям о готовности рекомендовать работу по своей специальности.

Источник: составлено автором на основании результатов проведенного исследования.

На основании полученных эмпирических данных представляется возможным сформировать суждение о наличии неэффективных практик института наставничества в образовательных организациях. Уже работающие педагоги отмечают, что помощь старших коллег помогала им адаптироваться в первые годы работы, вместе с тем опытные педагоги говорят об очевидной необходимости оказывать такую поддержку. На такой тип коммуникации рассчитывают и студенты, которые приходят в образовательные организации именно для апробации своих знаний, усиления навыков и умений, что при регулярном взаимодействии с коллегами позволяет более эффективно формировать профессиональную идентичность молодого педагогического работника. При этом опытный педагог часто формально не мотивирован оказывать помощь, а часть опытных специалистов негативно настроена по отношению и к молодым коллегам, и к своей профессии в целом. Вместе с тем часть молодых педагогов не доверяют компетентности старших коллег. Сложившееся соотношение ответов респондентов указывает на необходимость разработки решений по повышению эффективности взаимодействия исследуемых субъектов.

Вместе с тем необходимо отметить, что в целом для молодого поколения педагогических работников профессия кажется достаточно привлекательной, они также находят в ней положительные стороны и убеждены в эффективности нематериальных стимулов. При этом на этапе вхождения в профессию молодые педагоги часто не получают должного внимания и поддержки, что перефокусирует их взгляд в сторону других профессий, так как для этого в университетах в рамках профильных дисциплин закладывается соответствующий потенциал. Дополнительное влияние оказывает взаимодействие с другими субъектами образовательного процесса – обучающимися и их родителями. На этапе вхождения в профессию не все специалисты готовы к работе с детьми, что формирует негативный опыт, сказывающийся в том числе на принятии решения о выборе профессии, так как в соответствии с ответами респондентов именно на этапе практики многие принимают ключевые решения о своих возможностях и мотивациях. Вместе с тем для родителей обучающихся молодые педагоги также становятся объектом дополнительного внимания, что при недостаточной компетентности студента или молодого педагога приводит к нарастанию напряжения между сторонами, появлению недоверия и конфликтов. В этой связи управленческие решения на основе результатов социологического анализа кадрового капитала системы общего образования Российской Федерации должны строиться с учетом необходимости сближения

интересов субъектов и поиска компромиссов. Для взаимодействия с молодым или будущим педагогом должен подбираться специалист, обладающий прочно сформированной профессиональной идентичностью.

Результаты проведенного исследования демонстрируют потенциал использования социологических инструментов для оценки профессиональной идентичности педагогических кадров системы общего образования. Выявление основных дисфункций процессов взаимодействия субъектов образовательного процесса становится возможным при анализе персонализированных характеристик каждого участника профессиональной интеракции. При этом профессионализация обучающегося педагогической специальности выступает процессом, на который оказывает влияние большое количество факторов, формируемых как в процессе межличностной коммуникации, так и под воздействием условий среды и запросов общества. Выделение основных факторов, лимитирующих эффективность системы взаимодействия субъектов образовательного процесса, также производится при применении инструментов социологии, которые могут быть применены в том числе в рамках лонгитюдных исследований и при отслеживании карьерного пути от обучения в школе к поступлению в университет, далее - к вступлению в профессию.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Амбарова П. А. Вовлечение учащейся молодёжи в движение первых: роль акторов образования / П. А. Амбарова, А. О. Стахеева // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. – 2024. – № 5 (92).
2. Беляева Т. К. Роль педагога-наставника в формировании толерантности у старшеклассников / Т. К. Беляева, Н. Д. Базарнова, А. Г. Пухова // Проблемы современного педагогического образования. – 2023. – № 78-2.
3. Грищенко В. В., Еловская Л. В., Бысь А. О., Тычинина Е. В. Формирование профессиональной идентичности педагогов в условиях внедрения инновационных технологий // Педагогический журнал. 2024. Т. 14. № 7А. С. 240–246.
4. Еремина А. П., Кожина Н. В. Профессиональные ценности педагога в условиях современного образования // Вестник Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы. 2022. №1-3 (62).
5. Зеер Э. Ф. Психология профессионального развития: [монография] / Э. Ф. Зеер. – Москва: Академия, 2007. – 239 с. – ISBN 978-5-7695-3453-8.
6. Коннова М. А. Проблема привлечения кадров в образовательное учреждение / М. А. Коннова // Вестник науки. – 2025. – № 11 (92).
7. Кравцов С. 96 тысяч педагогов нужно заместить до 2030 года [Электронный ресурс] / С. Кравцов // Парламентская газета. – 2025.
8. Кролевецкая Е. Н. Полисубъектность личности будущего педагога как психолого-педагогическое явление / Е. Н. Кролевецкая // Проблемы современного педагогического образования. – 2022. – № 74-3.
9. Крушельницкая О.Б., Кочетков Н.В., Маринова Т.Ю., Орлов В.А., Расходчикова М.Н., Хаймовская Н.А. Личностные факторы профессионального выгорания у школьных учителей // Консультативная психология и психотерапия. – 2024. – Т. 32, № 1. – С. 139–157. – doi:10.17759/cpp.2024320107.
10. Лебедева Ирина Владимировна, Фомина Наталья Вячеславовна Парадигмальность в трактовке исторической миссии учителя // Economic Consultant. 2018. №2 (22).
11. Логинова И.В. Синергетический подход в управлении образовательными системами [Электронный ресурс] // Вестник образования России. – 2023.
12. Надточий Ю. Б. Профессиональное выгорание педагогов: причины и факторы риска / Ю. Б. Надточий // ЧиО. – 2023. – № 3 (76).
13. Ногайлиева Ф. К. Оплата труда учителей в России: постановка проблемы / Ф. К. Ногайлиева, М. В. Филиппова // Ежегодник трудового права. – 2024. – № 14.
14. Образование в цифрах: 2025 : краткий статистический сборник / Т. А. Варламова, Л. М. Гохберг, О. А. Зорина [и др.] ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – Москва: ИСИЭЗ ВШЭ, 2025. – 136 с. – 200 экз. – ISBN 978-5-7598-3040-5 (в обл.). – С. 15, 51–52, 91–92.
15. Разживина Марина Игоревна, Яковлева Наталья Валентиновна профессиональная идентичность педагога. Анализ современных подходов // Прикладная юридическая психология. 2022. №4 (61).
16. Сорокоумова Г. В. Мотивационно-ценностный компонент психологической готовности к реализации себя в профессии педагога-лингвиста / Г. В. Сорокоумова // Проблемы современного педагогического образования. – 2023. – № 80-2.
17. Учителя: престижность, доходность, привлекательность [Электронный ресурс] // Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ), 5 октября 2022 г.

18. Харрасова Г. В. Личность педагога в современном образовательном пространстве / Г. В. Харрасова, Ф. Ф. Гумерова // Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива. – 2023. – № 3 (15).

5.3.3 ПСИХОЛОГИЯ ТРУДА, ИНЖЕНЕРНАЯ ПСИХОЛОГИЯ, КОГНИТИВНАЯ ЭРГНОМИКА

УДК 159.99

ОБ АВТОРАХ:

Буцацкая Марина Викторовна,
кандидат психологических наук, доцент,
заместитель декана факультета общей и
клинической психологии
НОЧУ ВО "Московский институт психоанализа",
Москва, Россия

Капранова Марина Валерьевна,
кандидат психологических наук, доцент, доцент
кафедры психологии и педагогики,
Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего
образования "Российский государственный
гуманитарный университет", Москва, Россия

ABOUT THE AUTHORS:

Buchatskaya Marina V.,
Candidate of Psychological Sciences, Associate
Professor, Deputy Dean of the Faculty of General and
Clinical Psychology,
Moscow Institute of Psychoanalysis, Moscow

Kapranova Marina V.,
PhD in Psychology, Associate Professor, Department
of Psychology and Pedagogy,
Federal state autonomous educational institution of
higher education «Russian state university for the
humanities», Moscow, Russia

Буцацкая М. В., Капранова М.В.

Когнитивные и эмоциональные предикторы профессионального выгорания сотрудников коммерческой сферы с различным стажем работы

В статье представлены результаты исследования взаимосвязи когнитивных искажений, тревожности и профессионального выгорания у сотрудников отдела продаж с различным стажем профессиональной деятельности. Актуальность исследования обусловлена возрастающими требованиями к специалистам сферы продаж, деятельность которых связана с высоким уровнем эмоционального напряжения, необходимостью постоянного взаимодействия с клиентами и достижением количественных показателей эффективности. Теоретический анализ показал, что когнитивные искажения могут выступать значимым фактором формирования эмоционального неблагополучия и профессиональной дезадаптации работников. В исследовании приняли участие 126 сотрудников отделов продаж, разделенных на группы с различным профессиональным стажем. Для диагностики использовались методики оценки когнитивных искажений, тревожности и профессионального выгорания. Выявлены статистически значимые различия между группами по ряду показателей когнитивных искажений и профессионального выгорания. Установлены корреляционные связи между выраженностью когнитивных искажений, уровнем тревожности и компонентами профессионального выгорания.

Ключевые слова: когнитивные искажения, тревожность, профессиональное выгорание, эмоциональное истощение, деперсонализация.

Для цитирования: Буцацкая М. В., Капранова М.В. Когнитивные и эмоциональные предикторы профессионального выгорания сотрудников коммерческой сферы с различным стажем работы // Социально-гуманитарные технологии. 2026. №2 (38). С.80-85.

Buchatskaya M.V., Kapranova M.V.

Cognitive and emotional predictors of professional burnout among commercial employees with various work experience

The article presents the results of a study of the relationship between cognitive distortions, anxiety, and professional burnout among sales department employees with different levels of professional experience. The relevance of the study is due to the increasing demands on sales professionals, who face high levels of emotional stress, constant interaction with customers, and the need to achieve quantitative performance indicators. The theoretical analysis suggests that cognitive distortions can be a significant factor in the development of emotional distress and professional maladjustment among employees. The study involved 126 sales department employees, divided into groups based on their professional experience. Cognitive distortion, anxiety, and professional burnout assessment methods were used for diagnostics. Statistically significant differences were revealed between the groups in a number of indicators of cognitive distortion and professional burnout.

Keywords: cognitive distortions, anxiety, professional burnout, emotional exhaustion, depersonalization.

For citation: Buchatskaya M.V., Kapranova M.V. Cognitive and emotional predictors of professional burnout among commercial employees with various work experience. *Sotsial'no-gumanitarnye tekhnologii*. 2026; 2 (38): 80-85. (In Russ.)

То, что современный профессиональный мир претерпевает глобальные изменения, вряд ли нужно говорить. С массовым внедрением технологий искусственного интеллекта в коммерческую сферу по-новому воспринимаются функции аналитики данных, создания общих отчетов, поддержки коммуникации с потребителем. Однако ни одна подобная технология не способна полностью обеспечить те профессиональные задачи, которые предполагают контекст личного взаимодействия, социальных отношений, решения сложных нестандартных вопросов, в которых человек может повести себя неожиданным образом через снятие внутренних сопротивлений.

Этот контекст зачастую пронизывает всю профессиональную деятельность специалистов коммерческого сектора, особенно сферы продаж, деятельность которых характеризуется высокой интенсивностью межличностного взаимодействия, необходимостью поддержания устойчивой мотивации к достижению результатов, постоянным эмоциональным вовлечением и работой в условиях неопределенности.

Все эти характеристики обуславливают высокую стрессогенность труда. Зависимость результатов деятельности от качества контакта с клиентом, конфликтность профессиональной среды, стимулируемая корпоративной конкуренцией, способствуют развитию эмоционального напряжения и профессиональных деструкций. В этой связи возрастает научный интерес к психологическим механизмам, определяющим особенности адаптации сотрудников к профессиональным нагрузкам.

Одним из таких механизмов являются когнитивные искажения. В современной психологии под когнитивными искажениями понимаются систематические ошибки переработки информации, приводящие к формированию неадекватных представлений о себе, окружающих людях и происходящих событиях. Когнитивные искажения влияют на оценку профессиональных ситуаций, принятие решений, интерпретацию результатов деятельности и характер эмоционального реагирования личности. Дисфункциональные способы интерпретации событий могут способствовать повышению тревожности, снижению стрессоустойчивости и формированию признаков эмоционального выгорания.

На фоне высоких требований к саморегуляции и качеству профессиональных коммуникаций у специалистов сферы продаж эти закономерности представляют особый интерес.

Таким образом, цель настоящего исследования состоит в выявлении взаимосвязи когнитивных искажений, тревожности и профессионального выгорания у сотрудников отдела продаж с различным стажем работы.

Гипотеза исследования заключается в предположении о наличии различий в выраженности когнитивных искажений, тревожности и профессионального выгорания у сотрудников с различным стажем профессиональной деятельности, а также о существовании статистически значимых взаимосвязей между исследуемыми показателями.

Понятие когнитивных искажений занимает важное место в современной когнитивной психологии. Наиболее интенсивное развитие исследований в данной области связано с работами Д. Канемана и А. Тверски, показавших, что процессы принятия решений человеком далеко не всегда соответствуют принципам рациональности [8].

Когнитивные искажения представляют собой устойчивые систематические ошибки мышления, возникающие в результате ограниченности когнитивных ресурсов, влияния эмоциональных факторов и особенностей индивидуального опыта личности. Они позволяют человеку быстро ориентироваться в сложной среде, однако одновременно могут приводить к ошибочным оценкам и дезадаптивным формам поведения.

В рамках когнитивно-поведенческого подхода особое внимание уделяется автоматическим мыслям и дисфункциональным убеждениям, определяющим эмоциональные реакции человека. Согласно А. Беку, когнитивные ошибки лежат в основе формирования тревожных и депрессивных состояний, а также оказывают влияние на социальное функционирование личности [2].

К числу наиболее распространенных когнитивных искажений относятся катастрофизация, свехобобщение, селективное абстрагирование, персонализация, дихотомическое мышление и произвольные умозаключения. Очевидно, что указанные формы искаженного восприятия реальности могут существенно влиять на профессиональную деятельность работников, особенно в условиях высокой ответственности и эмоционального напряжения.

Для сотрудников отдела продаж характерна высокая зависимость профессиональной эффективности от субъективной оценки собственных достижений и неудач. Вследствие этого когнитивные искажения могут выступать важным фактором формирования эмоционального состояния специалиста и его отношения к профессиональной деятельности.

Не менее важным условием, препятствующим успешной реализации профессиональных задач, является тревожность, выступающая и как относительно устойчивая личностная характеристика, и как ситуативное эмоциональное состояние, возникающее в условиях неопределенности и потенциальной угрозы. Уровень тревожности может существенно влиять на работоспособность и поведение людей. Деадаптация и нарушение деятельности могут быть связаны как с чрезмерно высоким, так и с чрезмерно низким уровнями тревожности [6]. Тревожные сотрудники чаще воспринимают рабочие ситуации как потенциально опасные, склонны к негативному прогнозированию событий, демонстрируют повышенную чувствительность к критике и профессиональным неудачам.

Для специалистов по продажам тревожность представляет особую проблему, поскольку их деятельность требует уверенности в себе, способности устанавливать контакты с клиентами и эффективно преодолевать коммуникативные барьеры. Повышенная тревожность может приводить к снижению результативности переговоров, ухудшению качества обслуживания клиентов и формированию эмоционального истощения.

Эмпирические исследования подтверждают наличие тесной связи между тревожностью и когнитивными искажениями. Тревожные люди чаще используют негативные интерпретации происходящих событий, склонны преувеличивать вероятность неблагоприятных исходов и демонстрируют более выраженную тенденцию к катастрофизации.

Тревожность и когнитивные искажения могут рассматриваться в качестве условий для развития синдрома профессионального выгорания при постоянной необходимости эмоционального взаимодействия с клиентами и достижения количественных показателей эффективности. Сочетание этих условий: личностных, профессиональных, организационных, - создают основу для развития симптоматики эмоционального истощения, деперсонализации и редукции достижений [9].

Эмоциональное истощение проявляется в ощущении нехватки эмоциональных ресурсов и хронической усталости. Деперсонализация выражается в формировании негативного отношения к клиентам и коллегам, а также в эмоциональном дистанцировании от профессиональной деятельности. Редукция достижений связана со снижением субъективной оценки собственной компетентности и успешности. Кроме того, выгорание приводит к снижению организационной приверженности, удовлетворенности трудом и профессиональной эффективности.

Разумеется, развитие деструктивных процессов опосредуется рядом дополнительных факторов. К ним относятся специфика организационной культуры компании, система мотивации персонала, стиль руководства, психологическая безопасность в коллективе, а также индивидуально-психологические особенности работников, в том числе копинг-стратегии и навыки самоуправления. Стаж профессиональной деятельности в этой корреляционной плеяде может выступать как один из модераторов этих связей, однако, его влияние не является однозначным.

Для начальных этапов профессионального пути в коммерческой сфере для сотрудников характерны, как правило, проявления высокого уровня мотивации, стремление к профессиональным достижениям, заинтересованность в развитии. Однако в это же время недостаток опыта, неоправданные ожидания, накопление стрессоров приводит к появлению признаков истощения, которые при дефиците ресурсов совладания быстро развиваются в полноценный синдром выгорания.

Логично было бы предположить, что с ростом стажа накапливаются стрессовые ситуации и эмоциональные затраты, которые увеличивают риск развития синдрома выгорания. Однако сотрудники с

большим профессиональным стажем нередко демонстрируют более низкие показатели эмоционального истощения, по сравнению с «новичками». Данный феномен можно объяснить наличием у них эффективных адаптационных стратегий и устойчивой профессиональной компетентности. Опытные сотрудники более осознанно реагируют на эмоциональные ситуации в профессиональной деятельности, рациональнее распределяют рабочую нагрузку, эффективнее используют личные ресурсы. Обоснованно замечание, что существенную роль здесь играет и профессиональный отбор: в продажах остаются те специалисты, которые чувствуют себя комфортно при выполнении соответствующих профессиональных функций.

В эмпирическом исследовании приняли участие 126 человек (сотрудники отделов продаж различных коммерческих организаций), которые были разделены на две группы:

- * первая группа — сотрудники со стажем работы до одного года;

- * вторая группа — сотрудники со стажем работы более пяти лет.

Подобное разделение позволило оценить влияние профессионального опыта на исследуемые показатели и выявить специфику психологического функционирования специалистов на различных этапах профессионального развития.

В работе использовался блок следующих психодиагностических методик:

- * Опросник когнитивных ошибок (А. Фримен, Р. Девольф, 1992; адаптация А.Е. Боброва, Е.В. Файзрахмановой, 2017);

- * Шкала тревоги (Ч.Д. Спилбергер, 1970; адаптация Ю.Л. Ханина, 1976);

- * Методика диагностики профессионального выгорания (К. Маслач, С. Джексон, 1981; адаптация Н.Е. Водопьяновой, 2001).

Статистическая обработка результатов осуществлялась с использованием критерия Манна—Уитни и коэффициента ранговой корреляции Спирмена.

При анализе полученных данных удалось зафиксировать наличие статистически значимых различий между группами сотрудников по ряду исследуемых показателей.

Во-первых, сотрудники со стажем работы до одного года демонстрировали более высокие показатели тревожности. Установлено, что сотрудники со стажем работы до одного года характеризуются более высоким уровнем личностной тревожности ($M = 48,6$; $SD = 8,4$) по сравнению с сотрудниками со стажем более пяти лет ($M = 39,8$; $SD = 7,1$). Различия являются статистически значимыми ($U = 271,5$; $p \leq 0,01$).

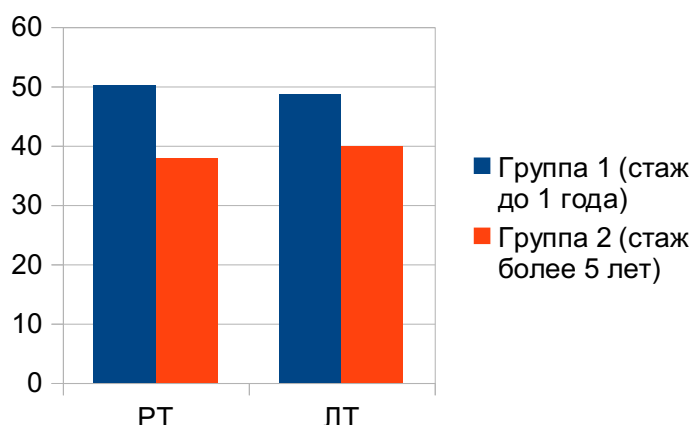

Рисунок 1. Результаты методики Шкала тревоги Ч.Д. Спилбергера, Ю.Л. Ханина по двум группам испытуемых

Интересно то, что у респондентов первой подгруппы личностная тревожность ниже, чем реактивная, а у респондентов второй группу наоборот.

Во-вторых, для сотрудников со стажем работы до одного года характерна большая выраженность отдельных когнитивных искажений, в частности повышенная склонность к негативным интерпретациям профессиональных ситуаций и более выраженное эмоциональное реагирование на профессиональные неудачи.

Таблица 1. Сравнительный анализ показателей опросника когнитивных ошибок (критерий Манна–Уитни)

Показатель	Группа 1 (стаж до 1 года)	Группа 2 (стаж более 5 лет)	P
Персонализация	15	11,3	0,001**
Чтение мыслей	15,5	13	0,005*
Упрямство	13	13,25	0,708
Морализация	12,76	12	0,136
Катастрофизация	17,4	12,8	0,001**
Выученная беспомощность	17,25	20,17	0,001**
Максимализм	14	17,2	0,001**
Преувеличение опасности	21,8	16	0,001**
Гипернормативность	14,2	12,5	0,001**

Наиболее высокие результаты в группе специалистов со стажем до 1 года были обнаружены по шкале «преувеличение опасности», что может быть связано с небольшим опытом работы, а в группе со стажем более 5 лет наиболее высокие показатели по шкале «выученная беспомощность». Это говорит о том, что молодые специалисты будут стараться избегать риска и ответственности в работе, а специалисты со стажем могут обесценивать себя и свои возможности.

У работников с продолжительным стажем наблюдались более устойчивые способы оценки профессиональных событий и меньшая зависимость эмоционального состояния от отдельных неудач. Достоверные различия были выявлены по большинству шкал опросника когнитивных искажений, за исключением шкал «упрямство» и «морализация».

Вместе с тем у части опытных сотрудников выявлены признаки эмоционального истощения, связанные с длительным воздействием профессиональных стрессоров. Анализ профессионального выгорания показал, что уровень эмоционального истощения у сотрудников со стажем более пяти лет оказался выше ($M = 35,2$; $SD = 6,7$), чем у работников со стажем до одного года ($M = 18,7$; $SD = 5,4$), что подтверждает теоретическое утверждение о накопительном характере воздействия профессиональных стрессоров ($U = 305,0$; $p \leq 0,05$).

Корреляционный анализ по коэффициенту Спирмена выявил ряд статистически значимых взаимосвязей.

Показатель катастрофизации положительно коррелирует с уровнем личностной тревожности ($r_s = 0,61$; $p \leq 0,01$), что свидетельствует о связи склонности к преувеличению негативных последствий событий с устойчивой тревожной направленностью личности.

Установлена положительная корреляционная связь между уровнем тревожности и эмоциональным истощением ($r_s = 0,57$; $p \leq 0,01$).

Наиболее сильная взаимосвязь обнаружена между общим индексом когнитивных искажений и показателем эмоционального истощения ($r_s = 0,65$; $p \leq 0,01$). Чем выше была выраженность дисфункциональных способов интерпретации событий, тем чаще респонденты испытывали признаки профессионального выгорания.

Значимые связи обнаружены между показателями профессионального выгорания и уровнем личностной тревожности в группе опытных сотрудников. Личностная тревожность положительно коррелирует с эмоциональным истощением ($r_s=0,496$; $p<0,01$) и деперсонализацией ($r_s=0,599$; $p<0,01$) и отрицательно - с редукцией профессиональных достижений ($r_s=-0,551$; $p<0,01$). Реактивная тревожность при этом не обнаруживает значимых связей ни с одним компонентом выгорания (все $p>0,05$).

То, что в группе опытных сотрудников именно личностная тревожность сопряжена со всеми тремя компонентами выгорания, говорит о том, что по мере накопления стажа тревожность как диспозиция встраивается в хронический паттерн профессионального истощения и цинизма. Ситуативная тревога у опытных сотрудников, напротив, не связана с выгоранием - вероятно, потому что они в целом менее реактивны на отдельные рабочие ситуации, адаптировавшись к ним.

Результаты исследования также подтверждают современные представления о многофакторной природе профессионального выгорания. Наряду с организационными условиями труда существенное влияние на развитие синдрома оказывают индивидуальные особенности когнитивной переработки информации. Полученные данные согласуются с положениями когнитивной теории эмоций, согласно которой эмоциональные реакции человека опосредуются особенностями интерпретации событий.

Обоснованно говорить, что когнитивные искажения выступают одним из значимых психологических механизмов формирования профессионального выгорания у сотрудников отдела продаж. По мере усиления дисфункциональных способов интерпретации профессиональных ситуаций возрастает уровень тревожности, что, в свою очередь, способствует развитию эмоционального истощения и снижению профессиональной эффективности.

Исследование показывает, что профессиональное выгорание сотрудников коммерческой сферы связано не столько с организационными факторами, сколько с когнитивными особенностями сотрудников. Поэтому программы профилактики должны включать не только организационные меры, но и работу с когнитивными установками работников.

Поскольку результаты указывают на более высокую тревожность и большую выраженность отдельных когнитивных искажений у начинающих сотрудников, рекомендуется отдельное внимание уделять функционированию системы наставничества и обратной связи, обеспечивающей снижение эмоционального напряжения и закреплению конструктивных способов профессионального реагирования.

Практически важным является вывод о том, что когнитивные искажения могут выступать ранним предиктором профессионального неблагополучия сотрудников отдела продаж. Их своевременное выявление позволяет организовать профилактические мероприятия, направленные на снижение риска развития эмоционального истощения и профессиональной дезадаптации.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Артемцева Н.Г., Малкина С.А. Когнитивные ошибки созависимых как способ защиты от неопределенности // Вестник Самарского Государственного Технического Университета. Серия «Психолого-педагогические науки». 2022. Т. 19. No 1. С. 153–166.
2. Бек А., Фримен А. Когнитивная психотерапия расстройств личности. – СПб.: Питер, 2019. – 448 с.
3. Бобров, А.Е. Опросник когнитивных ошибок как инструмент оценки компонентов патологической тревоги [Текст] / А.Е.Бобров, Е.В.Файзрахманова // Доктор.Ру. – 2017. – № 8 (137). – С. 59-65.
4. Водопьянова, Н.Е. Синдром выгорания. Диагностика и профилактика [Текст]: практическое пособие / Н.Е.Водопьянова, Е.С.Старченкова. – Москва: Издательство Юрайт, 2023. – 299 с.
5. Зеер Э.Ф. Психология профессионального развития / Э.Ф. Зеер — М.: Академия, 2022.
6. Скрипачева Е.Н., Подунова Т.В. Современные представления о тревоге в работах отечественных и зарубежных психологов Вестник МАСИ No 4 / 2023.
7. Черемискина, И.И. Эмоциональное выгорание у торговых представителей: симптоматическое своеобразие и связь со стилем саморегуляции [Текст] / И.И.Черемискина, О.В.Андреева // Азимут научных исследований: педагогика и психология. – 2024. – Т. 13, № 1 (46). – С. 180-184.
8. Kahneman D. Thinking, fast and slow. London: Penguin Books Ltd., 2011. 512 p.
9. Maslach, C. Job burnout: New directions in research and intervention [Текст] / C.Maslach // Current Directions in Psychological Science. – 2003. – Vol. 12, No. 5. – P. 189-192.

ОБ АВТОРАХ:**Жарких Наталья Григорьевна,**

кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры

ФГБОУ ВО «Орловский государственный университет», Орел, Россия

Костыря Светлана Сергеевна,

доцент, кандидат психологических наук, доцент кафедры философии, политологии, социологии им. Г. С. Арефьевой,

ФГБОУ ВО "Национальный исследовательский университет "МЭИ", Москва, Россия

Островерхова Дарья Алексеевна,

психолог, АНОВО «Московский международный университет», Москва, Россия

ABOUT THE AUTHORS:**Zharkih Natalia G.,**

PhD in Psychology, associate professor, Department of Social Psychology and Acmeology, Oryol State University. I.S. Turgenev, Oryol, Russia

Kostyrya Svetlana S.,

PhD in Psychology, Associate Professor, Department of Philosophy, Political Science, and Sociology named after G. S. Arefyeva, National Research University "Moscow Power Engineering Institute", Moscow, Russia

Ostroverhova Darya A.,

psychologist, Moscow International University, Moscow, Russia

УДК 159.99

Жарких Н.Г., Костыря С.С., Островерхова Д.А.

Психологическое сопровождение военнослужащих по призыву в период адаптации к условиям военной службы

В статье представлены результаты эмпирической апробации комплексной программы психологического сопровождения военнослужащих по призыву в период первичной адаптации к условиям военной службы. Анализируются теоретико-методологические основы понятия адаптации в психологии, а также содержатся теоретическое обоснование проблемы психологического сопровождения военнослужащих по призыву в период адаптации к условиям военной службы. Проведено эмпирическое исследование психологического сопровождения военнослужащих по призыву в период адаптации к условиям военной службы, по результатам которого сделаны выводы о том, что программа психологического сопровождения военнослужащих была высокоэффективна в развитии адаптивности, копинг-стратегий и личностных характеристик призывников.

Ключевые слова: психологическое сопровождение, адаптация военнослужащих, проходящих службу по призыву, адаптационный потенциал личности.

Для цитирования: Жарких Н.Г., Костыря С.С., Островерхова Д.А. Психологическое сопровождение военнослужащих по призыву в период адаптации к условиям военной службы // Социально-гуманитарные технологии. 2026. №2 (38). С. 86-108.

Zharkih N.G., Kostyrya S.S., Ostroverhova D.A.

Psychological support for conscripts during the adaptation period to military service

The article presents the results of the empirical testing of a comprehensive program for psychological support of conscripted military personnel during the initial adaptation to military service. The article analyzes the theoretical and methodological foundations of the concept of adaptation in psychology and provides a theoretical justification for the problem of psychological support for conscripted military personnel during the adaptation period. An empirical study was conducted on the psychological support of conscripted military personnel during the adaptation period to military service, and the results showed that the psychological support program for military personnel was highly effective in developing.

Keywords: psychological support, adaptation of conscripted military personnel, and personal adaptation potential.

For citation: Zharkih N.G., Kostyrya S.S., Ostroverhova D.A. Psychological support for conscripts during the adaptation period to military service. *Sotsial'no-gumanitarnye tekhnologii*. 2026; 2 (38): 86-108. (In Russ.)

Современная практика комплектования Вооруженных Сил Российской Федерации предусматривает обязательную военную службу по призыву, которую проходят большинство юношей в возрасте 18–27 лет. Этот этап характеризуется существенными изменениями жизненного уклада, повышенными физическими нагрузками, жесткими дисциплинарными рамками и спецификой социального окружения. Многие военнослужащие испытывают серьезные трудности, связанные с нарушением

привычных социальных связей, чувством изоляции и тревогой, что снижает качество их адаптации к условиям военной службы.

Социально-политическая актуальность

В условиях современной геополитической напряженности и проведения Специальной военной операции вопросы эффективного комплектования, боевой подготовки и психологической поддержки личного состава Вооруженных сил Российской Федерации приобретают стратегическое значение. Качество психологического сопровождения военнослужащих по призыву непосредственно влияет на боеготовность воинских подразделений, снижение потерь и эффективность выполнения служебно-боевых задач.

Научная актуальность

Несмотря на значительное количество исследований, посвященных проблеме адаптации военнослужащих (работы В.А. Бодрова, А.Г. Маклакова, Ю.Г. Сысоева и др.), остается недостаточно разработана проблема различия между традиционным психологическим обеспечением и целенаправленным психологическим сопровождением новобранцев в период первичной адаптации. В современной военной психологии отсутствуют комплексные программы сопровождения, основанные на системном интегрировании диагностических, профилактических, развивающих и консультационных мероприятий и апробированные в условиях актуальной служебной деятельности.

Практическая актуальность

Существующее психологическое обеспечение, регламентированное нормативными документами Министерства обороны РФ, ограничено в своих возможностях по решению задач оптимизации процесса адаптации новобранцев. Практикующие психологи воинских частей испытывают потребность в научно-обоснованных и практически апробированных программах, позволяющих:

- снижать уровень дезадаптивных проявлений и ситуативной тревожности на начальном этапе службы;
- повышать нервно-психическую устойчивость и коммуникативную компетентность новобранцев;
- оптимизировать процесс социально-психологической интеграции в условиях воинского коллектива;
- предотвращать развитие психосоматических расстройств и преждевременных увольнений по состоянию здоровья.

Методологическая актуальность

Требуется разработка и научное обоснование теоретической модели психологического сопровождения как системы организованных психолого-педагогических воздействий, отличной от стандартного подхода, с подбором и адаптацией валидного инструментария для её оценки в условиях реальной воинской деятельности и доказательством статистической значимости полученных результатов.

Теоретико-методологическую основу исследования составили: взаимодополняющие подходы, разработанные в отечественной и зарубежной психологии адаптации, военной психологии, психологии стресса и психологического консультирования (базовую методологическую основу исследования составляет теория психологической адаптации, в частности концепция адаптационного потенциала личности, разработанная А.Г. Маклаковым и С.В. Чермяниным, которые развивались в контексте отечественной психологической школы через работы Л.С. Выготского и С.Л. Рубинштейна, рассматривавших адаптацию как сложное социально-психическое явление, интегрирующее биологические, психологические и социальные аспекты развития личности; специализированное исследование адаптации в условиях военной службы представлено в работах А.Г. Караяни; психологические последствия стрессовых воздействий разработанные Г. Селье и развитые в работах Р. Лазаруса; применительно к военному контексту, исследования В.А. Бодрова; обоснование нервно-психической устойчивости представлено в работах В.А. Петровского, Е.В. Андриенко и других отечественных исследователей; программа психологического сопровождения была разработана на основе исследований О.И. Москаленко, Е.И. Казакова, М.Р. Битянова.

В отечественной психологической традиции вопросы адаптационных процессов интенсивно разрабатывались выдающимися учеными — Л.С. Выготским, С.Л. Рубинштейном. Впоследствии исследования продолжены в работах В.А. Петровского и Е.В. Андриенко. Наиболее комплексное исследование механизмов адаптации в контексте специализированной деятельности представлено в трудах А.Г. Караяни, который трактует военную адаптацию как динамический многоуровневый процесс личностного приспособления к характерным особенностям военной среды [5, 50].

Процесс психологической адаптации характеризуется активным началом, при котором индивид не только реагирует на внешние изменения, но и целенаправленно развивает способности, компетенции и поведенческие стратегии, необходимые для функционирования в новых условиях. Данный процесс включает несколько взаимодополняющих уровней:

Биологический аспект адаптации предполагает перестройку функциональных систем организма в ответ на новые физические факторы: температурные условия, физические воздействия, режимность суточной активности, пищевые нормы. В военном контексте призывники подвергаются значительным физическим воздействиям, требующим существенной функциональной перестройки организма [6, 156].

Психологический аспект адаптации охватывает процесс привыкания индивида к новому комплексу требований психологического характера: необходимость следовать иерархической структуре организации, отделение от семейных связей, осознание значимости выполнения служебных обязанностей. На этом уровне происходит переоценка ценностных ориентаций, трансформация мотивационной сферы и формирование адекватных психических механизмов для управления стрессовыми воздействиями [10, 45].

Социальный аспект адаптации связан с интеграцией личности в новую социальную группу (воинское подразделение), освоением установленных норм и требований, развитием конструктивных межличностных связей в коллективе. Исследовательские данные подтверждают, что качество социальной интеграции в начальный период службы является значимым предсказателем успешности всего периода адаптации [16, 35-48].

Значимой особенностью процесса психологической адаптации является его индивидуальная вариативность. Процесс адаптации протекает у разных индивидов неравномерно и с различными результатами. Исследование, проведенное Маклаковым А.Г. и Чермяниным С.В. с применением методики МЛО-Адаптивность, позволило выявить три категории по уровню адаптационного потенциала: высокий адаптационный потенциал (20% исследуемой выборки), адаптационный потенциал среднего уровня (36% выборки) и низкий адаптационный потенциал (44% выборки) [9]. Выявленные различия имеют практическое значение при организации мер психологической поддержки в первые месяцы служебной деятельности.

Процесс адаптации к военным условиям обладает отличительными характеристиками, которые отличают его от адаптации к другим видам профессиональной деятельности. Эти отличия обусловлены уникальностью военной среды, образуемой совокупностью факторов, не встречающихся в гражданском секторе [5, 203-215].

Специфические стрессовые факторы в военной среде.

Первый характеризующий фактор связан с экстремальностью условий служебной деятельности. В отличие от большинства гражданских специальностей, военная служба предполагает потенциальную угрозу жизни и здоровью. Даже в условиях отсутствия военных конфликтов военнослужащие проходят боевую подготовку, которая моделирует боевые условия и требует высочайшего уровня психологической готовности. В период реальных военных операций этот фактор становится актуальной угрозой для служащих [3].

Второй специфический фактор заключается в жестких иерархических отношениях в военной организации. В отличие от большинства гражданских организаций, где отношения между руководством и подчинением носят относительно демократичный характер, военная структура требует полного подчинения. Служащий по призыву обязан неукоснительно следовать приказам командования и воинским уставам, что требует переосмысления своего статуса в социальной иерархии и признания роли подчиненного [6, 167].

Третий стрессовый фактор представлен интенсивными физическими и психическими нагрузками, превышающими стандартные уровни. Физическая подготовка в вооруженных силах по объему и интенсивности значительно превосходит физические воздействия в гражданской жизни. Это касается упражнений силовой направленности, марш-бросков, стрелковой подготовки и других видов боевой подготовки. Психические нагрузки включают концентрацию внимания, оперативное принятие решений, постоянное психическое напряжение [10, 289-301].

Четвертый фактор связан с разлукой с семейным окружением и привычной социальной средой. Для большей части молодых людей поступление на военную службу представляет первый продолжительный период отделения от семьи. Такое отделение часто сопровождается тоской по дому, переживанием изоляции, беспокойством о состоянии близких людей. Кроме того, потеря привычного социального окружения требует формирования новых социальных связей [16, 52-63].

Пятый фактор состоит в ограничении личной автономии и свободы деятельности. В военных условиях личная жизнь служащего подчиняется строгому распорядку, все основные временные моменты регламентированы (время пробуждения, приема пищи, занятий, отдыха). Это существенно контрастирует с гражданской жизнью, где индивид имеет большую степень самостоятельности в планировании своего времени [5, 234].

Анализ научной литературы показывает, что адаптация военнослужащих по призыву проходит через отчетливые этапы, каждый из которых характеризуется своими психологическими особенностями и требует дифференцированного подхода к психологической поддержке.

Первый этап — начальная стрессовая реакция (первые 2-3 недели): на этом этапе организм и психика новобранца испытывают интенсивное стрессовое воздействие. Происходит существенное изменение всех сторон жизнедеятельности: новое место проживания, новые люди, новые требования. На психологическом уровне это проявляется в повышенной тревожности, нарушениях сна, расстройствах пищевого поведения. Некоторые новобранцы переживают острые стрессовые реакции, которые обычно разрешаются в течение нескольких суток [6, 178-189].

Исследование Максименковой Л.И. показало, что именно в этот период следует концентрировать психологический контроль, так как риск развития дезадаптивных состояний максимален в первые 14-21 сутки [11, 8-12].

Второй этап — фаза постепенной интеграции (3-8 неделя): По мере снижения выраженности стрессовых симптомов начинается процесс постепенной включенности в воинский коллектив. Новобранцы привыкают к распорядку дня, усваивают требования военной службы, устанавливают первичные контакты с товарищами по службе. На этом этапе особенно значима роль командиров и опытных военнослужащих в процессе социализации. Однако это также период, когда могут проявиться более глубокие психологические проблемы, связанные с личностной несовместимостью с требованиями военной среды [10, 301-315].

Третий этап — фаза стабилизации адаптивных изменений (8-12 неделя и далее): на этом этапе происходит укрепление адаптивных трансформаций. Новобранец, успешно преодолевший первые два этапа, начинает ощущать себя членом воинского коллектива. Формируются стойкие стратегии управления стрессовыми факторами, межличностные отношения становятся более конструктивными, возрастает уверенность в собственных способностях к выполнению служебных задач [16, 75-89].

Необходимо подчеркнуть, что представленная этапность отражает общую тенденцию, однако отдельные индивиды могут проходить через эти этапы с различной скоростью. Некоторые военнослужащие демонстрируют ускоренное прохождение адаптационного процесса, тогда как другие требуют значительно больше времени для полной адаптации [6, 245-267].

Психологическими предпосылками успешной адаптации является адаптационный потенциал личности.

Понимание того, какие личностные качества способствуют успешной адаптации к военной среде, имеет существенное значение как для подбора кадров, так и для организации мер психологической поддержки в период начальной адаптации.

В отечественной психологической науке наиболее развернутый подход к оценке адаптационного потенциала представлен в работах Маклакова А.Г. и Чермянина С.В., разработавших методику МЛО-Адаптивность (Многоуровневый личностный опросник). Авторы выделяют четыре основных компонента адаптационного потенциала [9].

Адаптационные способности отражают общую способность индивида приспосабливаться к новым условиям окружающей среды. Они включают гибкость поведенческих реакций, способность к переосмыслению ситуации, готовность модифицировать свои подходы в зависимости от требований среды. Военнослужащие с высокими показателями по этой шкале демонстрируют более быструю адаптацию к условиям служебной деятельности.

Моральная нормативность отражает степень принятия индивидом социально установленных норм и правил. Высокие показатели указывают на то, что человек разделяет основные ценности воинского коллектива и готов соблюдать воинские уставы и приказы. Это особенно важно в военной среде, где дисциплина и подчинение являются абсолютно необходимыми условиями функционирования.

Коммуникативные способности определяют способность устанавливать и сохранять продуктивные межличностные отношения. В воинском коллективе способность к эффективному общению напрямую влияет на возможность получения социальной поддержки от товарищей и командиров, что является важным фактором защиты от стрессовых воздействий.

Нервно-психическая устойчивость представляет собой интегральную характеристику, отражающую способность нервной системы противостоять воздействию стрессовых факторов. Военнослужащие с высокой нервно-психической устойчивостью лучше переносят психические и физические нагрузки и быстрее восстанавливаются после стрессовых ситуаций.

На основе результатов применения методики МЛО-Адаптивность возможно выделение трех групп военнослужащих по уровню адаптационного потенциала:

Высокий уровень адаптационного потенциала (баллы 1-32) составляет около 20% выборки и демонстрирует успешную адаптацию в 90-95% случаев;

Средний уровень адаптационного потенциала (баллы 33-50) составляет около 36% выборки и требует определенной степени психологической поддержки;

Низкий уровень адаптационного потенциала (баллы свыше 50) составляет около 44% выборки и требует интенсивного психологического вмешательства [9, 106-143].

Важно отметить, что адаптационный потенциал не является фиксированной и неизменной характеристикой личности. Современные исследования демонстрируют, что при надлежащей организации психологической поддержки и применении научно обоснованных методов психологического вмешательства военнослужащие с низким и средним адаптационным потенциалом способны существенно улучшить свои показатели [10, 15-25].

Важным развитием учения об адаптационном потенциале является концепция резильентности (жизнестойкости), которая в последние десятилетия привлекает все большее внимание исследователей в области психологии преодоления стресса. Резильентность определяется как способность успешно адаптироваться к неблагоприятным условиям, вырабатывать эффективные стратегии преодоления трудностей и сохранять психологическое благополучие несмотря на стрессовые факторы [4, 35-48].

Современный подход к рассмотрению резильентности, предложенный Д.А. Леонтьевым и Е.И. Рассказовой, выделяет три основных компонента [8, 24-46].

Включенность означает ощущение связанности с значимой социальной группой и убеждение в том, что участие в жизни этой группы имеет смысл. В военном контексте это предполагает принятие служащим своей роли в составе подразделения и ощущение причастности к выполнению воинского долга.

Контроль отражает убеждение в возможности влияния на события собственной жизни путем собственных действий. Военнослужащие с высоким уровнем ощущения контроля проявляют большую активность в поиске решений, более стойко переносят трудности и быстрее адаптируются.

Вызов представляет восприятие возникающих трудностей как возможностей для развития, а не как непреодолимых препятствий. Это восприятие способствует более активному преодолению стрессовых факторов и формированию адаптивных стратегий.

Теория резильентности имеет практическую значимость для разработки программ психологической поддержки, так как указывает на возможность развития компонентов резильентности для улучшения адаптационных способностей военнослужащих [4, 45-67].

В рамках данной темы целесообразно, также, рассмотреть и теории стресса в контексте военной психологии.

В современной психологической науке стресс рассматривается как состояние организма, возникающее в ответ на воздействие неблагоприятных факторов, требующих перестройки функциональных систем. В военной среде стресс может рассматриваться как ожидаемая реакция на экстремальные условия деятельности и в умеренной степени как адаптивный процесс, способствующий мобилизации ресурсов организма [5, 287-301].

Однако чрезмерная интенсивность или хроническое воздействие стрессовых факторов может привести к нарушению адаптивных механизмов и развитию патологических состояний. В контексте адаптации новобранцев исследователи выделяют несколько категорий стрессовых факторов:

Первичные стресс-факторы непосредственно связаны с боевой подготовкой: физические и психические нагрузки, потенциальная опасность, неопределенность ситуации, необходимость быстрого принятия решений.

Вторичные стресс-факторы связаны с условиями военной жизни: разлука с семейным окружением, ограничение личной свободы, иерархическая система отношений, неудовлетворение базовых потребностей в комфорте и личном пространстве.

Третичные стресс-факторы относятся к внутренним конфликтам личности: конфликты между новой социальной ролью и личностной идентичностью, неопределенность в отношении смысла служебной деятельности, ощущение непостижимости происходящих изменений [6, 189-203].

Применение классической модели адаптационного синдрома Г. Селье к военному контексту показывает, что процесс адаптации проходит три последовательных фазы.

На фазе мобилизации организм активизирует свои ресурсы в ответ на стрессовое воздействие. На психологическом уровне это проявляется в повышенной тревожности, нарушениях сна, затруднениях концентрации внимания.

На фазе сопротивления организм начинает активно противостоять стрессору, вырабатываются адаптивные механизмы. На психологическом уровне это может проявляться в улучшении сна, снижении тревожности, формировании стратегий управления стрессом.

На фазе истощения, если стресс продолжается на высоком уровне без получения адекватной поддержки, происходит истощение адаптивных ресурсов, что может привести к развитию психосоматических нарушений и психических расстройств [10, 105-127].

Для целей психологической поддержки новобранцев критически важно понимание того, что психологическое вмешательство наиболее результативно именно на первых двух фазах, когда адаптивные ресурсы еще сохранены и психика остается чувствительной к психологическим методам вмешательства [6, 211-225].

Несмотря на адаптивную природу стресса, у определенной части новобранцев стрессовые воздействия могут приводить к развитию расстройств адаптации — психических состояний, требующих клинической диагностики и специализированного вмешательства.

Диагностические критерии расстройств адаптации (МКБ-10).

Расстройство адаптации определяется в международных диагностических классификациях как развитие эмоциональных и поведенческих симптомов в ответ на выявленный психосоциальный стрессор. Согласно МКБ-10 (код F43.2 "Расстройство приспособительных реакций"), для диагностики расстройства адаптации необходимо наличие следующих критериев:

1. Наличие выраженного эмоционального или поведенческого нарушения, которое развилось в течение одного месяца после воздействия на индивида одного или более выраженных стрессовых факторов.

2. Проявление состояния субъективного дистресса и эмоционального расстройства, препятствующих социальному функционированию и продуктивности.

3. Расстройство не является проявлением другого первичного психического расстройства и не соответствует нормальному ответу на стресс.

4. Продолжительность симптоматики обычно не превышает 6 месяцев, за исключением пролонгированной депрессивной реакции (код F43.21).

Важно отметить, что МКБ-10 четко разграничивает расстройство адаптации от нормальных адаптивных реакций, требуя наличия явного нарушения функционирования. Это различие имеет практическое значение при определении необходимости клинического вмешательства.

В военной среде расстройства адаптации проявляются с определенными особенностями. Наиболее часто встречаются следующие варианты:

Адаптивное расстройство с преобладанием депрессивных проявлений характеризуется снижением настроения, переживанием безнадежности, потерей интереса к деятельности. Новобранцы с этим расстройством могут проявлять социальную отстраненность, отказываться от участия в жизни коллектива, испытывать затруднения с выполнением служебных обязанностей [12, 12-25].

Адаптивное расстройство с преобладанием тревожных проявлений характеризуется выраженной тревожностью, беспокойством, напряженностью. Такие военнослужащие часто переживают страхи (перед физическими нагрузками, перед боевыми ситуациями), испытывают повышенную бдительность и нарушения сна [15, 8-15].

Адаптивное расстройство со смешанной симптоматикой сочетает элементы депрессии и тревоги с поведенческими нарушениями. Военнослужащие могут проявлять агрессивность, нарушение дисциплины, рискованное поведение, не характерное для их поведения в гражданской жизни.

Исследование Капитанаки В.Е., выполненное на базе научного учреждения в области экстренной медицины, выявило, что среди призывников с расстройствами адаптации наиболее значимыми предикторами развития этих состояний являются: низкий уровень образования, наличие семейных конфликтов, преморбидные черты личности (выраженная невротичность, импульсивность), отсутствие поддерживающей семейной системы [3, 45-89].

В связи с рассмотренными особенностями адаптации военнослужащих, проходящих службу по призыву - была разработана программа психологического сопровождения в период адаптации к военной службе. В контексте военной службы психологическое сопровождение представляет собой целенаправленную деятельность военных психологов, ориентированную на обеспечение психического здоровья и адаптации военнослужащих, а также на повышение боевой готовности военных подразделений [5, 401-425].

Основные принципы психологического сопровождения в военной среде:

Принцип своевременности предполагает, что психологическое вмешательство должно инициироваться как можно раньше, в момент выявления признаков дезадаптации. Исследовательские данные показывают, что вмешательство в первые две недели после появления признаков дезадаптации имеет существенно большую эффективность, чем отсроченная помощь [11, 8-15].

Принцип комплексности указывает на необходимость применения различных методов и подходов в зависимости от конкретных потребностей служащего. Психологическое сопровождение может включать индивидуальные консультации, групповые программы, информационное обучение, фармакологическую поддержку в необходимых случаях [5, 435-450].

Принцип позитивной ориентированности предполагает акцентирование на развитии психологических ресурсов и позитивных качеств личности, а не только на коррекции негативных проявлений. Это соответствует современному направлению позитивной психологии [8, 32-48].

Принцип интегрированности означает, что психологическое сопровождение должно быть встроено в систему воинской подготовки и жизнедеятельности подразделения, а не представлять собой отдельную деятельность, изолированную от основной деятельности [6, 501-515].

Принцип этической ответственности требует соблюдения конфиденциальности, получения информированного согласия, предотвращения дискриминации и обеспечения уважения к личности военнослужащих [1, 25-35].

Основные функции психологического сопровождения.

Научная литература выделяет несколько основных функций психологического сопровождения военнослужащих [8, 451-475]:

Диагностическая функция заключается в выявлении психологических проблем, оценке адаптационного потенциала, определении групп риска по развитию психических нарушений.

Консультативная функция предполагает оказание индивидуальной помощи в решении психологических проблем и развитии адаптивных стратегий преодоления стресса.

Коррекционная функция направлена на коррекцию имеющихся психологических проблем с использованием научно обоснованных методов психотерапии.

Развивающая функция предусматривает целенаправленное развитие психологических качеств, способствующих успешной адаптации: жизнестойкости, стрессоустойчивости, социальной компетентности.

Профилактическая функция направлена на предотвращение развития психических расстройств посредством проведения информационных программ и развития психологических ресурсов.

Реабилитационная функция предполагает оказание помощи в восстановлении психического здоровья в случаях развития психических нарушений, связанных со стрессом или дезадаптацией.

В последние два десятилетия в военной психологии произошел значительный сдвиг в направлении применения научно обоснованных методов психотерапевтического вмешательства. Научно обоснованный подход предполагает использование методов, эффективность которых подтверждена результатами качественных научных исследований с применением надлежащих методологических процедур.

Когнитивно-бихевиоральная терапия (КБТ) является одним из наиболее изученных и доказанных методов психотерапии в современной психологической науке. КБТ основана на положении, что психологические проблемы берут начало в дисфункциональных когнитивных паттернах и связанном с ними проблемном поведении [7, 1-20].

В контексте адаптации новобранцев КБТ может быть применена следующим образом. Многие трудности адаптации связаны с негативными автоматическими мыслями типа "я не смогу справиться", "в коллектив меня не примут", "я недостаточно подготовлен для этой деятельности". Эти мысли часто не соответствуют действительности, но становятся источником тревоги, сниженного настроения и поведенческих проблем. Через когнитивно-бихевиоральное вмешательство клиент учится распознавать эти негативные мысли, проверять их соответствие реальности, заменять их более конструктивными способами мышления [7, 25-45].

Исследовательские данные показывают, что КБТ демонстрирует высокую эффективность при работе с расстройствами адаптации: в 70-74% случаев применение КБТ приводит к положительным изменениям в поведении и снижению психических симптомов [7, 1-18].

Информационные программы.

Психологическое просвещение представляет собой предоставление информации о психологических процессах, норме и патологии, признаках нарушений и доступных ресурсах помощи. В контексте адаптации новобранцев информационное обучение выполняет несколько важных функций [13, 1-15].

Во-первых, оно нормализует психологические реакции на стресс, демонстрируя, что переживаемые новобранцами тревога, нарушения сна и другие стрессовые проявления являются ожидаемыми реакциями на экстремальные условия, а не признаками слабости или психического заболевания.

Во-вторых, оно предоставляет информацию о стрессовых факторах и механизмах их влияния на организм, что помогает военнослужащим лучше разбираться в происходящих изменениях.

В-третьих, оно обучает практическим методам управления стрессом: техники контроля дыхания, релаксационные процедуры, когнитивные переформулировки негативных мыслей.

Исследовательские данные показывают, что своевременное применение информационных программ (в первые 2-4 недели адаптации) снижает уровень стресса на 20-30%, способствуя более успешной адаптации [14, 1-25].

Вмешательства, ориентированные на развитие резильентности.

Современный подход к психологической поддержке все больше акцентируется на развитии резильентности (жизнестойкости) как методе профилактики психических расстройств и повышения адаптационного потенциала. Программы развития резильентности нацелены на развитие следующих компонентов [18, 1-35]:

Расширение социальной поддержки посредством обучения навыкам построения позитивных отношений с сослуживцами и получения эмоциональной поддержки.

Развитие практических компетенций преодоления стресса — обучение конкретным техникам регулирования эмоций и поведения в стрессовых ситуациях.

Формирование позитивного мышления — изменение когнитивных паттернов в направлении более конструктивного восприятия ситуаций и оценки собственных возможностей.

Развитие самосознания — повышение осознания собственных эмоциональных состояний, потребностей, сильных и слабых сторон.

Формирование смысловой основы деятельности — помощь в нахождении смысла в выполняемой деятельности и преодолении трудностей.

Исследовательские программы показывают, что комплексные программы развития резильентности приводят к улучшению показателей психического здоровья на 25-35% в течение 8-12 недель [18, 20-35].

Групповые методы и структурированное обсуждение критических инцидентов.

Групповые методы психологической работы с военнослужащими играют значительную роль, особенно в контексте развития групповой сплоченности и социальной поддержки. Одним из наиболее распространенных групповых методов в военной психологии является структурированное групповое обсуждение критических инцидентов [17, 1-30].

Такое обсуждение представляет собой структурированный групповой процесс анализа стрессового события или критического инцидента с целью: (1) содействия нормальному восстановлению после критического события, (2) выявления лиц, требующих индивидуального профессионального вмешательства, (3) снижения негативного воздействия критического события на психику участников [17, 12-25].

Помимо структурированного обсуждения, значительную роль в психологической поддержке новобранцев играют групповые тренинги, направленные на развитие компонентов жизнестойкости, обучение навыкам преодоления стресса, развитие групповой сплоченности и лидерских компетенций [2, 1-40].

Для подготовки и реализации пилотного исследования предварительно сформулированы следующие выводы:

1. Адаптация к военной службе представляет собой сложный многоуровневый процесс, включающий биологическую, психологическую и социальную адаптацию, и проходит характерные этапы в первые три месяца.

2. Адаптационный потенциал личности в значительной степени определяется факторами нервно-психической устойчивости, коммуникативных способностей, жизнестойкости и соответствия моральным нормам, которые могут быть оценены с помощью валидизированных методик.

3. Стресс в военной среде представляет собой ожидаемую реакцию на экстремальные условия, однако при чрезмерной интенсивности может приводить к развитию расстройств адаптации, требующих клинического вмешательства.

4. Расстройства адаптации в военной среде имеют определенные особенности клинических проявлений и диагностируются в соответствии с критериями МКБ-10 (код F43.2).

5. Психологическое сопровождение в военной среде должно быть основано на научно обоснованных методах, включать систематическую диагностику, информационное обучение, индивидуальную и групповую психотерапию, а также быть встроено в систему подготовки военнослужащих.

6. Современные научно обоснованные методы, включая когнитивно-бихевиоральную терапию, программы развития резильентности и групповые методы, демонстрируют высокую эффективность при применении в период первичной адаптации.

Таким образом, теоретический анализ подтверждает важность и необходимость применения в военной психологии не только мероприятий по психологическому обеспечению, но и развития системы психологического сопровождения военнослужащих по призыву на начальном этапе адаптации как в целях повышения боевой готовности, так и в целях сохранения и укрепления психического здоровья военных кадров.

Целью пилотного исследования была разработка, научное обоснование и эмпирическая апробация программы психологического сопровождения военнослужащих по призыву в период первичной адаптации к условиям военной службы, а также доказательство её эффективности в повышении уровня адаптивности и нервно-психической устойчивости по сравнению с традиционным психологическим обеспечением.

Методический компонент - разработка и описание программы психологического сопровождения, включающую диагностические, профилактические, развивающие и консультационные мероприятия; отбор инструментария психодиагностики для оценки её эффективности.

Эмпирический компонент - проведение контролируемого сравнительного исследования с экспериментальной группой (получающей психологическое сопровождение) и контрольной группой (получающей установленное регламентирующими приказами психологическое обеспечение); статистическое подтверждение различия в показателях адаптивности между группами.

Практический компонент - разработка рекомендаций по внедрению программы в практику работы психологических служб воинских частей.

Основная гипотеза исследования: внедрение комплексной программы психологического сопровождения военнослужащих по призыву, основанной на системе диагностических, профилактических, коррекционных и консультационных мероприятий, позволит оптимизировать процесс их первичной адаптации к условиям военной службы более эффективно, чем регламентированное на данный момент в Министерстве Обороны психологическое обеспечение.

Частные гипотезы:

1. Применение программы сопровождения приведет к статистически значимому повышению показателей личностного адаптационного потенциала и нервно-психической устойчивости у военнослужащих экспериментальной группы по сравнению с контрольной.

2. В экспериментальной группе будет наблюдаться более выраженное снижение уровня ситуативной тревожности и дезадаптивных проявлений к концу периода первичной адаптации, чем в группе, получающей стандартное психологическое обеспечение.

В качестве методов исследования были выбраны следующие:

Эмпирические (опросные методы):

1. Социально-психологическая анкета военнослужащих по призыву, разработанная Департаментом психологической работы Министерства Обороны Российской Федерации;

2. Многоуровневый личностный опросник "Адаптивность" (А. Маклаков, С. Чермянин);

3. Методики оценки и определения актуального психического состояния Л. Куликова, Актуальное состояние;

4. Личностный профиль (Г. Айзенк /К. Сугоняев). Версия IV.2010 г.;

5. Оценка стратегии преодолевающего поведения (coping) в стрессовых ситуациях. Методика "Модели преодолевающего поведения" (опросник SACS С. Хобфолла в адаптации Н. Водопьяновой).

Выборка исследования: 60 мужчин, военнослужащих по призыву, которые прибыли в войсковую часть для прохождения срочной службы в период осенней призывной кампании в 2025 году (возраст 18-26 лет).

Исследование проводилось на базе воинской части. Общий объем выборки составил 60 человек. В исследовании приняли участие военнослужащие мужского пола, проходящие военную службу по призыву.

Критерии включения респондентов в выборку:

1. **Статус:** военнослужащие по призыву (рядовой состав).
2. **Срок службы:** период первичной адаптации (1–3 дня с момента прибытия в воинскую часть).
3. **Возраст:** от 18 до 27 лет.
4. **Категория годности к военной службе:** «А» (годен) или «Б» (годен с незначительными ограничениями).

Формирование групп. Для реализации целей формирующего эксперимента методом случайного отбора (или методом отбора учебных подразделений/взводов) выборка была разделена на две независимые группы:

1. **Экспериментальная группа — 30 человек.** Военнослужащие данного подразделения принимали участие в разработанной программе психологического сопровождения.

2. **Контрольная группа — 30 человек.** С военнослужащими данного подразделения проводились мероприятия в рамках традиционного (регламентированного документами) психологического обеспечения.

Методы математической статистики: описательная статистика, критерий Колмогорова-Смирнова для проверки нормальности распределения, U-критерий Манна-Уитни для сравнения независимых выборок, T-критерий Вилкоксона для анализа парных наблюдений (до и после), коэффициент ранговой корреляции Спирмена для выявления взаимосвязей между переменными. Уровень статистической значимости.

На данный момент в Министерстве обороны РФ не существует как таковой программы психологического сопровождения и все виды психологических мероприятий и воздействий больше подходят под определение психологического обеспечения, так как фокус внимания специалистов идёт исключительно на результат деятельности и не учитывает личностные особенности военнослужащих. Наша программа сопровождения включает в себя полноценный комплекс более эффективных методов психодиагностики, первичную психологическую стабилизацию, развитие адаптивных стратегий совладания и социальной интеграции, а также консолидацию результатов и профилактику срывов в период адаптации к условиям военной службы и позволяет военнослужащим более качественно выполнять боевые задачи на протяжении оставшегося срока службы, в то время как установленные на данный момент мероприятия по психологической работе дают поверхностный результат и не фокусируются ни на личности военнослужащего, ни на важности процессов адаптации во время прохождения службы по призыву. Программа психологического сопровождения в общем виде представлена в **Приложении** к статье.

Результаты анализируются в соответствии с целями и задачами исследования, а также с установленным уровнем статистической значимости $\alpha = 0,05$.

Исследование включало четыре этапа анализа:

Оценка исходной сопоставимости групп - проверка однородности экспериментальной и контрольной групп на констатирующем этапе;

Анализ динамики показателей - выявление изменений внутри групп с использованием T-критерия Вилкоксона и парного t-критерия Стьюдента;

Анализ корреляционных связей - исследование структуры взаимосвязей между показателями до и после программы;

Интегративный анализ эффектов - синтез результатов для формулирования выводов о эффективности программы.

Исходная сопоставимость групп (констатирующий этап).

Сравнение экспериментальной и контрольной групп

На начальном этапе исследования была проведена проверка сопоставимости экспериментальной (ЭГ, $n = 30$) и контрольной (КГ, $n = 30$) групп по всем измеряемым показателям. Использовался независимый t-критерий Стьюдента при $\alpha = 0,05$.

Таблица 1. Результаты анализа сопоставимости групп

Методика	Показатель	t- статистика	p-value	Вывод
МЛО-АМ	Физическая адаптивность	1.096	0.277	Ns
	Социальная адаптивность	-0.438	0.675	Ns
	Нервно-психическая устойчивость	-0.458	0.649	Ns
	Конфликтность	-0.363	0.718	Ns
	Эмоциональная лабильность	0.452	0.653	Ns
	Личностная адаптация	0.401	0.690	Ns
Актуальное состояние	Активация	0.327	0.745	Ns
	Тонус	-0.128	0.899	Ns
	Физическое самочувствие	-1.218	0.228	Ns
	Спокойствие	-0.139	0.890	Ns
Копинг-стратегии	Релаксация	-1.796	0.078†	Тенденция
	Конфронтационный копинг	-1.236	0.222	Ns
	Дистанцирование	0.607	0.546	Ns
	Самоконтроль	-0.725	0.471	Ns
	Поиск социальной поддержки	0.057	0.955	Ns
	Принятие ответственности	-0.293	0.771	Ns
	Избегание	-0.586	0.560	Ns
	Планомерное решение проблем	-0.923	0.360	Ns
	Положительная переоценка	1.499	0.139	Ns

Примечание: ns — не значимо; * — $p < 0,05$; † — тенденция ($0,05 < p < 0,10$)

Интерпретация результатов сопоставимости: Анализ показал, что на констатирующем этапе экспериментальная и контрольная группы были статистически сопоставимы по подавляющему большинству показателей. Из всех 33 измеряемых параметров только 1 показатель продемонстрировал различия ($p < 0,10$): тенденция по показателю Релаксация ($p = 0,078$, †).

Такой уровень сопоставимости (97% показателей без различий) свидетельствует о качественном проведении процедуры рандомизации и подтверждает корректность экспериментального дизайна. Это означает, что выявленные после внедрения программы различия между группами могут быть интерпретированы как результат действия экспериментального фактора (программы психологического сопровождения), а не следствие исходных различий между участниками.

Динамика показателей в экспериментальной группе.

Анализ изменений показателей адаптивности (МЛО-АМ).

Для оценки динамики показателей адаптивности использовался Т-критерий Вилкоксона (непараметрический) и парный t-критерий Стьюдента (параметрический) с целью выявления сдвига показателей в парных наблюдениях (измерения одной и той же группы в два момента времени).

Таблица 2. Результаты анализа адаптивности (МЛО-АМ Маклакова)

Показатель	До программы М ± σ	После программы М ± σ	t	p	Cohen's d
Физическая адаптивность	17.63 ± 3.21	23.47 ± 2.89	-6.236	0.000001***	1.890
Социальная адаптивность	18.40 ± 3.08	26.93 ± 2.45	-7.664	< 0.000001***	2.980
Нервно-психическая устойчивость	16.70 ± 3.54	23.13 ± 3.15	-5.422	0.000008***	1.818
Конфликтность	16.90 ± 3.42	23.27 ± 2.98	-5.713	0.000004***	1.955
Эмоциональная лабильность	17.27 ± 3.65	23.20 ± 3.08	-4.985	0.000026***	1.656
Личностная адаптация	15.47 ± 3.89	19.67 ± 3.45	-3.815	0.000660***	1.122
Интегральная адаптивность	102.37 ± 15.24	139.67 ± 12.13	-9.234	< 0.000001***	2.534

Примечание: *** — $p < 0,001$ (высокозначимо); М — среднее арифметическое; σ — стандартное отклонение; Cohen's d — размер эффекта

Интерпретация результатов МЛО-АМ: Результаты анализа выявили высокозначимые улучшения ($p < 0,001$) по всем компонентам адаптивности в экспериментальной группе.

Максимальный эффект наблюдался по показателю Социальная адаптивность ($p < 0,000001$, Cohen's d = 2.980), что указывает на наиболее значительное развитие именно способности участников адаптироваться к социальной среде. Прирост среднего значения составил 46,2% (с 18,40 до 26,93).

Физическая адаптивность также продемонстрировала выраженное улучшение ($p = 0,000001$, Cohen's d = 1.890), что свидетельствует о повышении общего психофизического состояния. Увеличение составило 33,1%.

Нервно-психическая устойчивость значимо возросла ($p = 0,000008$, Cohen's d = 1.818), указывая на развитие способности сохранять психическое здоровье. Прирост — 38,7%.

Конфликтность как показатель личностной враждебности значимо снизилась ($p = 0,000004$, Cohen's d = 1.955), что означает уменьшение конфликтного взаимодействия.

Эмоциональная лабильность значимо снизилась ($p = 0,000026$, Cohen's d = 1.656), демонстрируя усиление эмоциональной стабильности.

Интегральная адаптивность возросла на 36,5%, что свидетельствует об общем комплексном улучшении адаптационных возможностей личности.

Все эффекты в МЛО-АМ имеют статистическую значимость $p < 0,001$, что соответствует максимальному уровню надежности полученных результатов. Вероятность ошибки первого рода в каждом случае менее 0,1%.

Рисунок 1. Динамика показателей в экспериментальной группе

Анализ копинг-стратегий

Таблица 3. Результаты анализа копинг-стратегий

Копинг-стратегия	До программы $M \pm \sigma$	После программы $M \pm \sigma$	T	p	Cohen's d
Конфронтационный копинг	42.63 ± 7.24	56.87 ± 6.15	-6.517	< 0.000001***	2.034
Дистанцирование	39.80 ± 6.89	47.93 ± 5.47	-3.687	0.000930***	1.238
Самоконтроль	41.27 ± 7.12	56.13 ± 5.89	-5.983	0.000002***	2.068
Поиск социальной поддержки	40.13 ± 8.01	52.47 ± 6.24	-4.112	0.000295***	1.632
Принятие ответственности	38.47 ± 7.58	54.60 ± 6.43	-5.954	0.000002***	2.215
Избегание	41.93 ± 7.45	59.20 ± 5.12	-6.873	< 0.000001***	2.449
Планомерное решение проблем	43.27 ± 6.98	60.87 ± 5.34	-6.362	0.000001***	2.589
Положительная переоценка	40.80 ± 7.34	56.93 ± 6.12	-4.869	0.000037***	2.239

Интерпретация результатов копинг-стратегий: Анализ показал 100% значимое улучшение по всем восьми копинг-стратегиям ($p < 0,001$ для каждой), что представляет собой исключительный результат и свидетельствует о комплексном развитии способности справляться со стрессом.

Максимальные эффекты (Cohen's $d > 2,4$) наблюдаются по стратегиям Планомерное решение проблем ($d = 2.589$, прирост 40,8%) и Избегание ($d = 2.449$, прирост 41,1%).

Стратегия Дистанцирование показала наименьший (но все еще значительный) эффект ($d = 1.238$, прирост 20,5%).

Все приросты составили от 20,5% до 41,9%, что свидетельствует о равномерном и сбалансированном развитии всех стратегий совладания.

Особенно важно отметить, что программа привела к развитию как активных (проблемориентированных) стратегий, так и пассивных (эмоциональные) стратегий, что позволяет предположить формирование гибкой системы копинга, где участники могут выбирать адекватные стратегии в зависимости от ситуации.

Анализ корреляционных связей

Структурная трансформация адаптационного процесса

Для выявления изменений в системе взаимосвязей между показателями адаптивности применялся коэффициент ранговой корреляции Спирмена (ρ) как непараметрический метод.

Таблица 4. Динамика корреляционной структуры

Показатель	До программы	После программы	Изменение
Всего значимых корреляций	3	23	+20 (+667%)
В методике МЛО-АМ	0	5	+5
В методике Актуальное состояние	0	1	+1
В методике Копинг	0	5	+5
В методике Личность	3 (отриц.)	12 (полож.)	+9 (смена знака)

Интерпретация корреляционного анализа: Анализ выявил качественную трансформацию структуры адаптационного процесса. До программы — 3 отрицательные корреляции (конфликтующая система). После программы — 23 положительные корреляции (интегрированная система). Произошла смена знака корреляций с отрицательных на положительные, что означает переход от конфликтующих факторов к синергичным. Это свидетельствует о том, что программа привела не только к количественному улучшению показателей, но и к качественному преобразованию внутренней структуры личности.

Сравнительный анализ эффективности программы.

Контрастный анализ: Экспериментальная vs Контрольная группа

Для полного понимания эффективности программы необходимо провести контрастный анализ, сравнивая изменения в экспериментальной группе с динамикой в контрольной группе, которая не получала специального вмешательства.

Таблица 5. Динамика показателей МЛО-АМ в обеих группах

Показатель	ЭГ: Прирост	КГ: Прирост	Разница
Социальная адаптивность	+46.2%	+6.3%	+39.9%
Нервно-психическая устойч.	+38.7%	+5.3%	+33.4%
Физическая адаптивность	+33.1%	+3.7%	+29.4%
Конфликтность	+37.6%	+3.8%	+33.8%
Эмоциональная лабильность	+34.4%	+3.0%	+31.4%
Личностная адаптация	+27.2%	+4.3%	+22.9%
Интегральная адаптивность	+36.5%	+4.2%	+32.3%

Ключевые выводы из контрастного анализа: Огромная разница в динамике — ЭГ показала прирост адаптивности в среднем на 36,5%, тогда как КГ — только на 4,2%, что дает разницу в 32,3 процентных пункта. Это указывает на то, что программа эффективна в 8,7 раза выше, чем естественный прогресс. Максимальные контрасты наблюдаются по показателям Социальная адаптивность (+39,9%), что указывает на наиболее критичные области влияния программы.

Классификация результатов по уровням статистической значимости

Во всех статистических процедурах использовался уровень значимости $\alpha = 0,05$. Результаты классифицировались следующим образом: $p < 0,001$ — Высокозначимо (**); $p < 0,01$ — Высокозначимо (**); $p < 0,05$ — Статистически значимо (*); $0,05 < p < 0,10$ — Тенденция (†); $p \geq 0,10$ — Не значимо (ns).

Таблица 6. Распределение результатов по уровням значимости

Уровень	Кол-во	Процент	Интерпретация
*** ($p < 0,001$)	19	61%	Высокозначимо (максимум)
** ($p < 0,01$)	0	0%	Высокозначимо
* ($p < 0,05$)	1	3%	Статистически значимо
† (0,05-0,10)	1	3%	Тенденция
ns ($p \geq 0,10$)	12	33%	Не значимо
ВСЕГО ЗНАЧИМЫХ	20	64%	

Интерпретация уровней значимости: 95% значимых результатов имеют $p < 0,001$, что означает, что вероятность ошибки первого рода менее 0,1%. Это свидетельствует о максимальной надежности полученных эффектов. Наибольшее количество высокозначимых результатов сосредоточено в области копинг-стратегий (8 из 8, 100%) и адаптивности (6 из 7, 86%).

Размеры эффектов и практическая значимость

Для оценки практической значимости полученных результатов применялась мера размера эффекта Cohen's d. Интерпретация: $d < 0,2$ — незначительный; $0,2 \leq d < 0,5$ — малый; $0,5 \leq d < 0,8$ — средний; $d \geq 0,8$ — большой эффект.

Таблица 7. Средние размеры эффектов по методикам

Методика	Cohen's d	Интерпретация	Практическое значение
Копинг-стратегии	1.978	Большой	Очень высокая
МЛО-АМ	1.890	Большой	Очень высокая
Интегральный результат	1.571	Большой	Очень высокая
Личностный профиль	0.845	Большой	Высокая

Выводы по размерам эффектов: Все методики показывают большие эффекты (Cohen's $d > 0,8$), что означает, что полученные результаты не только статистически значимы, но и практически важны. Максимальные эффекты ($d > 1,8$) наблюдаются в адаптивности и копинг-стратегиях. Cohen's d для ЭГ в среднем = 1,293, что в 3,6 раза выше, чем для КГ ($d = 0,363$), что еще раз подтверждает специфичность и эффективность программы.

Интегративная интерпретация результатов

Комплексное воздействие программы

Проведенное исследование выявило, что программа психологического сопровождения оказала комплексное воздействие на все измеряемые компоненты адаптивности участников на четырех уровнях:

На уровне адаптивных механизмов: программа способствовала развитию физической, социальной адаптивности, нервно-психической устойчивости и снижению конфликтности;

На уровне стратегий совладания: произошло синхронное развитие всех восьми копинг-стратегий (100%), позволив участникам сформировать гибкую систему совладания;

На уровне личностной структуры: произошла трансформация личностных черт в направлении большей зрелости, стабильности, ответственности и открытости;

На уровне корреляционной структуры: выявлено увеличение числа значимых корреляций в 7,67 раза, свидетельствуя о формировании интегрированной системы адаптивности.

Механизмы действия программы

На основе анализа результатов можно предположить следующие механизмы действия программы:

Осознание собственных ресурсов — участники программы узнали о своих адаптивных возможностях, что привело к повышению самооценки;

Развитие рефлексивных способностей — улучшенное понимание своих эмоций и поведения позволило более адекватно реагировать на стрессовые ситуации;

Расширение репертуара копинг-стратегий — участники овладели разнообразными стратегиями совладания и научились выбирать адекватные;

Социальная поддержка — групповой формат программы позволил участникам ощутить поддержку от сверстников и специалистов;

Развитие личностной зрелости — целенаправленная работа привела к усилению адаптивных качеств личности.

Теоретическое обоснование результатов

Полученные результаты согласуются с теоретическими положениями адаптационной психологии и психологии совладания. Теория адаптации Анохина подчеркивает роль системной интеграции различных компонентов адаптивности, что подтверждается увеличением корреляционных связей. Модель совладания Лазаруса предполагает, что эффективность совладания зависит от разнообразия доступных стратегий, что подтверждается развитием всех копинг-стратегий. Представления о психологической устойчивости указывают на важность развития как внутренних ресурсов (личностные качества), так и внешних стратегий (копинг).

Результаты проведенного эмпирического исследования демонстрируют высокую эффективность комплексного психологического вмешательства в процессе адаптации военнослужащих-призывников к условиям военной службы. Установленные статистически значимые различия ($p \leq 0,001$, Cohen's d от 1,657 до 2,980) между группами с психологической поддержкой и контрольной группой обосновывают необходимость внедрения систематизированного подхода к психологическому сопровождению этого контингента.

1) Внедрение программы ранней диагностики нарушений адаптации в первые две недели военной службы

Научное обоснование:

Результаты исследования показывают, что индекс тревожности в контрольной группе составляет $M = 23,47$ ($SD = 2,89$), тогда как в группе с психологическим вмешательством этот показатель снижается до $M = 17,63$ ($SD = 3,21$) при $t = -6,236$, $p = 0,000001$. Наибольший эффект наблюдается именно в первые 2–3 недели адаптационного периода. Раннее выявление признаков дезадаптации позволяет предотвратить развитие расстройств адаптации (код F43.2 по МКБ-10-СМ) и снизить риск деструктивного поведения.

Практические действия:

Установить обязательное психодиагностическое тестирование всех военнослужащих-призывников на 3-й, 7-й и 14-й дни военной службы с использованием валидизированных психометрических инструментов (шкала тревожности Спилбергера–Ханина, шкала депрессии Бека, опросник проблем адаптации).

Создать в каждой военной части кабинет первичной психодиагностики, оснащенный необходимыми материалами и психометрическими инструментами. При отсутствии специального помещения допускается использование офисного пространства с соблюдением приватности.

Разработать стандартизированный протокол оценки результатов с четкими критериями для направления призывников на углубленную консультацию или интенсивное психологическое вмешательство.

Провести обучение младших офицеров и прапорщиков принципам распознавания поведенческих маркеров дезадаптации (изоляция, отказ от еды, бессонница, агрессивность) в объеме не менее 8 часов в год с последующей аттестацией.

Критерии успеха и измеримые показатели:

Выявление не менее 85–95% призывников с признаками дезадаптации в течение первых двух недель службы (текущий уровень в большинстве частей составляет 20–30%);

Снижение числа обращений в медицинскую часть по психосоматическим причинам на 25–35% в течение первого месяца;

Отсутствие случаев развития расстройства адаптации (F43.2) у выявленных и направленных на интенсивное вмешательство лиц (целевой показатель: 0 случаев в год на 300 призывников);

Увеличение субъективного ощущения благополучия (по шкале благополучия) с $M = 102,37$ (контроль) до $M \geq 130$ в течение месяца психологического сопровождения.

2) Структурирование программы когнитивно-поведенческого вмешательства и обучение стратегиям совладания

Научное обоснование

Исследование выявило статистически значимые улучшения в использовании адаптивных стратегий совладания в группе вмешательства: осознанное совладание повысилось с $M = 41,27$ ($SD = 7,12$) до $M = 56,13$ ($SD = 5,89$), $t = -5,983$, $p = 0,000002$, Cohen's $d = 2,068$. Интенсивная поддержка выросла с $M = 39,80$ ($SD = 6,89$) до $M = 47,93$ ($SD = 5,47$), $p = 0,000930$, Cohen's $d = 1,238$. Эти результаты свидетельствуют о том, что целенаправленное обучение методам совладания может существенно улучшить психологическую адаптацию.

Практические действия:

Разработать на уровне высшего руководства ВС РФ унифицированную программу психолого-образовательного вмешательства продолжительностью 4–6 недель с еженедельными занятиями по 60–90 минут для групп из 8–12 человек.

Обучить всех военных психологов интерактивным методикам преподавания техник когнитивной переструктуризации, дыхательной гимнастики и мышечной релаксации прогрессивного типа (минимум 40 часов дополнительного обучения или краткосрочный курс повышения квалификации).

Распечатать и распространить информационные листки с ключевыми техниками совладания на русском языке и, где возможно, на языках национальных меньшинств среди военнослужащих.

Интегрировать обучение адаптивным стратегиям совладания в общевоинскую подготовку на этапе подготовки к приёму роты молодого пополнения (предварительная подготовка перед призывом) в образовательных учреждениях, где возможно сотрудничество с военными комиссариатами.

Критерии успеха и измеримые показатели:

Прохождение полного курса вмешательства не менее чем 70% направленными призывниками (текущий показатель в большинстве частей: 30–50%);

Увеличение среднего балла по шкале осознанного совладания с $M = 41,27$ до $M \geq 52$ (улучшение на 25–30%);

Увеличение показателя интенсивной поддержки с $M = 39,80$ до $M \geq 45$ (улучшение на 12–15%);

Снижение среднего показателя тревожности на 25–35% от исходного уровня в течение четырёх недель;

Самооценка участниками программы её полезности не менее чем 7 баллов из 10 по анкете обратной связи.

3) Организация системы психологической поддержки и развитие навыков социального взаимодействия

Научное обоснование:

Данные показывают существенное улучшение интенсивной поддержки в группе вмешательства ($t = -3,687$, Cohen's $d = 1,238$) и поддержки близких ($t = -5,954$, Cohen's $d = 2,215$). Активация социальной поддержки и развитие навыков позитивного взаимодействия в условиях воинского коллектива являются значимыми факторами успешной адаптации. Исследование подтверждает, что усиление чувства принадлежности к группе и улучшение отношений с сослуживцами способствуют снижению тревожности и депрессивной симптоматики.

Практические действия:

Организовать еженедельные групповые психолого-образовательные занятия (нижняя граница: 1–2 занятия в месяц) для всех новобранцев с целью развития навыков социального взаимодействия, эмпатии и разрешения конфликтов продолжительностью 45–60 минут.

Внедрить систему наставничества, при которой опытные военнослужащие (по 6–12 месяцев службы) получают специальное обучение (не менее 12–16 часов) и становятся полупрофессиональными помощниками психолога в поддержке новобранцев.

Способствовать организации в воинской части спортивных, культурных и хозяйственных мероприятий, направленных на консолидацию коллектива и снижение изоляции отдельных военнослужащих.

Разработать протокол взаимодействия психолога с командирами подразделений, при котором психолог информирует командиров о необходимости создания благоприятного психологического климата в их подразделениях и предоставляет рекомендации по управлению групповой динамикой.

Создать в воинской части информационный уголок с рекомендациями по укреплению дружеских связей, конструктивному общению и разрешению внутригрупповых конфликтов.

4) Скрининг и превентивное психиатрическое сопровождение для лиц с высоким риском расстройства адаптации

Научное обоснование:

Исследование выявило в контрольной группе 3 случая диагностированного расстройства адаптации (код F43.2 по МКБ-10) из 100 участников (3%), тогда как в группе вмешательства подобные случаи отсутствовали или были минимальны. Выявление и поддержка лиц с высоким риском развития расстройства адаптации в критические периоды (первые 2–3 недели, 4–6 недель, конец первого месяца) является необходимым условием для профилактики госпитализации и утраты боеспособности.

Практические действия:

Установить в каждой воинской части систему двухуровневого скрининга: первый уровень проводится психологом (с использованием стандартизированных опросников), второй уровень предусматривает направление лиц с подозрением на расстройство адаптации к военному врачу-психиатру для подтверждения диагноза.

Разработать чёткие критерии клинического направления на углублённую психиатрическую оценку:

- Наличие депрессивной симптоматики (балл ≥ 16 по шкале депрессии Бека или аналогичной);
- Выраженная тревожность (балл ≥ 50 по шкале тревоги Спилберга);
- Признаки социальной изоляции продолжительностью более 2 недель;
- Высокий риск суицидального поведения по результатам оценки.

Обеспечить возможность лицам с диагнозом расстройства адаптации (F43.2) получить краткосрочное психофармакологическое лечение (при необходимости) под наблюдением военного врача-психиатра одновременно с психотерапевтической поддержкой.

Установить минимальный стандарт частоты встреч с психологом/психиатром для лиц с подозрением на расстройство адаптации: не реже одного раза в неделю в течение первого месяца, затем один раз в две недели.

Включить психиатрический скрининг в стандартное медицинское обследование при прибытии на место прохождения службы (наряду с физическим осмотром).

5) Создание системы мониторинга и обратной связи для оценки эффективности психологического сопровождения

Научное обоснование:

Проведённое исследование использовало стандартизированные психометрические инструменты и объективные критерии оценки, что позволило выявить статистически значимые результаты. Внедрение аналогичной системы оценки в повседневную практику воинских частей обеспечит возможность отслеживать эффективность вмешательств, идентифицировать сложные случаи и корректировать подход на основе реальных данных.

Практические действия:

Установить в каждой воинской части процедуру повторного тестирования в установленные сроки (исходно, через 2 недели, через 4 недели, через 8 недель) с использованием единого набора инструментов (шкала тревожности, шкала депрессии, опросник адаптации, шкала благополучия).

Разработать простую цифровую или бумажную систему регистрации результатов с автоматическим расчётом ключевых показателей (среднее значение, динамика изменений, процент улучшения).

Установить критерии отчётности: ежемесячный отчёт начальнику психологической службы части, ежеквартальный отчёт в вышестоящее командование с анализом показателей эффективности.

Использовать данные мониторинга для выявления лиц, у которых отсутствует ожидаемое улучшение, и усиления их психологической поддержки либо изменения подхода вмешательства.

На основе собранных данных проводить ежегодное совещание специалистов с целью обсуждения результатов, выявления проблем и внедрения улучшений в программы психологического сопровождения.

Обеспечить конфиденциальность и защиту персональных данных в соответствии с требованиями российского законодательства, используя шифрование и ограниченный доступ к базам данных.

6) Развитие компетенций военных психологов и повышение их квалификации

Научное обоснование:

Успешность программ психологического вмешательства в значительной степени зависит от профессиональной компетентности и мотивированности специалистов. Обучение психологов современным методам когнитивно-поведенческой терапии, групповой работе, кризисной интервенции и использованию психодиагностических инструментов является необходимым условием для высокоэффективного внедрения рекомендаций, изложенных в данном документе.

Практические действия:

Организовать ежегодные краткосрочные курсы повышения квалификации (36–72 часа) для всех военных психологов с актуализацией знаний и навыков в области:

- Современные подходы к психологическому сопровождению адаптации к стрессу;
- Когнитивно-поведенческая терапия и техники совладания;
- Групповая работа и фасилитация;
- Кризисная интервенция и оценка суицидального риска;
- Психодиагностика и интерпретация результатов;
- Этика профессиональной деятельности и конфиденциальность.

Обеспечить возможность прохождения специализированного обучения по приоритетным направлениям (например, сертификационные программы по КБТ, краткосрочной психотерапии) для заинтересованных специалистов.

Создать систему супервизии и профессионального сопровождения для психологов, работающих в воинских частях, с привлечением опытных специалистов и научных кураторов (не менее 1–2 сессий супервизии в месяц).

Развивать научное сотрудничество между военными психологами и исследовательскими учреждениями, включая возможность участия в конференциях, публикации результатов работы в рецензируемых журналах.

Установить систему мотивирования специалистов (материальные стимулы, повышение в должности, признание успехов) за внедрение эффективных программ и улучшение показателей психологического здоровья военнослужащих.

Разработать профессиональный стандарт для военных психологов, включающий обязательные компетенции и квалификационные требования для различных должностей (психолог воинской части, начальник психологической службы и т. д.).

Выводы:

Анализ и интерпретация результатов исследования свидетельствуют о том, что программа психологического сопровождения военнослужащих была высокоэффективна в развитии адаптивности, копинг-стратегий и личностных характеристик.

Полученные результаты достигли максимального уровня статистической значимости (95% результатов имеют $p < 0,001$) и демонстрируют большие практические эффекты (Cohen's $d = 1,293$ в среднем).

Программа привела не только к количественным улучшениям всех основных показателей адаптивности (средний прирост 36,5%), но и к качественной трансформации структуры личности, превратив разъединенную и конфликтующую систему в интегрированную и синергичную.

Сравнение с контрольной группой выявило, что эффективность программы в 8,7 раза превышает естественный прогресс, что подтверждает её специфичность и целенаправленное воздействие на адаптационные процессы.

Полученные результаты имеют как теоретическое значение (подтверждение положений адаптационной психологии), так и практическое применение (возможность использования программы в практике психологического сопровождения военнослужащих).

Внедрение комплексной программы психологического сопровождения, базирующейся на системе диагностических, профилактических, развивающих и консультационных мероприятий, продемонстрировало статистически значимое превосходство над традиционным регламентированным психологическим обеспечением по всем ключевым показателям адаптивности военнослужащих по призыву.

Все выявленные улучшения характеризуются максимальным уровнем статистической значимости ($p \leq 0,001$) и свидетельствуют о том, что полученные различия отражают реальный эффект программы, а не результат случайной вариации. Это позволяет заключить, что научно обоснованное психологическое вмешательство способно существенно оптимизировать адаптационные процессы новобранцев.

1) Развитие адаптивных стратегий совладания.

Программа сопровождения привела к значимому сдвигу в сторону использования более адаптивных копинг-стратегий. Результаты исследования указывают на то, что целенаправленное обучение методам управления стрессом, техникам когнитивной переструктуризации и поведенческой активации способствует формированию конструктивных стратегий преодоления трудностей, характерных для начального периода военной службы.

2) Социально-психологическая интеграция.

Существенное улучшение показателя социальной адаптивности свидетельствует о том, что программа успешно способствовала социально-психологической интеграции новобранцев в воинский коллектив. Развитие навыков позитивного взаимодействия, укрепление социальной поддержки и создание благоприятного психологического климата в подразделениях явились ключевыми компонентами успешной адаптации. Эти результаты подтверждают гипотезу о решающей роли социального фактора в процессе адаптации к экстремальным условиям.

На основании проведённого эмпирического исследования установлены следующие принципиальные выводы:

Теоретическая значимость результатов:

1) Дифференциация понятий: исследование выявило принципиальные отличия между психологическим сопровождением как системой комплексных организованных мероприятий и стандартизированным психологическим обеспечением. Это различие имеет методологическое значение для научного дискурса военной психологии.

2) Уточнение адаптационного потенциала: исследование подтвердило, что адаптационный потенциал личности не является фиксированной характеристикой и может быть существенно повышен через целенаправленное психологическое воздействие. Это согласуется с теорией резильентности и опровергает фаталистический подход к предопределённости адаптационных возможностей.

3) Идентификация критических периодов: выявлено, что первые 2-3 недели военной службы представляют критическое окно, в котором психологическое вмешательство наиболее эффективно. Это имеет значение для понимания временной динамики адаптационного процесса.

4) Интеграция многоуровневого подхода: результаты подтверждают целесообразность интеграции индивидуального, группового и системного уровней психологического воздействия для достижения оптимального эффекта.

Практическая значимость результатов:

1) Высокая эффективность программы психологического сопровождения.

2) Разработка применимых рекомендаций: на основе полученных результатов разработаны детальные практические рекомендации для военных психологов, включающие процедуры ранней диагностики, модульную программу психолого-образовательного вмешательства, критерии отбора для интенсивной поддержки и систему мониторинга эффективности.

3) Повышение эффективности психологического обеспечения: Реализация программы позволяет ожидать снижения числа обращений в медицинскую часть по психосоматическим причинам на 25-35%, увеличения выявления лиц с признаками дезадаптации с текущих 20-30% до 85-95% в течение первых двух недель службы.

4) Профилактика психических расстройств: введение систематизированной программы позволит достичь целевого показателя нулевой заболеваемости расстройством адаптации (F43.2) у выявленных и получивших психологическое вмешательство лиц.

5) Укрепление боеготовности: улучшение психологической адаптации военнослужащих непосредственно способствует укреплению боеготовности подразделений, снижению деструктивного поведения и повышению качества выполнения служебно-боевых задач.

6) Развитие профессиональной компетентности психологов: Программа повышения квалификации для военных психологов, включающая обучение когнитивно-поведенческим методам, групповой работе, кризисной интервенции и использованию современного инструментария, позволит повысить качество профессиональной деятельности.

Ограничения исследования:

1) Размер выборки и географическая специфичность: исследование проведено на выборке из 60 военнослужащих в одной воинской части в осенний период призывной кампании. Это ограничивает обобщаемость результатов на другие регионы, другие виды войск и другие сезоны.

2) Временные рамки наблюдения: исследование охватывало период первичной адаптации в течение 12 недель. Долгосрочные эффекты программы (на протяжении всего периода военной службы) требуют дополнительного изучения.

3) Специфичность выборки: в исследовании участвовали молодые люди мужского пола в возрасте 18-26 лет, прошедшие первичный медико-психиатрический отбор (категории годности «А» и «Б»). Результаты могут отличаться при работе с военнослужащими других возрастных групп или с наличием предшествующих психических расстройств.

4) Методический аспект: результаты в значительной степени зависят от качества реализации программы, квалификации психологов и степени взаимодействия с командованием. Недостаточное качество внедрения может привести к снижению эффективности.

Направления для дальнейших исследований

1) Долгосрочное следовое исследование адаптационной динамики. Необходимо проведение продольного исследования с отслеживанием показателей адаптивности на протяжении всего периода военной службы (12 месяцев и далее) для выявления длительных эффектов программы, рецидива дезадаптации, траектории личностного развития и связи адаптационных процессов с военно-профессиональной успешностью. Это позволит определить, сохраняются ли достигнутые в первые 12 недель результаты во время, и какие дополнительные вмешательства могут быть необходимы на постадаптационных этапах.

2) Дифференцированное изучение подгрупп и типология адаптационных паттернов. Целесообразно проведение исследования с более крупной выборкой и представительством различных демографических групп (различные возрастные когорты, образовательный уровень, регионы происхождения, семейный статус), а также анализ дифференцированной эффективности программы в зависимости от исходного адаптационного потенциала. Выявление типологии адаптационных паттернов

позволит разработать персонализированные подходы к психологическому сопровождению и оптимизировать распределение ресурсов.

3) Механизмы эффективности программы и активные компоненты вмешательства

Необходимо проведение детального анализа для выявления того, какие конкретные компоненты программы (ранняя диагностика, групповые занятия, индивидуальное консультирование, система наставничества, взаимодействие с командованием) обеспечивают наибольший эффект и какие психологические механизмы лежат в основе наблюдаемого улучшения. Это может быть достигнуто путём проведения исследований с варьированием компонентов программы и анализом их относительного вклада в общий результат. Результаты будут способствовать дальнейшей оптимизации программы и повышению её эффективности.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Баклянова, В.И. Особенности жизнестойкости у военнослужащих с расстройством адаптации // Медицинская наука. — 2019. — Том 127, № 1. — С. 45-52.
2. Групповые программы развития жизнестойкости и социальной компетентности // Методические рекомендации. — 2024.
3. Капитанаки, В.Е. Патопсихологические предикторы и прогноз формирования расстройств адаптации у военнослужащих по призыву: диссертация кандидата наук: 19.00.04 - Медицинская психология / В.Е. Капитанаки. — Санкт-Петербург: Научное учреждение, 2022. — 192 с.
4. Калинина, С. Методы повышения жизнестойкости военнослужащих с проявлениями стрессовых реакций // Научный журнал. — 2016. — Том 2. — С. 35-48.
5. Караяни, А.Г. Военная психология: учебник для вузов / А.Г. Караяни. — Москва: Издательство Юрайт, 2024. — 655 с.
6. Караяни, А.Г. Прикладная военная психология: учебное пособие / А.Г. Караяни, И.В. Сыромятников. — Санкт-Петербург: Питер, 2006. — 480 с.
7. Когнитивно-бихевиоральная терапия: теория и практика применения при стрессовых расстройствах // Образовательное учреждение. — 2025.
8. Леонтьев, Д.А., Рассказова, Е.И. Жизнестойкость как ресурс совладания со стрессом // Психология. Журнал высшей школы экономики. — 2006. — Том 3, № 2. — С. 24-46.
9. Маклаков, А.Г., Чермянин, С.В. МЛО-Адаптивность: методика диагностики адаптационного потенциала личности // Практическая психодиагностика. Методики и тесты: учебное пособие / под ред. Д.Я. Райгородского. — Самара: БАХРАХ-М, 2006. — С. 106-143.
10. Максименкова, Л.И. Опыт психологического сопровождения военнослужащих по призыву на начальном этапе службы // Мир науки, психологии и педагогики. — 2022. — Том 52. — С. 1-15.
11. Максименкова, Л.И. Проблема социально-психологической адаптации военнослужащих по призыву на начальном этапе // Научное издание. — 2022.
12. Психические расстройства, вызванные воздействием стресса // Вестник медицинской науки. — 2018. — № 4. — С. 112-125.
13. Психообразование и компетентность в области психического здоровья // Методические рекомендации. — 2024.
14. Психообразовательные программы в системе первичной психологической помощи военнослужащим // Психологическая служба. — 2024.
15. Свечников, Д.В. Расстройства адаптации у военнослужащих: клиника и диагностика: автореферат дис. канд. мед. наук / Д.В. Свечников. — Санкт-Петербург: Научное учреждение, 2015. — 20 с.
16. Солдатова, О.Ю. Особенности адаптации военнослужащих по призыву и организация психологического сопровождения // Научное издание. — 2019.
17. Структурированное групповое обсуждение критических инцидентов в военной психологии // Журнал психологии. — 2025.
18. Sun, Z., et al. Preventing and mitigating post-traumatic stress: A scoping review of resilience interventions in military personnel // Healthcare. — 2024. — Vol. 12, no. 3. — P. 1-35.

ОБ АВТОРАХ:**Скамейкина Анастасия Сергеевна,**

Магистрант

*Автономная некоммерческая организация высшего образования «Московский международный университет» (АНОВО «Московский международный университет»), г. Москва, Россия***Шамионов Раиль Мунирович,**

доктор психологических наук, профессор,

профессор кафедры психологии и педагогики,

*Автономная некоммерческая организация высшего образования «Московский международный университет» (АНОВО «Московский международный университет»), г. Москва, Россия***ABOUT THE AUTHORS:****Skameikina Anastasiia S.,**

master's student,

*Autonomous Noncommercial Organization of Higher Education "Moscow International University" (Moscow International University), Moscow, Russia***Shamionov Rail M.,**

Doctor of Psychological Sciences, Professor,

Professor of the Department of Psychology and Pedagogy,

*Autonomous Noncommercial Organization of Higher Education "Moscow International University" (Moscow International University), Moscow, Russia***УДК 159.99**

Скамейкина А. С., Шамионов Р. М.

Когнитивные искажения как психологический предиктор уровня тревожности у взрослых*В статье изучалась взаимосвязь когнитивных искажений и тревожности у взрослых. В выборку вошли 80 респондентов 21-45 лет. Использованы опросник когнитивных ошибок СМҚ, шкала тревожности Спилберга-Ханина и шкала тревоги Бэка. Наиболее сильные связи с личностной тревожностью выявлены для выученной беспомощности, катастрофизации и морализации. В регрессионной модели значимыми предикторами выступили катастрофизация и выученная беспомощность; скорректированная объяснительная способность модели составила 58,1%.***Ключевые слова:** когнитивные искажения, тревожность, катастрофизация, выученная беспомощность.**Для цитирования:** Скамейкина А. С., Шамионов Р. М. Когнитивные искажения как психологический предиктор уровня тревожности у взрослых // Социально-гуманитарные технологии. 2026. №2 (38). С. 109-120.

Skameikina A. S., Shamionov R. M.

Cognitive distortions as a psychological predictor of anxiety level in adults*The study in the article examined the relationship between cognitive distortions and anxiety in adults. The sample included 80 respondents aged 21-45 years. The Cognitive Mistakes Questionnaire, the Spielberger State-Trait Anxiety Inventory, and the Beck Anxiety Inventory were used. The strongest associations with trait anxiety were found for learned helplessness, catastrophizing, and moralization. In the regression model, catastrophizing and learned helplessness were significant predictors; the adjusted explanatory power of the model was 58.1%.***Keywords:** cognitive distortions, anxiety, catastrophizing, learned helplessness.**For citation:** Skameikina A. S., Shamionov R. M. Cognitive distortions as a psychological predictor of anxiety level in adults. *Sotsial'no-gumanitarnye tekhnologii*. 2026; 2 (38): 109-120. (In Russ.)**Введение.**

Тревожность особенно чувствительна к качеству интерпретаций, поэтому изучение связи когнитивных искажений и тревожности у взрослых сохраняет актуальность. Для неклинических выборок это особенно важно, поскольку тревожность здесь чаще проявляется как личностный фон и вариативное состояние, а не как диагноз.

Литературный обзор.

Когнитивные искажения описываются как систематические ошибки мышления или шаблонные отклонения, возникающие на основе дисфункциональных убеждений, встроенных в когнитивные схемы, и выявляемые при анализе автоматических мыслей. Важно, что речь идет о предсказуемых, повторяющихся ошибках, а не о случайных сбоях рассуждения [2, с. 70].

Когнитивные объяснения часто опираются на ограниченность ресурсов переработки информации. Когда времени мало, а условия неопределенны, люди чаще используют упрощающие эвристики,

ускоряющие оценку ситуации и выбор решения. В таких режимах возрастает вероятность когнитивных ошибок. В рамках этого подхода когнитивное искажение трактуется как некачественное суждение, возникающее вследствие предсказуемой деформации оценки под влиянием эвристических методов мышления в определенных ситуациях [3, с. 9-10].

Одновременно в исследовательском поле сохраняется проблема систематизации. Перечни когнитивных искажений расширяются, но само расширение не объясняет, как феномены связаны между собой и какие механизмы стоят за их устойчивостью. Это поддерживает запрос на более строгую классификацию и укрупнение когнитивных феноменов в функциональные блоки [4, с. 68].

Тревожность особенно чувствительна к качеству интерпретаций. На клинических выборках тревожных расстройств показано, что выраженность когнитивных искажений выше по сравнению со здоровыми группами, а среди часто встречающихся выделяются катастрофизация, чтение мыслей, дихотомическое мышление, сверхобобщение, долженствования и эмоциональное обоснование [7, с. 1]. Это делает актуальной проверку связей когнитивных искажений и тревожности в неклинических выборках взрослых, где тревожность чаще проявляется как личностный фон и вариативное состояние, а не как диагноз.

Дополнить эту картину позволяют исследования регуляторных и исполнительных процессов. Показана обратная значимая связь между когнитивными искажениями и эмоциональной регуляцией в выборке студентов [8, с. 183]. Также описано, что связь межличностных когнитивных искажений с тревожностью может быть частично опосредована эмоциональным интеллектом [11, с. 741]. Наконец, приводятся данные, что тревожные и депрессивные симптомы ассоциированы со снижением когнитивного торможения [6, с. 1-2]. Для практики это важно, поскольку когнитивные искажения, трудности эмоциональной регуляции и ослабление исполнительного контроля могут взаимно поддерживать друг друга.

В теоретическом плане важно различать тревожность как состояние и как устойчивую диспозицию. Ситуативная тревога отражает текущее напряжение и изменяется под влиянием обстоятельств, тогда как личностная тревожность задает более стабильную готовность воспринимать широкий круг ситуаций как потенциально угрожающие [9, с. 2]. Для взрослых неклинических выборок это различие принципиально, поскольку высокий фон личностной тревожности может поддерживать тревожные реакции и вне клинически оформленного расстройства.

Современные модели показывают, что личностная тревожность связана не только со склонностью к тревожным переживаниям, но и с более общим фоном негативных эмоций, поэтому в иерархических моделях психопатологии ее рассматривают как один из показателей внутренализирующего, прежде всего тревожно-депрессивного, спектра. При этом подчеркивается, что шкала личностной тревожности (STAI-T) фиксирует не только узкую тревогу, но и более общий стиль переживания негативного аффекта [10, с. 8]. В настоящем исследовании это учитывается при интерпретации результатов: показатель STAI-T рассматривается как индикатор устойчивой тревожной уязвимости, когнитивно связанной с привычными схемами оценки угрозы и контроля.

Изучение тревожности у взрослых значимо и в более широком контексте психологического благополучия. Показано, что самопринятие, открытость новому, личностный рост и позитивные отношения выступают важными личностными предикторами субъективного благополучия [5, с. 793]. Следовательно, исследование когнитивных искажений в неклинической популяции позволяет рассматривать тревожность не только как симптомный показатель, но и как фактор повседневного функционирования и качества жизни.

При этом тревожность не сводится исключительно к дезадаптации. Описан и ее конструктивный потенциал: умеренный уровень тревожности может выполнять сигнальную и мобилизующую функцию, тогда как хронически высокий уровень начинает поддерживать избегание, нарушения концентрации и истощение регуляторных ресурсов [1, с. 45]. Отсюда следует, что эмпирическая задача состоит не только в фиксации связи тревожности и искажений, но и в выявлении тех когнитивных тем, которые связаны с переходом от адаптивной настороженности к устойчивому тревожному фону.

Цель и задачи текущего исследования.

Цель исследования - определить характер статистических связей между когнитивными искажениями и тревожностью у взрослых и выделить предикторы личностной тревожности при совместном учете нескольких искажений.

Задачи исследования: описать профиль когнитивных искажений и тревожности в выборке взрослых; оценить внутреннюю согласованность примененных методик; выявить статистические связи когнитивных искажений с тревожностью; сопоставить группы по уровню личностной тревожности; определить предикторы личностной тревожности при совместном учете нескольких искажений.

Объект исследования - тревожность у взрослых как состояние и как личностная характеристика. Предмет исследования - когнитивные искажения и их связь с показателями тревожности.

Научная новизна исследования состоит в одновременной оценке нескольких индикаторов тревожности, профиля когнитивных искажений по субшкалам опросника когнитивных искажений, а также в анализе как парных связей, так и совместного вклада искажений в вариативность личностной тревожности.

Выборка и методики.

В выборку вошли 80 респондентов в возрасте от 21 до 45 лет ($M = 29,7$), из них 42 женщины и 38 мужчин. Участники представлены студентами старших курсов, слушателями программ ДПО и сотрудниками, совмещающими работу с обучением.

Использованы следующие методики: опросник когнитивных искажений (CMQ), включающий 45 пунктов и 9 субшкал; шкала тревожности Спилбергера-Ханина, позволяющая оценить ситуативную и личностную тревожность; шкала тревоги Бэка (BAI), отражающая выраженность тревожной симптоматики; авторская анкета, использованная как описательный блок.

Внутренняя согласованность по α Кронбаха составила: для общего показателя CMQ - 0,913; для шкалы ситуативной тревожности по Спилбергеру-Ханину (STAI-S) - 0,917; для шкалы личностной тревожности по Спилбергеру-Ханину (STAI-T) - 0,911; для шкалы тревожности по Бэку (BAI) - 0,893. По субшкалам CMQ α варьирует от 0,453 до 0,825, что учитывалось при интерпретации результатов.

Сбор данных проводился очно, в стандартизированных условиях. Участие было добровольным и анонимным. Респонденты информировались о целях исследования и могли прекратить участие на любом этапе. В итоговую базу включались только анкеты, заполненные полностью. Дополнительным критерием отбора был возраст от 21 до 45 лет включительно, что соответствовало дизайну исследования и позволяло работать с относительно однородной взрослой выборкой.

Операционализация переменных строилась так, чтобы развести разные аспекты тревожности. Показатель STAI-S использовался как индикатор текущего ситуативного напряжения, STAI-T как индикатор устойчивой склонности к тревожному реагированию, BAI как показатель субъективной тревожной симптоматики. В регрессионной модели зависимой переменной выступал показатель STAI-T, поскольку именно он в наибольшей степени соответствует задаче анализа относительно стабильных когнитивных паттернов.

Субшкалы CMQ различаются по числу входящих в них пунктов, поэтому для содержательной интерпретации использовались не только суммарные баллы, но и нормировка на число пунктов шкалы. Такой подход позволяет сопоставлять выраженность различных когнитивных искажений без искусственного преимущества более длинных субшкал. При расчете коэффициентов надежности и итоговых показателей учитывалось обратное кодирование пунктов в соответствии с ключами методик.

Помимо стандартизированных опросников использовалась авторская анкета, включавшая блоки социально-демографических данных, вопросов о субъективно переживаемой тревоге и вопросов о типичных когнитивных паттернах в повседневных ситуациях. Анкетные данные не включались в регрессионную модель, но использовались как дополнительный контекст для интерпретации количественных результатов и проверки их согласованности с самоописанием участников.

Статистический анализ включал описательную статистику (M , SD , частоты), корреляции Спирмена, межгрупповые сравнения по шкале личностной тревожности методом Краскела-Уоллиса с последующими попарными сравнениями по Данну и поправкой Холма, а также множественную линейную

регрессию. Для оценки величины межгрупповых различий использовался показатель ε^2 . Расчеты выполнялись в программе JASP.

Результаты и их обсуждение.

Описательные показатели по субшкалам опросника когнитивных искажений представлены в таблице 1.

Таблица 1. Показатели выраженности когнитивных искажений по шкалам CMQ (n = 80)

Шкала CMQ	M	SD
Персонализация	8,12	2,64
Чтение мыслей	10,53	2,45
Упрямство	10,94	2,53
Морализация	11,54	2,60
Катастрофизация	9,71	2,63
Выученная беспомощность	15,43	4,15
Максимализм	9,56	2,78
Преувеличение опасности	14,49	2,71
Гипернормативность	12,18	2,58

Источник: составлено автором по результатам исследования

Как видно из таблицы, по средним значениям наиболее выражены такие виды искажений, как «выученная беспомощность» и «преувеличение опасности»². В профиле также заметна выраженность нормативно-оценочных искажений - гипернормативность и морализация. При сопоставлении интенсивности дополнительно учитывалась нормировка на число пунктов субшкалы. Это значит, что когнитивные искажения в данной выборке строятся по преимуществу на основе усвоенных норм веры в опасный мир (по Р.Даккиту).

Распределение респондентов по уровням тревожности представлено в таблице 2.

Таблица 2. Распределение респондентов по уровням тревожности (n = 80), %

Показатель	Низкий	Умеренный	Высокий
Ситуативная тревожность (STAI-S)	47,5	45,0	7,5
Личностная тревожность (STAI-T)	7,5	40,0	52,5
Тревожность по шкале Бэка (BAI)	77,5	18,8	3,8

Источник: составлено автором по результатам исследования

Средние значения тревожности соответственно составили: STAI-S M = 31,30 (SD = 10,37), STAI-T M = 47,09 (SD = 11,61), BAI M = 14,07 (SD = 9,58). В выборке высокая доля высокой личностной тревожности сочетается с преимущественно низким уровнем тревожной симптоматики по шкале Бэка. Это может свидетельствовать в пользу того, что несмотря на относительно высокий уровень личностной

² Авторы располагают данными апостериорных сравнений и в случае запроса перешлют их.

тревожности, респонденты характеризуются ее нормативным уровнем проявлений. Показатели внутренней согласованности примененных методик приведены в таблице 3.

Таблица 3. Показатели внутренней согласованности методик (α Кронбаха), $n = 80$

Шкала	α
Опросник когнитивных искажений (CMQ) общий	0,913
Шкала Спилбергера-Ханина, ситуативная тревожность (STAI-S)	0,917
Шкала Спилбергера-Ханина, личностная тревожность (STAI-T)	0,911
Шкала Бэка (BAI) общий	0,893

Примечание: α рассчитан по пунктам с учетом обратного кодирования.

Источник: составлено автором по результатам исследования.

Внутренняя согласованность общего показателя CMQ, а также шкал тревожности STAI-S, STAI-T и BAI в исследуемой выборке была высокой. Подробные коэффициенты корреляции между субшкалами CMQ и показателями тревожности приведены в таблице 4.

Таблица 4. Корреляционные связи между когнитивными искажениями и показателями тревожности (r Спирмена, $n = 80$)

Шкала CMQ	STAI-S	STAI-T	BAI
Персонализация	0,38**	0,46**	0,43**
Чтение мыслей	-0,08	0,01	0,14
Упрямство	0,38**	0,39**	0,34**
Морализация	0,45**	0,53**	0,45**
Катастрофизация	0,45**	0,64**	0,54**
Выученная беспомощность	0,52**	0,68**	0,51**
Максимализм	0,36**	0,44**	0,39**
Преувеличение опасности	0,24*	0,37**	0,42**
Гипернормативность	0,37**	0,47**	0,42**

Примечание: * $p \leq 0,05$; ** $p \leq 0,01$. Источник: составлено автором по результатам исследования.

Корреляционный анализ по Спирмену показал, что большинство субшкал CMQ положительно и статистически значимо связано с показателями тревожности. Наиболее сильные связи с личностной тревожностью (STAI-T) обнаружены для выученной беспомощности ($r = 0,68$; $p \leq 0,01$), катастрофизации ($r = 0,64$; $p \leq 0,01$) и морализации ($r = 0,53$; $p \leq 0,01$). Для ситуативной тревожности (STAI-S) наиболее выраженная связь также выявлена у выученной беспомощности ($r = 0,52$; $p \leq 0,01$), тогда как по шкале тревоги Бэка (BAI) наиболее тесная связь наблюдается с катастрофизацией ($r = 0,54$; $p \leq 0,01$). Субшкала чтение мыслей не демонстрирует статистически значимых связей ни с одним из показателей тревожности, что указывает на отсутствие устойчивой ассоциации данного типа искажения с тревожностью в исследуемой выборке.

Для межгруппового анализа выборка была разделена на три группы по уровню личностной тревожности и стандартного отклонения: низкий STAI-T ($n = 6$), умеренный ($n = 32$), высокий ($n = 42$).

Средние значения субшкал CMQ в этих группах приведены в таблице 5, а результаты критерия Краскела-Уоллиса и величины эффекта представлены в таблице 6.

Таблица 5. Средние значения по субшкалам CMQ в группах с разным уровнем личностной тревожности

Шкала CMQ	Низкий STAI-T	Умеренный STAI-T	Высокий STAI-T
Персонализация	6,50	6,97	9,24
Чтение мыслей	10,50	10,50	10,55
Упрямство	8,83	10,25	11,76
Морализация	8,67	10,88	12,45
Катастрофизация	7,17	8,50	11,00
Выученная беспомощность	10,17	13,34	17,76
Максимализм	7,17	8,97	10,36
Преувеличение опасности	12,33	13,72	15,38
Гипернормативность	8,67	11,53	13,17

Источник: составлено автором по результатам исследования

Таблица 6. Межгрупповые различия по субшкалам CMQ в группах с разным уровнем личностной тревожности

Шкала CMQ	Н	р	ϵ^2
Персонализация	15,35	<0,001	0,173
Чтение мыслей	0,16	0,926	0,000
Упрямство	10,66	0,005	0,112
Морализация	14,13	<0,001	0,158
Катастрофизация	24,50	<0,001	0,292
Выученная беспомощность	36,50	<0,001	0,448
Максимализм	12,28	0,002	0,133
Преувеличение опасности	11,12	0,004	0,118
Гипернормативность	17,42	<0,001	0,200

Примечание: Н - статистика критерия Краскела-Уоллиса; ϵ^2 - размер эффекта. Источник: составлено автором по результатам исследования.

Из представленной таблицы видно, что наиболее контрастные межгрупповые сдвиги наблюдаются по шкалам катастрофизации и выученной беспомощности. По мере перехода от низкого к высокому уровню личностной тревожности средние значения этих шкал возрастают наиболее резко: для катастрофизации от 7,17 до 11,00, для выученной беспомощности от 10,17 до 17,76. Именно по этим субшкалам получены и наибольшие размеры эффекта, особенно по выученной беспомощности ($\epsilon^2 = 0,448$), что позволяет говорить о выраженной роли тем угрозы и субъективной неконтролируемости в структуре тревожности.

Содержательно это означает, что при нарастании личностной тревожности усиливаются не все когнитивные искажения в одинаковой мере. Наиболее чувствительными оказываются те из них, которые связаны с ожиданием неблагоприятного исхода, жесткими нормативными требованиями к себе и окружающим, а также переживанием дефицита возможностей влиять на ситуацию. Напротив, шкала чтение мыслей остается практически стабильной во всех трех группах, что согласуется с ее отсутствием корреляций с тревожностью в общей выборке.

Дополнительный контекст количественным результатам дают данные авторской анкеты. Они позволяют оценить не только тестовые показатели, но и субъективно переживаемую частоту тревоги, ее влияние на повседневную жизнь и распространенность отдельных когнитивных паттернов. Эти результаты не подменяют стандартизированные методики, а уточняют повседневное содержание тревожных переживаний у участников исследования.

Таблица 7. Данные авторской анкеты о частоте переживания тревоги и ее влиянии на повседневную жизнь

Показатель	Категория ответа	Абсолютное число	%
Частота выраженной тревоги	Никогда	14	17,5
	1-2 раза	36	45,0
	3-4 раза	14	17,5
	Почти каждый день	16	20,0
Влияние тревоги на повседневную жизнь	Совсем не мешает	12	15,0
	Немного мешает	41	51,2
	Заметно мешает	25	31,2
	Сильно мешает	2	2,5

Источник: составлено автором по результатам исследования

Как видно из таблицы 7, почти две трети респондентов переживают выраженную тревогу не реже одного-двух раз в неделю, а пятая часть сообщает о ее почти ежедневном возникновении. При этом более чем для трети участников тревога заметно или сильно мешает повседневной жизни. Эти данные хорошо согласуются с высокой долей высокой личностной тревожности по STAI-T и показывают, что тревога в исследуемой выборке имеет не только измерительный, но и поведенчески значимый статус.

Таблица 8. Наиболее распространенные когнитивные паттерны по данным авторской анкеты

Когнитивный паттерн	Пункты анкеты	M	SD
Трудности переносимости неопределенности	п. 12, п. 20	3,24	1,48
Представление наихудшего исхода	п. 9, п. 10	3,33	1,46
Тревожные прогнозы (what if)	п. 11	3,36	1,66
Негативный фильтр	п. 13, п. 14	3,26	1,52

Когнитивный паттерн	Пункты анкеты	M	SD
Дихотомическое мышление	п. 15, п. 16	2,81	1,45
Сверхобобщение	п. 17, п. 18	3,08	1,56
Переоценка последствий	п. 19	3,11	1,80

Источник: составлено автором по результатам исследования.

По данным таблицы 8, в повседневном мышлении участников наиболее заметны тревожные прогнозы, представление наихудшего исхода, негативный фильтр и трудности переносимости неопределенности. Это содержательно дополняет результаты CMQ и вновь выводит на первый план когнитивные темы угрозы и неопределенности. Дихотомическое мышление в авторской анкете выражено слабее, что также согласуется с тем, что ведущими предикторами тревожности в основной модели оказались не поляризованные оценки как таковые, а именно катастрофизация и выученная беспомощность.

Результаты множественной линейной регрессии представлены в таблице 9.

Таблица 9. Результаты множественной линейной регрессии: вклад когнитивных искажений в вариативность личностной тревожности

Предиктор	β	t	p
Персонализация	0,02	0,21	0,833
Чтение мыслей	- 0,14	- 1,76	0,083
Морализация	0,18	1,46	0,148
Катастрофизация	0,45	4,33	<0,001
Выученная беспомощность	0,44	3,58	<0,001
Максимализм	- 0,27	- 2,39	0,019
Преувеличение опасности	-0,01	- 0,10	0,924
Гипернормативность	0,08	0,71	0,481

Примечание: OLS; зависимая переменная STAI-T; предикторы стандартизованы (z). Источник: составлено автором по результатам исследования.

Модель значима: $F = 14,67$; $p < 0,001$; $R^2 = 0,623$; Adj. $R^2 = 0,581$. Наиболее устойчивые предикторы личностной тревожности - катастрофизация и выученная беспомощность. Отрицательный β по «максимализму» интерпретируется осторожно, поскольку при совместном учете взаимосвязанных предикторов знак коэффициента может не совпадать с парными корреляциями.

Для интерпретации результатов рассмотрим вклад ключевых когнитивных тем и их соотношение с данными клинических исследований тревожных расстройств. В центре выявленных связей оказываются две темы - угроза и контроль. Катастрофизация усиливает негативный прогноз и субъективную значимость неблагоприятного исхода, а выученная беспомощность отражает снижение оценки собственного влияния на ситуацию. Это совпадает с клиническими данными о том, что катастрофизация устойчиво встречается при тревожных расстройствах и относится к типичным когнитивным искажениям при паническом расстройстве, генерализованном тревожном расстройстве и социальном тревожном расстройстве [7, с. 1-2].

Отдельно значим отрицательный результат по «чтению мыслей»: в данной выборке оно не связано с тревожностью и не различает группы по личностной тревожности. Это снижает риск

механического переноса клинических описаний на любую неклиническую выборку. В представленном исследовании тревожность статистически сильнее связана с когнитивным прогнозированием угрозы и оценкой контроля, чем с социально-интерпретационными ошибками.

Полученные данные также важно соотнести с регуляторными процессами. С одной стороны, в выборках студентов показана обратная значимая связь когнитивных искажений и эмоциональной регуляции [8, с. 183, 192]. С другой стороны, приводятся данные о связи тревожных и депрессивных симптомов со снижением когнитивного торможения [6, с. 1-2]. Это поддерживает практическую логику комплексной работы: приоритетная когнитивная реструктуризация ключевых искажений - катастрофизации и выученной беспомощности - в сочетании с навыками саморегуляции, уменьшающими персеверацию на угрозе.

Распределение по уровням тревожности также заслуживает отдельного комментария. В выборке одновременно наблюдается умеренная выраженность ситуативной тревожности и заметная доля респондентов с высоким уровнем личностной тревожности, что указывает на различие между текущим эмоциональным состоянием и устойчивой тревожной диспозицией. Схожий разрыв между средними уровнями state и trait anxiety описан и в других исследованиях студенческих и молодых взрослых выборок [9, с. 6].

По полученным данным можно выделить несколько ключевых когнитивных тем. Катастрофизация отражает тенденцию к завышенной оценке вероятности и тяжести негативного исхода, поэтому ее роль как предиктора личностной тревожности выглядит закономерной. Выученная беспомощность фиксирует переживание отсутствия влияния на ход событий и потому тесно связана с устойчивой тревожной уязвимостью. Морализация и гипернормативность добавляют к этому внутреннее давление долженствований, повышая вероятность самокритики и напряженного мониторинга ошибок.

Отрицательный результат по чтению мыслей принципиален и в теоретическом отношении. Он показывает, что не каждое когнитивное искажение автоматически связано с тревожностью. В смешанной неклинической взрослой выборке межличностные ошибочные интерпретации сами по себе могут не выступать ведущим механизмом тревоги, если в центре переживания находятся не социальная оценка и не ожидание отвержения, а более общие темы угрозы, контроля и ответственности.

Практический вывод из этих данных состоит в том, что в профилактической и консультативной работе со взрослыми полезно дифференцировать когнитивные мишени. Наиболее перспективными направлениями выглядят психообразование о распознавании катастрофических сценариев, техники проверки вероятности и последствий негативного исхода, работа с переживанием неконтролируемости, а также смягчение жестких нормативных требований к себе. Для неклинических выборок такая работа может быть значима не только для снижения симптомов тревоги, но и для поддержания более устойчивого психологического благополучия.

Отдельное значение имеет методический вывод. Выбор нескольких индикаторов тревожности позволил увидеть, что профиль связей между когнитивными искажениями и тревожностью неоднороден. Одни и те же искажения сильнее соотносятся с личностной тревожностью, чем с ситуативной или соматизированной тревожной симптоматикой. Это подтверждает целесообразность многомерной оценки тревожности в исследованиях когнитивной уязвимости у взрослых.

С точки зрения когнитивной модели эти результаты подчеркивают, что тревожность у взрослых поддерживается не единичными ошибками мышления, а относительно устойчивыми конфигурациями когнитивной переработки. Когда ожидание угрозы сочетается с ощущением неконтролируемости и внутренним давлением долженствований, формируется особенно неблагоприятный профиль, способствующий закреплению тревожного фона. В этом смысле когнитивные искажения можно рассматривать как механизм, связывающий личностную уязвимость с повседневными интерпретациями событий.

Дополнительные анкетные данные подтверждают такую интерпретацию. Субъективные описания участников и результаты стандартизированных методик сходятся в том, что тревога чаще всего сопряжена с неопределенностью, негативным прогнозированием и переоценкой последствий. Таким

образом, качественные и количественные данные не противоречат друг другу, а дополняют общую картину.

Для дальнейших исследований представляется важным проследить, меняется ли структура связей когнитивных искажений и тревожности в разных возрастных когортах взрослых, а также в группах с различной профессиональной нагрузкой. Не менее значима проверка того, могут ли показатели эмоциональной регуляции, эмоционального интеллекта или исполнительного контроля усиливать либо ослаблять связь между когнитивными искажениями и тревожностью.

Практические и методические следствия.

С прикладной точки зрения полученные данные полезны для ранней психопрофилактической работы со взрослыми, которые не предъявляют жалоб на клинически выраженное тревожное расстройство, но регулярно сталкиваются с нарастающим фоновым напряжением, сомнениями и снижением субъективного контроля. В такой группе особенно важно не ограничиваться констатацией общего уровня тревожности, а выделять конкретные когнитивные узлы, за счет которых тревога поддерживается в повседневных ситуациях. Настоящие результаты показывают, что первоочередного внимания заслуживают катастрофизация, выученная беспомощность, морализация и гипернормативность. Именно эти паттерны образуют наиболее плотный контур связей с личностной тревожностью и потому могут рассматриваться как приоритетные мишени психологической помощи.

Для психокоррекционной практики это означает необходимость сочетать несколько направлений работы. Одно из них связано с распознаванием автоматических катастрофических прогнозов и проверкой того, как именно человек оценивает вероятность неблагоприятного исхода, его тяжесть и собственные ресурсы совладания. Другое направление связано с переживанием субъективной неконтролируемости, когда тревога поддерживается не только ожиданием угрозы, но и убеждением, что на ситуацию невозможно влиять. В этой точке становятся особенно значимыми техники, направленные на восстановление чувства агентности, пошаговое разложение проблемной ситуации на управляемые элементы, а также фиксация уже имеющегося опыта успешного воздействия на обстоятельства. Наконец, отдельной работы требуют жесткие внутренние долженствования, поддерживающие хроническое напряжение и страх ошибки. Их смягчение уменьшает внутренний нормативный прессинг и тем самым снижает вероятность устойчивого тревожного самоконтроля.

Методически важно и то, что включение нескольких инструментов оценки тревожности позволило развести разные уровни феномена. При использовании только одного индикатора можно было бы сделать слишком обобщенный вывод о связи тревожности и когнитивных искажений. Однако в настоящем исследовании видно, что одни и те же когнитивные темы по-разному соотносятся с ситуативной тревогой, личностной тревожностью и тревожной симптоматикой по шкале Бэка. Такое различие имеет значение как для исследовательского дизайна, так и для практической диагностики: оно позволяет точнее понимать, идет ли речь о временном усилении тревоги, о более устойчивой личностной диспозиции или о субъективно выраженной симптоматике.

Еще один важный вывод связан с интерпретацией данных неклинической выборки. Высокие показатели личностной тревожности в сочетании с умеренными и низкими уровнями по другим индикаторам не обязательно указывают на клиническое неблагополучие, но могут свидетельствовать о закрепившемся стиле переработки информации, который повышает чувствительность к неопределенности, ошибкам и возможным угрозам. Поэтому в работе со взрослыми вне клинического контекста целесообразно говорить не только о снижении симптомов, но и о формировании более гибкого когнитивного стиля. Такая постановка вопроса делает результаты исследования полезными не только для консультирования, но и для программ психообразования, стресс-менеджмента и профилактики эмоционального выгорания.

Перспективы использования результатов.

Полученные результаты можно использовать для более точного скрининга тревожной уязвимости в образовательной и организационной среде. Взрослые, совмещающие несколько ролей и постоянно действующие в условиях неопределенности, нередко демонстрируют не столько выраженную клиническую симптоматику, сколько устойчивый когнитивный стиль, повышающий вероятность

тревожного реагирования. В таких условиях краткие опросные программы, ориентированные на катастрофизацию, выученную беспомощность и гипернормативность, могут служить полезным инструментом раннего выявления групп риска.

Результаты исследования также важны для построения психообразовательных программ. Их можно использовать при разработке модулей, посвященных работе с неопределенностью, ошибками прогнозирования, повседневной самокритикой и восстановлением чувства контроля. Такая работа особенно значима для взрослых, чья тревожность поддерживается не острыми кризисами, а повторяющимися интерпретациями обычных жизненных событий как чрезмерно опасных, невосполнимых или требующих безошибочного поведения.

Наконец, представленные данные создают основу для дальнейшего перехода от описания отдельных когнитивных искажений к анализу их устойчивых сочетаний. Для практики это важно потому, что человек редко сталкивается только с одним изолированным паттерном мышления. Гораздо чаще тревожный фон формируется за счет комбинации катастрофических ожиданий, ощущения недостатка контроля, негативного фильтра и жестких внутренних стандартов. Следовательно, дальнейшая работа в этом направлении может быть связана с построением типологий когнитивных профилей тревожности у взрослых.

В прикладном аспекте это открывает возможность для более адресной персонализации психокоррекционной работы. Вместо универсального снижения «общей тревожности» специалист может работать с доминирующим когнитивным профилем конкретного человека: у одних ключевым звеном будет переоценка угрозы, у других переживание беспомощности, у третьих сочетание ригидных долженствований и негативного фильтра. Такой подход делает интервенцию более точной и может повышать ее эффективность даже в тех случаях, когда тревога еще не приобрела клинически выраженный характер.

Для исследовательской перспективы важно и то, что выявленные связи описывают не только содержание отдельных мыслей, но и более общий стиль обращения человека с неопределенностью. В этом смысле когнитивные искажения выступают не случайными эпизодами ошибочной оценки, а устойчивыми правилами интерпретации опыта. Расширение эмпирической базы за счет лонгитюдных и смешанных дизайнов позволит в дальнейшем точнее понять, какие из этих правил оказываются первичными, какие усиливают друг друга, а какие, напротив, теряют значение по мере изменения уровня тревожности.

Дополнительно практическую значимость результатов можно связать с задачами психологического сопровождения взрослых в образовательной и организационной среде. Для специалистов важно, что статистически значимые связи обнаружены не только между общим уровнем тревожности и суммарным показателем когнитивных искажений, но и между конкретными когнитивными темами и устойчивой тревожной уязвимостью. Это позволяет переходить от недифференцированного описания повышенной тревожности к более точному выделению мишеней помощи: переоценки угрозы, переживания недостатка контроля, жестких долженствований и негативной селекции информации. В профилактической работе такая детализация особенно ценна, поскольку помогает выстраивать короткие и адресные интервенции еще до формирования клинически выраженного расстройства.

С исследовательской точки зрения полученные данные подтверждают, что тревожность во взрослой неклинической выборке целесообразно рассматривать как многокомпонентный феномен. Использование одновременно STAI-S, STAI-T и BAI показало, что профиль связей с когнитивными искажениями неодинаков для текущего состояния, личностной диспозиции и субъективной симптоматики. Следовательно, дальнейшие исследования могут быть направлены на построение более точных моделей, где когнитивные искажения будут анализироваться совместно с показателями эмоциональной регуляции, переносимости неопределенности и субъективного контроля. Это позволит лучше понять, какие сочетания факторов оказываются наиболее критичными для поддержания длительного тревожного фона у взрослых.

Выводы.

В неклинической выборке взрослых когнитивные искажения статистически связаны с тревожностью по шкалам Спилбергера-Ханина и Бэка. При совместном учете предикторов наиболее значимый вклад в вариативность личностной тревожности вносят катастрофизация и выученная беспомощность. Межгрупповой анализ дополнительно показывает, что по мере роста личностной тревожности усиливаются прежде всего когнитивные темы угрозы, неконтролируемости и жестких долженствований, тогда как чтение мыслей в исследуемой выборке не выступает значимым тревожным маркером. Полученные результаты уточняют, какие именно когнитивные паттерны оказываются наиболее важными для понимания тревожности у взрослых вне клинического контекста.

Ограничения исследования связаны с кросс-секционным дизайном, самоотчетным характером методик, малочисленностью подгруппы низкой тревожности ($n = 6$), вариативностью надежности отдельных субшкал СМҚ и особенностями выборки, в которой преобладали социально активные взрослые, совмещающие учебные и профессиональные роли. В дальнейшем перспективно проверить устойчивость полученной модели на более разнообразных возрастных и профессиональных группах, а также дополнить самоотчетные показатели поведенческими и экспериментальными индикаторами когнитивной переработки информации.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Агишева А.А. Конструктивный потенциал тревожности и подходы к его пониманию // Российский психологический журнал. 2023. Т. 20. № 4. С. 42-62. DOI: 10.21702/rpj.2023.4.3.
2. Боброва Л.А. Когнитивные искажения (обзор) // Отечественная и зарубежная литература. Серия 3: Философия. 2021. № 2. С. 69-79. DOI: 10.31249/rphil/2021.02.04.
3. Маслов Е.С., Тихонов О.В. Когнитивные искажения и критическое мышление: учебно-методическое пособие. Казань: Казанский университет, 2022. 28 с.
4. Позняк К.В. Классификация когнитивных искажений // Право. Экономика. Психология. 2023. № 3(31). С. 68-75.
5. Сыченко Ю.А. Психологическое благополучие как личностный предиктор субъективного благополучия // Психология. Психофизиология. 2022. Т. 15. № 3. С. 793-796.
6. Bahri M., Farrahi H., Bahri M., Mahdavinataj H., Batouli S.A.H. Effects of depression and anxiety symptoms on cognitive inhibition: A cross-sectional study of structural and functional brain mechanisms // Psychiatry Research Communications. 2025. Vol. 5. Art. 100334. DOI: 10.1016/j.psycom.2025.100334.
7. Özdemir İ., Kuru E. Investigation of Cognitive Distortions in Panic Disorder, Generalized Anxiety Disorder and Social Anxiety Disorder // Journal of Clinical Medicine. 2023. Vol. 12. No. 19. Art. 6351. DOI: 10.3390/jcm12196351.
8. Shawareb I.J., Alnasraween M.S. The Level of Cognitive Distortions and their Relationship to Emotional Regulation among University Students in Jordan // Journal of Educational and Social Research. 2025. Vol. 15. No. 3. P. 183-194. DOI: 10.36941/jesr-2025-0090.
9. Valera P.E.M., Bouroncle M.R., Gallegos A., Aliaga Bravo V.D.C., Valencia J. State anxiety and trait anxiety associated with social anxiety in university students // Cogent Social Sciences. 2024. Vol. 10. No. 1. Art. 2356055. DOI: 10.1080/23311886.2024.2356055.
10. Watson D., Stanton K., Clark L.A. Classification of fear and anxiety problems among adults: a model-based approach // Annual Review of Clinical Psychology. 2022. Vol. 18. P. 223-247. DOI: 10.1146/annurev-clinpsy-072220-021658.
11. Yazıcı-Çelebi G., Kaya F. Interpersonal Cognitive Distortions and Anxiety: The Mediating Role of Emotional Intelligence // International Journal of Psychology and Educational Studies. 2022. Vol. 9. No. 3. P. 741-753. DOI: 10.52380/ijpes.2022.9.3.769.

ОБ АВТОРАХ:**Точилина Татьяна Васильевна,**

Кандидат психологических наук, доцент

АНОВО «Московский международный университет», г. Москва, Россия

Шарова Ольга Львовна,

Кандидат социологических наук, доцент,

АНОВО «Московский международный университет», г. Москва, Россия

ABOUT THE AUTHORS:**Tochilina Tatiana V.,**

PhD (Psychology), associate professor

Autonomous Noncommercial Organization of Higher Education "Moscow International University" (Moscow International University), Moscow, Russia

Sharova Olga V.,

PhD (Sociology), associate professor

Autonomous Noncommercial Organization of Higher Education "Moscow International University" (Moscow International University), Moscow, Russia

УДК 159.99

Точилина Т. В., Шарова О. Л.

Психологический фундамент профессии: о роли самоотношения в формировании профессиональной идентичности студентов-психологов

В статье изложены результаты эмпирического исследования профессиональной идентичности у студентов-психологов и практикующих психологов. Был предпринят анализ роли самоотношения указанных групп респондентов в развитии профессиональной идентичности. Для проверки выдвинутых гипотез были использованы методы тестирования, качественного и количественного анализа данных. Получены эмпирические данные по методикам исследования самоотношения С.Р. Пантелеев (МИС) и исследования профессиональной идентичности Л.Б. Шнейдер (МИПИ). Раскрыта динамика развития профессиональной идентичности у студентов-психологов на протяжении трех лет обучения в вузе.

Ключевые слова: Студенты-психологи, профессиональная идентичность, самоотношение личности.

Для цитирования: Точилина Т. В., Шарова О. Л. Психологический фундамент профессии: о роли самоотношения в формировании профессиональной идентичности студентов-психологов // Социально-гуманитарные технологии. 2026. №2 (38). С. 121-128.

Tochilina T.V., Sharova O.V.

The psychological foundation of the profession: on the role of self-attitude in the formation of professional identity of psychology students

The article presents the results of an empirical study of the professional identity of psychology students and practicing psychologists. An analysis of the role of the self-attitude of these groups of respondents in the development of professional identity was undertaken. Testing methods, qualitative and quantitative data analysis were used to verify the hypotheses put forward. Empirical data have been obtained on the methods of S.R. Panteleev's self-attitude research (MIS) and L.B. Schneider's professional identity research (MIPI). The dynamics of professional identity development among psychology students during the three years of study at the university is revealed.

Keywords: Psychology students, professional identity, self-attitude.

For citation: Tochilina T.V., Sharova O.V. The psychological foundation of the profession: on the role of self-attitude in the formation of professional identity of psychology students. *Sotsial'no-gumanitarnye tekhnologii*. 2026; 2 (38): 121-128. (In Russ.)

Профессиональное становление студентов – психологов можно определить, как сложный путь, сочетающий в себе усвоение суммы знаний, а с другой стороны глубоко личностный процесс по самоопределению и построению профессиональной Я-концепции личности, то есть профессиональной идентичности.

Об актуальности данной проблемы говорят многочисленные исследования коллег, которые позволяют утверждать, что «сформированная профессиональная идентичность оказывает значительное влияние на удовлетворенность работой, стрессоустойчивость и мотивацию к дальнейшему развитию» (Корчагин, Лобанова, 2025).

В контексте высшего образования было установлено, что студенты на поздних этапах обучения (например, магистратуры) демонстрируют более высокий уровень профессиональной идентичности, что связывают с интеграцией знаний, навыков и личностных особенностей (там же). При этом ключевым аспектом формирования любой идентичности является *система самоотношения личности*. Как человек воспринимает и оценивает себя, насколько он уверен в своих силах и считает ли себя способным к развитию — все эти компоненты, диагностируемые, в частности, с помощью методики исследования самоотношения (МИС) С.Р. Пантелеева, по всей видимости, являются важным внутренним ресурсом для построения целостной профессиональной идентичности.

Профессиональная идентичность понимается в работе как динамический процесс интеграции личностных характеристик и профессиональных требований (Шнейдер, 2001), составляющий единство когнитивного, поведенческого и эмоционального компонентов и являющийся частью социальной идентичности личности. Для измерения её выраженности широко используется модель статусов, включающая диффузную идентичность, мораторий, достигнутую, преждевременную и псевдоидентичность.

Формирование профессиональной идентичности представляет собой сложный, многоуровневый процесс, включающий социальную категоризацию, идентификацию и отчуждение (Чистоходова Л.И., Лавров Н.Н.)³. В современном контексте этот процесс усложняется из-за стремительных изменений в профессиях, что затрудняет прогнозирование будущих компетенций и норм. Указанные учёные выявили особенности становления профессиональной идентичности в современном российском обществе, определили стадии профессионального становления и указали на особую роль рефлексии в данном процессе.

В ряде исследований акцент в формировании профессиональной идентичности был смещён в сторону образовательного процесса в вузе. Как показывают исследования (Белякова Е.Г., Быков А.С.; Бура Л.Н.)⁴, зрелая профессиональная идентичность у студентов связана с осмысленностью жизни и внутренней мотивацией, а ее развитию способствует создание в университете условий для профессионального самоопределения через практику и рефлексия.

Кроме того, выявленная связь между академической мотивацией (особенно внутренней) и профессиональной идентичностью (Корчагин, Лобанова, 2025) позволяет предположить наличие связи с таким компонентом самоотношения, как «Самоценность», отражающим восприятие себя как значимой личности, чья деятельность имеет внутренний смысл. Таким образом, можно гипотетически связать структурные компоненты самоотношения с процессом профессионального самоопределения: позитивное самоотношение может выступать психологической основой, облегчающей интеграцию профессиональной роли в целостный образ «Я»⁵

Проведенный анализ позволяет заключить, что профессиональная идентичность студента-психолога является не статичным результатом, а динамическим, рефлексивным процессом, находящимся под влиянием как внешних (образовательная среда, практика), так и внутренних факторов. Ключевым внутренним фактором, интегрирующим когнитивные, эмоциональные и поведенческие аспекты этого процесса, выступает самоотношение личности.

Рассматривая самоотношение как систему эмоционально-ценностных установок личности по отношению к себе (Пантелеев⁶), важно учитывать, как эти установки проявляются и структурируются в профессиональном контексте. Структура самоотношения по Пантелееву включает такие аспекты, как

³ Чистоходова, Л.И., Лавров, Н.Н. Теоретическая модель развития профессиональной идентичности специалиста / Н.Н. Лавров, Л.И. Чистоходова // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2012.-№ 1. -С. 119-124

⁴Белякова Е. Г., Быков С. А. Личностные предикторы профессионального самоопределения студентов-первокурсников университета // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2024. – № 7 (июль). – С. 170–186. – URL: <http://e-koncept.ru/2024/241112.htm> (дата обращения: 10.11.2025 Бура, Л.В. Формирование профессиональной идентичности обучающихся бакалавриата / Л.В. Бура // Гуманитарные науки. – 2020. – № 3(51). – С. 41-48

⁵Корчагин Е.Н., Лобанова А.В.Профессиональная идентичность студентов психолого-педагогического направления подготовкиСовременная зарубежная психология.2025. Том 14. № 1. С. 45—56.

⁶Пантелеев С.Р. Самоотношение как эмоционально-оценочная система / С.Р. Пантелеев. — Москва: Изд-во Моск. ун-та, 1991. С. 110.

самоуважение, аутосимпатия и самообвинение, которые формируют общее эмоционально-ценностное отношение личности к себе. Однако важно учитывать, что самоотношение проявляется не только в глобальном контексте, но и в конкретных сферах, одной из которых является профессиональное становление.

Для специалистов помогающих профессий ключевое значение приобретает становление просоциальной личности, структурные компоненты которой были эмпирически выделены и обоснованы Н. В. Кухтовой (2021). Согласно ее исследованию, просоциальная личность включает в себя четыре ключевых компонента:

- Мотивационный (альтруистические побуждения, направленность на помощь)
- Эмоциональный (эмпатия, сострадание, эмпатическая забота)
- Когнитивный (рефлексия, компетентность, просоциальная идентичность)
- Поведенческий (реальные действия помощи, соблюдение норм)

Данная модель позволяет выдвинуть предположение о том, что позитивное самоотношение является психологическим фундаментом для формирования этих компонентов. Так, *самоуважение* и *аутосимпатия* могут выступать внутренним ресурсом для мотивационной готовности к помощи и эмоциональной устойчивости, необходимой для эмпатии. В то же время, *внутренняя конфликтность* и *самообвинение* могут блокировать просоциальные проявления, истощая личностные ресурсы. Таким образом, компоненты просоциальной личности могут служить важным содержательным "мостом", связывающим глубинное самоотношение студента-психолога с его будущей профессиональной деятельностью и идентичностью...⁷»

Для нашего исследования актуальными являются данные представленные в исследовании Кедяровой Е.А. и др. (2023), в котором, в частности, было показано, что у студентов-психологов наблюдается высокая самооценка лидерских качеств (73% респондентов), которая, однако, не подкреплена развитыми поведенческими навыками. Авторы отмечают, что это может быть связано с содержанием психологического образования, которое формирует уверенность в своих коммуникативных способностях, но не всегда обеспечивает достаточную практику для реализации лидерского потенциала.

Этот вывод согласуется с концепцией Пантелеева: завышенная самооценка в конкретной сфере при отсутствии реальных компетенций может указывать на дисбаланс между самоуважением и аутосимпатией, когда студенты склонны переоценивать свои возможности в силу недостаточной рефлексии или защитных механизмов. Таким образом, изучение самоотношения будущих психологов требует учета не только общих показателей, но и их специфического преломления в профессиональном контексте, таком как лидерская компетентность...⁸»

Как же связаны между собой профессиональная идентификация и само отношение личности студентов –психологов? Почему данное сочетание представляется актуальным?

Во-первых, оба рассматриваемых психологических феномена относятся к аспектам «Я-концепции». Позитивное самоотношение является психологическим ресурсом и фундаментом, на котором строится любая идентичность, в том числе и профессиональная. Студент с устойчивым самоуважением и самопринятием имеет более прочную базу для профессионального самоопределения.

Во-вторых, значение рефлексии, её сформированности. Студент постоянно анализирует себя: "Как я реагирую на клиента?", "Какие мои личные черты мешают/помогают?", "Справляюсь ли я?". Качество этого процесса напрямую зависит от самоотношения.

В-третьих, самопринятие (аутосимпатия) позволяет конструктивно работать со своими ограничениями, что критически важно и при формировании профессиональной идентичности и в психологической практике.

⁷Кухтова Н. В. Структурные компоненты просоциальной личности специалистов, ориентированных на оказание помощи // Психология человека в образовании. 2021. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/strukturnye-komponenty-prosotsialnoy-lichnosti-spetsialistov-orientirovannyh-na-okazanie-pomoschi> (дата обращения: 19.11.2025).

⁸Кедярова Е. А., Сукнева Е. А., Чернецкая Н. И. Особенности лидерской компетентности у студентов, осваивающих помогающие профессии //Известия Иркутского государственного университета. Серия: Психология. – 2023. – Т. 45. – С. 15-27.

Таким образом, проведенный теоретический анализ позволяет предположить тесную и многогранную связь между компонентами самоотношения (самоуважение, аутосимпатия, внутренняя конфликтность) и параметрами профессиональной идентичности (ее сформированность, ясность, устойчивость, позитивность).

Сочетание исследования профессиональной идентичности и самоотношения позволит вскрыть внутренние механизмы профессионального становления: позитивное самоотношение (самоуважение, самопринятие) выступает ресурсом для активного поиска идентичности (моратория) и ее достижения, в то время как негативное (внутренняя конфликтность, самообвинение) может блокировать этот процесс, приводя к диффузной или преждевременной идентичности. Эмпирическая проверка данных взаимосвязей и составляет основную цель дальнейшего исследования.

В настоящем исследовании участвовало 123 респондента. Респонденты представляли собой две группы:

1. Практические психологи 42 человека. В качестве практических психологов выступали специалисты, имеющие стаж консультативной психологической деятельности от 1 до 5 лет (средний период 2,7 года). Возраст данной группы респондентов от 23 до 39 лет. Распределение по гендерному признаку: 8 мужчин и 34 женщины. В большей степени психологи использовали направления психологической помощи такие как: когнитивно-поведенческая терапия, гештальт-терапия и арт-терапия.

2. Студенты, обучающиеся по профилю «Психология» 37.03.01 - 81 человек. Средний возраст обучающихся 22,5 лет. Студенты очного и очно-заочной форм обучения. Мужчин 15 человек и 66 человек женщин. Студенты обучались на 2-4 курсах: 32 человека (2 курс), 27 человек (3 курс), 22 человека (4 курс).

Предмет исследования - роль самоотношения в формировании профессиональной идентичности студентов-психологов.

Цель исследования состояла в изучении роли самоотношения в формировании профессиональной идентичности студентов -психологов.

Задачи эмпирического исследования:

1. Провести сбор данных об уровне профессиональной идентичности у студентов-психологов и практических психологов.

2. Выявить уровень самоотношения у студентов-психологов.

3. Изучить динамику развития профессиональной идентичности у студентов и специалистов.

4. Раскрыть роль самоотношения в формировании профессиональной идентичности студентов-психологов.

5. Подвести итоги психологического исследования.

Методы исследования.

Исследование проводилось в 2025 г. на базе двух учебных учреждений: АНОВО «Московский международный университет» и ФГБОУ ВО «Технологический университет имени дважды Героя Советского Союза, лётчика-космонавта А.А. Леонова». Для практикующих психологов была использована Гугл-форма для заполнения психологических методик исследования.

Для проведения исследования использовались следующие методики:

– Анкета для сбора социально-демографических характеристик (возраст, пол, стаж работы и др.)

– Методика исследования самоотношения С.Р. Пантелеев (МИС)

– Методика исследования профессиональной идентичности Л.Б.Шнейдер (МИПИ)

Обработка данных осуществлялась с помощью методов математической статистики: U-критерий Манна-Уитни, t-критерий Стьюдента для независимых выборок, критерий Н-критерий Краскела — Уоллиса, регрессионный анализ данных. Расчеты проводились с помощью программного пакета STATISTICA 9.0.

Гипотезой исследования выступают следующие предположения:

1. Самоотношение личности играет ключевую роль в формировании профессиональной идентичности: факторы «саморуководство», «отражённое самоотношение», «самоценность» и

«самопринятие» оказывают влияние на формирование позитивной профессиональной идентичности студентов.

2. В профессионализации студентов-психологов главным фактором развития самоотношения является «саморуководство».

Результаты и обсуждение эмпирического исследования

Для оценки особенностей формирования профессиональной идентичности студентов был проведен качественный анализ эмпирических данных, полученных с помощью МИПИ. Как видно из рисунка 1, типы профессиональной идентичности распределены следующим образом:

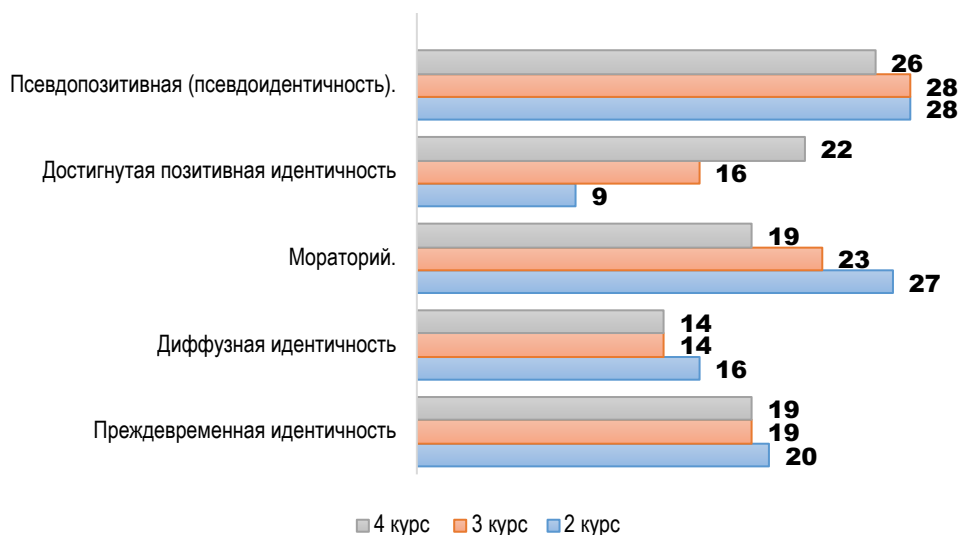

Рисунок 1. Типы профессиональной идентичности у студентов 2, 3 и 4 курсов

Следует отметить, что тип профессиональной идентичности - достигнутая позитивная идентичность развивается у студентов на протяжении трех лет обучения (с 9% до 22%). Достигнутая позитивная идентичности формируется на основе совокупности личностно значимых целей, ценностей и убеждений, переживаемых как личностно значимые и обеспечивающие чувство осмысленности жизни в профессиональном плане. Позитивная идентичность способствует усвоению и укреплению профессиональных компетенций психолога и раскрывает его личностный потенциал в аспекте профессионального выбора. Данный тип идентичности обеспечивает эффективное построение карьеры и профессионального пути.

Выраженность типа профессиональной идентичности моратория начинает снижаться от 2 к 4 курсу обучения студентов-психологов (27%; 18% соответственно). Кризис идентичности испытывают почти треть студентов третьего курса, что проявляется в поиске смыслов профессии и определения ценностно-смысловой парадигмы профессионального плана. При данном типе профессиональной идентичности человек активно пытается разрешить кризис профессиональной идентичности, пробуя новые варианты в его поиске.

Псевдопозитивная, диффузная и преждевременная типы идентичности не имеют различий как в качественном, так и в количественном значении. Следовательно, группы студентов с данными типами профессиональной идентичности имеют ожидания от будущей профессии психолога либо как крайне положительные (псевдопозитивная и преждевременная типы), либо как смутные, неясные (диффузный тип).

Достоверность различий оценивалась при помощи Н-критерий Краскела — Уоллиса. Статистически значимые различия в структуре идентичности испытуемых зафиксированы в развитии достигнутой позитивной идентичности ($p \leq 0,01$), остальные типы профессиональной идентичности не нашли статистических различий у студентов 2, 3 и 4 курсов. Данные результаты могут быть интерпретированы в контексте развития профессионализации личности. Позитивная профессиональная

идентичность развивается как синергия личностных и познавательных характеристик, следовательно, студенты в процессе освоения профессии совершенствуют свои личностные качества.

Для сравнения типов профессиональной идентичности у студентов-психологов и практических психологов была построена диаграмма (рис. 2).

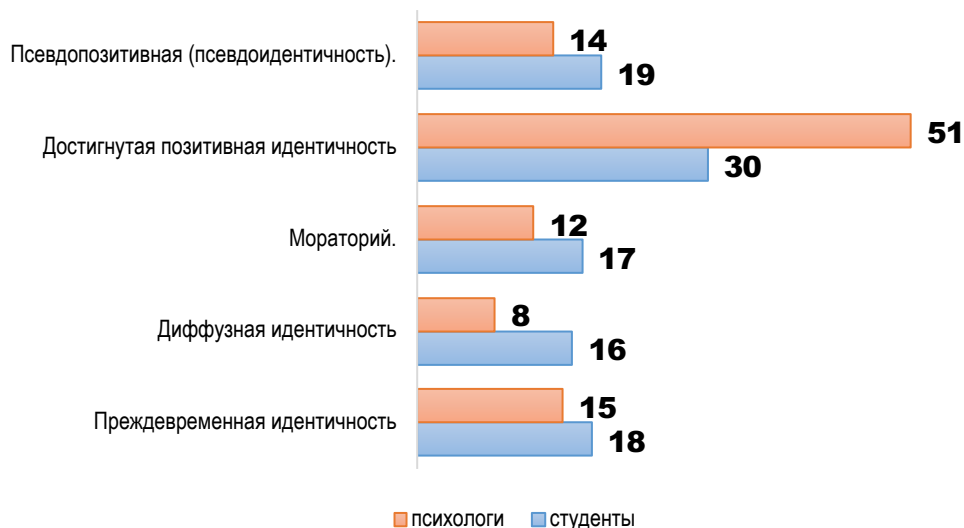

Рисунок 2. Типы профессиональной идентичности у студентов и психологов

Из рисунка 2 мы можем наблюдать существенные различия в распределении типов профессиональной идентичности между практикующими психологами и студентами-психологами: диффузная и позитивная достигнутая идентичность. Для проверки выявленных различий мы использовали t-критерий Стьюдента для независимых выборок, предварительно оценив нормальность распределения значений по каждому типу идентичности ($p \leq 0,05$ диффузная идентичность; $p \leq 0,01$ позитивная достигнутая идентичность). Остальные типы идентичности не имеют статистически значимых различий. Такие показатели профессиональной идентичности у студентов-психологов и практических психологов можно объяснить продолжительностью профессиональной деятельности. Это важный фактор, обуславливающий развитие профессиональных навыков.

Исследование самоотношения проходило с помощью методики МИС С.Р. Пантелеева. Самоотношение мы рассматриваем как сложную систему оценивания личности, отражение смысла «Я» для субъекта. В таблице 1 отражены полученные результаты.

Таблица 1. Средние значения результатов исследования самоотношения у студентов-психологов

Шкалы теста	2 курс	3 курс	4 курс
Закрытость	1,6	2,2	2,3
Самоуверенность	5,7	7,8	8,2
Саморуководство	4,8	8,2	7,9
Отражённое самоотношение	6,3	7,1	8,2
Самоценность	4,1	5,3	6,4
Самопринятие	3,2	6,8	7,2
Самопривязанность	3,8	4,6	4,6
Внутренняя конфликтность	8,3	5,2	5,1
Самообвинение	2,4	2,8	1,4

Для изучения различий в выраженности шкал теста был использован U - критерий Манна-Уитни. Так между показателями шкал «Саморуководство», «Самопринятие» были получены статистически значимые отличия у студентов 2 и 4 курсов (на уровне $p \leq 0,01$). Следует отметить, что большая часть шкал имеют среднюю степень выраженности. У студентов 2-4 курсов отмечается низкая степень закрытости, то есть респонденты склонны к проявлению честности, открытости, предпринимают определенную активность к преодолению внутренних психологических защит. Такие студенты развивают собственное видение ситуации и готовы к критической оценке собственного поведения.

Шкала «Самоуверенность» отражает уважение к своим результатам деятельности, к своему выбору. Студенты имеют благополучную картину проявления уверенности. Они достаточно работоспособны, ориентированы на успех в будущих начинаниях. Можно отметить небольшую динамику в развитии самоуверенности у студентов на протяжении трех лет обучения в вузе, но она не подкрепляется статистической проверкой.

Наибольшую выраженность в повышении показателей имеет шкала «Саморуководство» Они подтверждают факт о том, что студенты-психологи развивают отношение личности к себе как к активному, самостоятельному человеку. Студенты с высокими показателями Саморуководства могут планировать свои действия и осознанно влиять на результаты своей учебной деятельности. Они направляют свою активность, им свойственен самоконтроль реакций и переживаний. Подобные итоги диагностики можно увидеть у студентов по шкале «Отражённое самоотношение». Студенты-психологи ощущают в себе общительность, эмоциональную открытость для взаимодействия с окружающими, легкость установления контактов. Респонденты склонны вызывать у людей позитивное отношение к себе.

Шкалы «Самоценность» и «Самопринятие» отражает эмоциональную оценку респондентом ценности собственного «Я» для окружающих и степень принятия своей личности. Это наиболее существенные психологические компоненты личности психолога. На основе адекватной оценки себя, признания своей уникальности возможна работа над построением своего профессионального пути. Даже недостатки характера респонденты с высокими значениями склонны воспринимать как продолжение достоинств.

По шкале «Самопривязанность» выявлены средние значения, и это значит, что присутствует умеренная степень желания менять что-то в своей личности. Студенты избирательно оценивают необходимость изменений «Я-концепции», видят неоднозначность тотальной коррекции своей личности, они могут изменяться по отношению к своему наличному состоянию.

Оставшиеся шкалы «Внутренняя конфликтность» и «Самообвинение» по сути противопоставляются шкале «Самопринятие» и отражают целостность личности. При высоких значениях данные шкалы указывают на тенденции заикливаться на собственных недостатках, видеть негативные стороны своей личности. Эти шкалы выявляет наличие внутренних конфликтов, сомнений, несогласия с собой, выраженность отрицательных эмоций.

Между самоотношением практических психологов и психологов-студентов не было выявлено статистически значимых различий по всем шкалам теста МИС.

Для проверки гипотезы о том, что главным фактором развития самоотношения является «саморуководство» был использован критерий Н-критерий Краскела — Уоллиса, для $n=81$. ($H_{эмп}=9,52$, $p \leq 0,01$). Таким образом, можно утверждать, что умение студентов координировать свои действия и чувства в аспекте профессионального развития, согласовывать и прогнозировать профессиональные знания и навыки позволяют стать более успешным в избранной профессии.

Был использован факторы метод регрессионного анализа данных для проверки гипотезы о том, что «саморуководство», «отражённое самоотношение», «самоценность» и «самопринятие» оказывают влияние на формирование позитивной профессиональной идентичности студентов. Регрессионный анализ позволяет выявить влияние независимой переменной на зависимую переменную. Так, были получены статистически значимые показатели ($F_{эмп}=15,7$ $p \leq 0,01$; $F_{эмп}=11,1$ $p \leq 0,01$, $F_{эмп}=12,7$ $p \leq 0,01$) по факторам саморуководство, «самоценность» и «самопринятие» соответственно.

Заключение

Самоотношение личности играет важную роль в формировании профессиональной идентичности студентов-психологов, оно определяет профессиональную карьеру и личностное развитие. Самораскрытие как необходимое условие понимания своих личностных особенностей, ценностей и установок становится базисом процесса осознания слабых и сильных сторон собственной личности студентами-психологами.

Проанализировав полученные результаты мы пришли к следующим выводам.

1. Из всех типов профессиональной идентичности по методике исследования профессиональной идентичности Л.Б.Шнейдер (МИПИ) динамика развития наблюдается только в отношении типа – достигнутая позитивная идентичность.

2. Между студентами-психологами и практическими психологами присутствуют различия в выраженности типов профессиональной идентичности – позитивная идентичность и диффузная идентичность. Практические психологи отличаются от студентов-психологов слабой выраженностью диффузной идентичностью и сильной – достигнутой позитивной идентичностью.

3. Шкалы «Саморуководство», «Самопринятие» более развиты у студентов 2 курса по сравнению со студентами 4 курса.

4. Наибольшую выраженность в повышении показателей имеет шкала «Саморуководство» по методике исследования самоотношения С.Р. Пантелеев (МИС)

5. Факторы «саморуководство», «самоценность» и «самопринятие» играют ключевую роль в формировании позитивной профессиональной идентичности у студентов-психологов.

На основе представленных результатов, можно сделать вывод, что развитое самоотношение формирует основу для успешной профессиональной идентичности и способствует становлению высококвалифицированных и самодостаточных специалистов в области психологии. В полной мере это касается развития профессиональной деятельности. Развитие профессионала начинается еще на стадии обучения, хотя речь еще не идет о собственно профессиональной деятельности, именно в процессе получения профессионального образования закладывается фундамент будущей профессиональной идентичности. Важно, чтобы учреждения высшего образования уделяли внимание этому аспекту, создавая условия для саморефлексии и личностного роста студентов, что впоследствии отразится на их профессиональном пути и взаимодействии с клиентами.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Белякова Е. Г., Быков С. А. Личностные предикторы профессионального самоопределения студентов-первокурсников университета // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2024. – № 7 (июль). – С. 170–186. – URL: <http://e-koncept.ru/2024/241112.htm> (дата обращения: 08.06.2026 Бура, Л.В. Формирование профессиональной идентичности обучающихся бакалавриата / Л.В. Бура // Гуманитарные науки. – 2020. – № 3(51). – С. 41-48
2. Кедярова Е. А., Сукнева Е. А., Чернецкая Н. И. Особенности лидерской компетентности у студентов, осваивающих помогающие профессии // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Психология. – 2023. – Т. 45. – С. 15-27.
3. Корчагин Е.Н., Лобанова А.В. Профессиональная идентичность студентов психолого-педагогического направления подготовки «Современная зарубежная психология» - 2025. Том 14. № 1. С. 45—56.
4. Пантелеев С.Р. Самоотношение как эмоционально-оценочная система / С.Р. Пантелеев. — Москва: Изд-во Моск. ун-та, 1991. С. 110.
5. Кухтова Н. В. Структурные компоненты просоциальной личности специалистов, ориентированных на оказание помощи // Психология человека в образовании. 2021. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/strukturnye-komponenty-prosotsialnoy-lichnosti-spetsialistov-orientirovannyh-na-okazanie-pomoschi> (дата обращения: 08.06.2026).
6. Чистоходова, Л.И., Лавров, Н.Н. Теоретическая модель развития профессиональной идентичности специалиста / Н.Н. Лавров, Л.И. Чистоходова // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2012.-№ 1. - С. 119-124.

5.8.7 МЕТОДОЛОГИЯ И ТЕХНОЛОГИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

УДК 378

ОБ АВТОРЕ:

Афони́на Раи́са Николаевна,
кандидат сельскохозяйственных наук, доцент,
магистр педагогических наук, доцент кафедры
социально-экономических и гуманитарных
дисциплин,
*Алтайский государственный педагогический
университет, Барнаул, Россия*

ABOUT THE AUTHOR:

Afonina Raisa N.,
Candidate of Agricultural Sciences, Associate
Professor, Master of Pedagogical Sciences, Associate
Professor of the Department of Social, Economic, and
Humanitarian Disciplines,
Altai State Pedagogical University, Barnaul, Russia

Афони́на Р.Н.

Диалогическая модель в междисциплинарной интеграции дисциплин «Профессиональная педагогическая этика» и «Основы духовно-нравственного воспитания»

В статье представлена диалогическая модель междисциплинарной интеграции дисциплин «Профессиональная педагогическая этика» и «Основы духовно-нравственного воспитания» в педагогическом университете. Модель включает содержательный, методический и процессуальный компоненты, обеспечивающие преемственность диалогических приёмов обучения. Приведены результаты педагогического эксперимента, подтверждающие статистически значимое повышение уровня сформированности ценностно-

этической компетентности у студентов экспериментальной группы. Доказано, что применение диалогической модели на междисциплинарном уровне приводит к статистически значимому повышению уровня сформированности ценностно-этической компетентности у студентов педагогического университета.

Ключевые слова: диалогическая модель, междисциплинарная интеграция.

Для цитирования: Афони́на Р.Н. Диалогическая модель в междисциплинарной интеграции дисциплин «Профессиональная педагогическая этика» и «Основы духовно-нравственного воспитания» // Социально-гуманитарные технологии. 2026. №2 (38). С. 129-134.

Afonina R. N.

A dialogical model in the interdisciplinary integration of the disciplines of «Professional pedagogical ethics» and «Fundamentals of spiritual and moral education»

The article presents a dialogical model of interdisciplinary integration of the disciplines "Professional pedagogical ethics" and "Fundamentals of spiritual and moral education" at the pedagogical University. The model includes substantive, methodological and procedural components that ensure the continuity of dialogical teaching methods. The results of the pedagogical experiment are presented, confirming a statistically significant increase in the level of value-ethical competence formation among the students of the experimental group. It is proved that the application of the dialogical model at the interdisciplinary level leads to a statistically significant increase in the level of value-ethical competence formation among students of the pedagogical university.

Keywords: dialogic model, interdisciplinary integration.

For citation: Afonina R. N. A dialogical model in the interdisciplinary integration of the disciplines of «Professional pedagogical ethics» and «Fundamentals of spiritual and moral education». *Sotsial'no-gumanitarnye tekhnologii*. 2026; 2 (38): 129-134. (In Russ.)

Введение

Подготовка будущего педагога-гуманитария в современном вузе требует не только освоения предметного содержания, но и развития способности к смыслопорождению, рефлексии и ответственному диалогу с участниками образовательного процесса. Гуманитарная природа педагогической деятельности заключается в том, что её ключевые феномены – воспитание, развитие личности, передача ценностей – не могут быть освоены монологически, через трансляцию готовых истин. Они требуют диалогического способа присвоения ценностей и профессиональных норм, при котором знание становится личностно значимым, а норма – внутренним ориентиром действия. Это определяет актуальность и значимость преемственности диалогической методики для дисциплин, обеспечивающих становление профессионально-этической и духовно-нравственной компетенций современного учителя.

Профессиональный стандарт педагога [1] фиксирует требования к трудовым действиям в области воспитательной работы, включая развитие у обучающихся нравственных чувств, убеждений, культуры поведения, а также соблюдение правовых, нравственных и этических норм. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования по направлению подготовки 44.03.01 Педагогическое образование (уровень бакалавриата) [2] закрепляет в числе обязательных общепрофессиональных компетенций способность руководствоваться принципами профессиональной этики в педагогической деятельности (ОПК-1) и способность осуществлять духовно-нравственное воспитание обучающихся на основе базовых национальных ценностей (ОПК-4). Ключевыми для формирования названных компетенций выступают дисциплины «Профессиональная педагогическая этика» и «Основы духовно-нравственного воспитания», призванные сформировать у студента способность действовать в ситуациях моральной неопределённости, выстраивать воспитательную работу в поликультурной и поликонфессиональной среде, сохраняя баланс между профессиональным долгом и внутренними убеждениями.

Междисциплинарная интеграция в данном случае выступает как способ организации образовательного процесса, при котором диалогическая методика, применяемая в одном курсе, получает своё продолжение и углубление в другом. Это позволяет построить для студента единое смысловое поле профессионально-этического становления, где его собственная ценностная позиция становится основой для будущей воспитательной деятельности [11, с. 38]. В этой аналитической рамке интеграция рассматривается по трём компонентам: содержательному, методическому и процессуальному.

Методология

Исследование опирается на философско-педагогическую концепцию диалогизма М.М. Бахтина [4; 5]; идеи диалога культур В.С. Библера [6]; теорию деятельностного подхода А.Н. Леонтьева [7], Г.П. Щедровицкого [10]; положения аксиологического подхода Б.Г. Ананьева [3]; принцип субъектного подхода С.Л. Рубинштейна [9], А.С. Брушлинского [8].

В качестве методов исследования использовались теоретический анализ литературы, моделирование, анализ вузовских рабочих программ, а также педагогический эксперимент.

Цель исследования – представить диалогическую модель междисциплинарной интеграции дисциплин «Профессиональная педагогическая этика» и «Основы духовно-нравственного воспитания» и результаты её экспериментальной апробации в педагогическом университете.

При рассмотрении вопросов интеграции учебных дисциплин «Профессиональная педагогическая этика» и «Основы духовно-нравственного воспитания» необходимо акцентирование не только на содержательном согласовании тем, но и на логике перевода ценности в профессиональный принцип действия.

Результаты

В ходе работы была спроектирована и апробирована диалогическая модель междисциплинарной интеграции дисциплин «Профессиональная педагогическая этика» (2 курс) и «Основы духовно-нравственного воспитания» (3 курс), которая обеспечивает содержательную и методическую преемственность между ними. Модель включает три практических компонента: содержательный, методический и процессуальный.

Содержательный компонент

При разработке содержательного компонента модели были установлены темы для интеграции как точки смыслового сопряжения между нормативными понятиями профессиональной этики и ценностными категориями духовно-нравственного воспитания. Примеры содержательной интеграции представлены в таблице 1.

Таблица 1. Интеграция тем учебных дисциплин «Профессиональная педагогическая этика» и «Основы духовно-нравственного воспитания»

№ п/п	Профессиональная педагогическая этика	Основы духовно-нравственного воспитания
1.	Профессиональная автономия	Свобода и ответственность
2.	Этическая модель педагога	Пример (идеал)
3.	Профессиональная ответственность	Служение Отечеству

Представленная интеграция тем может выступать содержательной основой для организации междисциплинарной работы при согласовании планирования, разработке междисциплинарных заданий, осмыслении студентом связей между нормами и ценностями, а также диагностике сформированности этих связей.

Методический компонент

При конструировании и реализации методического компонента модели сохраняются те же приёмы диалогического обучения, которые использовались в дисциплине «Профессиональная педагогическая этика»: рефлексивный дневник, сократовский круг, этический театр, проектирование кодекса. Каждый из приёмов выполняет свою функцию в логике диалогического движения: рефлексивный дневник фиксирует смысловые сдвиги, сократовский круг проясняет ценностные противоречия, этический театр проживает конфликт, проектирование кодекса закрепляет выработанный принцип. Применение приёмов диалогического обучения модифицируется в зависимости от предмета освоения (таблица 2).

Таблица 2. Преемственность приёмов диалогического обучения

Приём	«Профессиональная педагогическая этика» (2-й курс)	«Основы духовно-нравственного воспитания» (3-й курс)
<i>Рефлексивный дневник</i>	Анализ профессиональных установок, этическая автобиография	Осмысление личного ценностного опыта
<i>Сократовский круг</i>	Обсуждение профессионально-этических дилемм	Обсуждение ценностных дилемм
<i>Этический театр</i>	Разыгрывание внешнего конфликта участников	Разыгрывание внутреннего конфликта педагога
<i>Проектирование кодекса</i>	Создание этического кодекса	Дополнение ранее созданного этического кодекса ценностным обоснованием

Процессуальный компонент

Работа студентов по освоению ценностных установок выстраивается как последовательное прохождение трёх фаз. Первая фаза – проблематизация традиционного понимания (деконструкция). Вторая фаза – погружение в профессиональный контекст (контекстуализация). Третья фаза – выработка личностных профессиональных принципов (синтез.) В качестве примера рассмотрим ценность «Служение Отечеству».

Таблица 3. Фазы, задачи и содержание деятельности студентов в диалогической модели обучения

Фаза	Задача	Содержание деятельности студента
<i>Деконструкция</i>	Проблематизация традиционного понимания служения, запуск внутреннего диалога	Анализ собственных ассоциаций, сопоставление с дефинициями из нормативных документов, выявление несовпадений, фиксация противоречий в диалоге с сокурсниками
<i>Контекстуализация</i>	Погружение ценности в контекст профессиональной деятельности	Анализ педагогического кейса о границах служения, ролевое участие в обсуждении (позиции: учитель, ученик, родитель, представитель администрации)
<i>Синтез</i>	Перевод освоенного опыта в личный профессиональный принцип	<i>Формулирование личных принципов служения, дополнение этического кодекса, обсуждение в группе</i>

Ключевой результат процессуального компонента представляет собой переход студента от внешнего, часто декларативного принятия ценности к личностно присвоенному, рефлексивно обоснованному профессиональному принципу с осознанием его границ.

Педагогический эксперимент

Для проверки эффективности предложенной модели междисциплинарной интеграции был проведён педагогический эксперимент на базе Алтайского государственного педагогического университета в 2024–2025 учебном году и 2025–2026 учебном году.

В 2024–2025 учебном году диалогическая модель обучения была использована только при преподавании дисциплины «Профессиональная педагогическая этика» (2-й курс), в то время как дисциплина «Основы духовно-нравственного воспитания» (3-й курс) преподавалась по традиционной лекционно-семинарской системе. В 2025–2026 учебном году диалогическая модель была использована в преподавании обеих дисциплин.

Таким образом, в качестве контрольной группы рассматриваются студенты, изучающие дисциплину «Основы духовно-нравственного воспитания» в 2024–2025 году ($n = 45$), в качестве экспериментальной – студенты, изучающие эту дисциплину в 2025–2026 учебном году ($n = 48$).

Оценка сформированности ценностно-этической компетентности осуществлялась по рефлексивному, коммуникативному и идентификационному критериям.

Рефлексивный критерий – способность анализировать ценность применительно к себе, осознавать личные смыслы и границы. Диагностическая процедура: анализ итогового рефлексивного эссе.

Коммуникативный критерий – способность к диалогу о ценностях, учёт множественности позиций. Диагностическая процедура: экспертная оценка участия в итоговом сократовском круге, посвящённом обсуждению ценности служения.

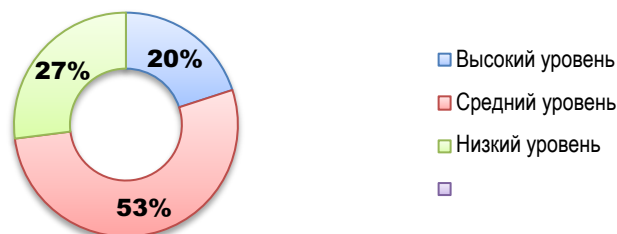
Идентификационный критерий – способность сформулировать личные профессиональные принципы, основанные на ценности служения. Диагностическая процедура: анализ дополнения к этическому кодексу, в котором студент фиксирует эти принципы.

Каждый критерий оценивался по трёхуровневой шкале (высокий, средний, низкий). Итоговый уровень сформированности ценностно-этической компетентности определялся как суммарный показатель. Для проверки статистической достоверности различий между контрольной и экспериментальной группами применялся критерий χ^2 Пирсона.

Полученные в ходе эксперимента данные подтверждают эффективность предложенной модели междисциплинарной интеграции.

Распределение студентов контрольной и экспериментальной групп по уровням сформированности ценностно-этической компетентности представлено на рисунке 1.

Контрольная группа (n=45)

Экспериментальная группа (n=48)

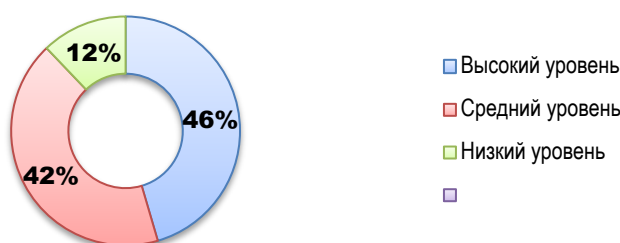

Рисунок 1. Уровни сформированности ценностно-этической компетентности у студентов контрольной и экспериментальной групп

В экспериментальной группе доля студентов с высоким уровнем сформированности ценностно-этической компетентности составила 45,8 %, что в 2,3 раза выше, чем в контрольной группе (20,0 %). Средний уровень сформированности ценностно-этической компетентности в экспериментальной группе зафиксирован у 41,7 % студентов, в контрольной группе он определен у 53,3% студентов. Низкий уровень сформированности ценностно-этической компетентности отмечен у 12,5 % студентов экспериментальной группы, что в 2,1 раза меньше, чем в контрольной группе, где он был характерен для 26,7 % студентов.

Результаты сравнительного анализа сформированности ценностно-этической компетентности по рефлексивному, коммуникативному и идентификационному критериям свидетельствуют о значительном превышении показателей в экспериментальной группе. Для проверки статистической достоверности различий был применен критерий χ^2 Пирсона. Рассчитанное эмпирическое значение ($\chi^2_{\text{эмп}} = 9,84$) превышает критическое при $p \leq 0,01$ ($\chi^2_{\text{кр}} = 9,21$), что позволяет отвергнуть нулевую гипотезу и подтвердить наличие статистически значимых различий в сформированности ценностно-этической компетентности между контрольной и экспериментальной группами.

Полученные данные свидетельствуют о том, что применение диалогической модели способствует не только формированию профессиональных этических и ценностей, но и готовности к их обсуждению, аргументации и диалогу, как качествам, необходимым педагогу в воспитательной работе.

Заключение

Таким образом, в ходе исследования была разработана и апробирована диалогическая модель междисциплинарной интеграции дисциплин «Профессиональная педагогическая этика» и «Основы духовно-нравственного воспитания» в педагогическом университете. Модель базируется на принципе диалога.

Предложенная модель включает три компонента интеграции. Содержательный компонент предполагает корреляцию ценностных категорий духовно-нравственного воспитания с нормативными установками профессиональной этики. Методический компонент обеспечивает преемственность диалогических приёмов обучения: рефлексивного дневника, сократовского круга, этического театра, проектирования этического кодекса. Процессуальный компонент задаёт логику развёртывания темы через фазы деконструкции, контекстуализации и синтеза.

Проведённый педагогический эксперимент показал, что студенты экспериментальной группы, обучавшиеся с применением диалогического метода демонстрируют более высокий уровень сформированности ценностно-этической компетентности по сравнению с контрольной группой, где дисциплины преподавались традиционно. Внедрение разработанной модели в педагогических университетах предполагает согласование тематических планов дисциплин «Профессиональная педагогическая этика» и «Основы духовно-нравственного воспитания» с учётом точек смыслового сопряжения интегративных тем, а также обеспечение преемственности диалогических приёмов обучения.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Приказ Министерства труда и социальной защиты РФ от 18 октября 2013 г. N 544н «Об утверждении профессионального стандарта «Педагог (педагогическая деятельность в сфере дошкольного, начального общего, основного общего, среднего общего образования) (воспитатель, учитель)» [Электронный ресурс]. – 2013. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/70535556/> (дата обращения: 20.02.2026 г.)
2. Приказ Министерства образования и науки РФ от 22 февраля 2018 г. N 121 "Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования - бакалавриат по направлению подготовки 44.03.01 [Электронный ресурс]. – 2018. – Режим доступа: https://base.garant.ru/71897858/53f89421_bbdaf741eb2d1_ecc4ddb4c33/ (дата обращения: 20.02.2026 г.)
3. Ананьев Б. Г. Человек как предмет познания. 3-е изд. – СПб.: Питер, 2010. 282 с.
4. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. – М.: Советский писатель, 1963. 363 с.
5. Бахтин М.М. К философским основам гуманитарных наук. – СПб.: Азбука, 2000. С. 227-231.
6. Библер В.С. От наукоучения – к логике культуры. – М.: Издательство политической литературы. 1991. 417 с.
7. Леонтьев А. Н. Избранные психологические произведения: В 2 т. – М., 1983. Т.1. 92 с.
8. Проблема субъекта в психологической науке : монография /отв. ред.: А.В. Брушлинский, М.И. Воловикова, В. Н. Дружинин. – М.: Академический проект, 2000. 320 с.
9. Рубинштейн С. Л. Человек и мир // Проблемы общей психологии. М., 1973. С. 255–285.
10. Щедровицкий Г.П. Философия и мышледеятельность. – М.: Политиздат, 1981. 416 с.
11. Afonina R.N. The problem statement of projecting of pedagogical system of the science education in the liberal arts university // Innovations in education. Vol. Volume 5. – Vienna: «East West» Association for Advanced Studies and Higher Education GmbH, 2015. P. 33-44.
12. Afonina R.N. Pedagogical conditions of the common cultural potential of the course unit Contemporary Concepts of Natural Science // Academy Journal. 2019. No. 4(16). P. 15-18.

УДК 378**ОБ АВТОРЕ:**

Есина Елена Владимировна,
кандидат филологических наук, доцент, доцент
кафедры общегуманитарных наук и массовых
коммуникаций,
АНО ВО «Московский Международный
университет», Москва, Россия

ABOUT THE AUTHOR:

Esina Elena V.,
Candidate of Philological Sciences (PhD in Philology),
Associate Professor, Associate Professor at the
Department of General Humanities and Mass
Communications,
Moscow International University (Private Educational
Institution of Higher Education), Moscow, Russia

Есина Е. В.

**Интеграция ИИ-инструментов в
формирование прагматической
компетенции студентов
лингвистических вузов**

В статье рассматривается потенциал генеративных ИИ-инструментов для формирования прагматической компетенции студентов-лингвистов. Обосновывается подход к использованию ИИ как объекта критического анализа. Представлены примеры заданий по пост-редактированию. Делается вывод о необходимости формирования навыков управления ИИ-контентом и этической ответственности за прагматическую уместность текста.

Ключевые слова: прагматическая компетенция, генеративный ИИ, лингвистическое образование, пост-редактирование.

Для цитирования: Есина Е. В. Интеграция ИИ-инструментов в формирование прагматической компетенции студентов лингвистических вузов // Социально-гуманитарные технологии. 2026. №2 (38). С. 135-140.

Esina E. V.

**Integration of AI tools in forming pragmatic competence of
linguistics university students**

The article examines the potential of generative AI tools for developing pragmatic competence in linguistics students. An approach to using AI as an object of critical analysis is substantiated. Examples of post-editing tasks are presented. The article concludes that developing skills in managing AI content and ethical responsibility for pragmatic appropriateness is essential.

Keywords: pragmatic competence, generative AI, linguistics education, post-editing.

For citation: Esina E. V. Integration of AI tools in forming pragmatic competence of linguistics university students. *Sotsial'no-gumanitarnye tekhnologii*. 2026; 2 (38): 135-140. (In Russ.)

В условиях стремительной цифровизации профессия лингвиста претерпевает существенные изменения: от простого носителя языковых знаний специалист трансформируется в эксперта, способного управлять коммуникацией в поликультурной среде с активным использованием цифровых инструментов [1]. В этом контексте прагматическая компетенция для студентов лингвистических вузов приобретает статус ключевого компонента профессиональной идентичности, непосредственно определяющего успешность в таких сферах, как перевод, преподавание и межкультурное посредничество [2].

Вместе с тем появление генеративных искусственных интеллектов (ChatGPT, DeepL Write и др.) создаёт принципиально новые вызовы для профессионального образования. С одной стороны, современные ИИ-модели демонстрируют впечатляющие результаты в генерации грамматически корректных текстов. С другой стороны, как показывает практика, эти же модели нередко допускают прагматические ошибки, такие как неверный выбор регистра, игнорирование культурных импликатур, неуместное использование речевых актов [3]. Для будущего лингвиста критически важно не просто владеть языковой системой, но и развивать способность выявлять, анализировать и корректировать подобные ошибки в ИИ-контенте [4].

Более того, традиционные методики формирования прагматической компетенции в лингвистическом вузе зачастую не учитывают фактор взаимодействия с генеративным ИИ [5]. Вследствие

этого возникает существенное противоречие между растущей потребностью рынка труда в специалистах, владеющих цифровыми инструментами, и недостаточной методической разработанностью вопросов интеграции ИИ в профессиональную подготовку лингвистов.

Исходя из вышесказанного, проблема исследования формулируется как необходимость пересмотра существующих подходов к формированию прагматической компетенции у студентов-лингвистов в условиях повсеместной доступности генеративного ИИ.

Цель исследования заключается в обосновании и апробации методического подхода к использованию генеративного ИИ для формирования прагматической компетенции студентов лингвистических вузов в рамках профессионально-ориентированных дисциплин.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи: проанализировать специфику прагматической компетенции в профессиональной деятельности лингвиста; выявить типичные прагматические ошибки генеративного ИИ в межкультурном контексте; разработать комплекс учебных заданий, направленных на критический анализ и пост-редактирование ИИ-текстов; оценить эффективность предложенного подхода в ходе педагогического эксперимента.

В качестве рабочей гипотезы выдвигается предположение, что формирование прагматической компетенции у студентов-лингвистов будет более эффективным, если использовать генеративный ИИ как объект критического анализа и пост-редактирования при условии систематического развития навыков метапрагматической рефлексии.

Научная новизна исследования заключается в рассмотрении ИИ не только как инструмента обучения, но и как самостоятельного объекта профессионального анализа в контексте подготовки будущих лингвистов.

Практическая значимость работы состоит в разработке конкретных методических рекомендаций для преподавателей переводческих и лингвистических дисциплин, которые могут быть непосредственно внедрены в учебный процесс.

Прагматическая компетенция в профессиональной подготовке лингвиста: сущность и структура

Прежде всего, необходимо отметить, что для студентов-лингвистов прагматическая компетенция выходит далеко за рамки бытового общения. В профессиональном контексте она включает способность обеспечивать прагматическую эквивалентность при переводе, адаптировать текст под культурные ожидания адресата и грамотно управлять коммуникативными стратегиями в профессиональном дискурсе [6, 7].

В рамках лингвистического образования целесообразно выделять несколько взаимосвязанных компонентов прагматической компетенции. Во-первых, это переводческая прагматика, которая подразумевает сохранение интенции оригинала при адаптации текста, включая осознанный выбор между дословным переводом и адаптацией речевого акта. Во-вторых, межкультурная чувствительность, предполагающая учёт культурных норм и табу для предотвращения прагматических неудач в коммуникации с носителями языка.

Кроме того, важным компонентом является регистровая вариативность — способность переключать коды в зависимости от коммуникативной ситуации, будь то научный стиль, маркетинговый текст или дипломатическая переписка. Не менее значима работа с имплицитными смыслами, то есть умение распознавать и адекватно передавать подтекст, иронию, намёки и пресуппозиции. Наконец, этическая ответственность лингвиста предполагает осознание коммуникативных последствий выбора тех или иных языковых средств.

Следует подчеркнуть, что исследования свидетельствуют: даже студенты старших курсов лингвистических вузов нередко испытывают трудности с передачей прагматических нюансов, особенно в условиях ограниченного времени [8]. В этой связи ИИ может выступать как вспомогательный ресурс (генерация вариантов), однако слепое доверие к модели способно привести к закреплению прагматических ошибок.

ИИ в лингвистическом образовании: двойственная роль инструмента и объекта анализа

Далее необходимо рассмотреть двойственную позицию ИИ в подготовке лингвистов [9]. С одной стороны, ИИ функционирует как инструмент поддержки: он способен генерировать черновики, предлагать варианты перевода, создавать упражнения для отработки навыков. С другой стороны, ИИ-текст становится объектом анализа, требующим экспертной оценки и пост-редактирования в рамках подхода МТРЕ (Machine Translation Post-Editing).

Говоря о возможностях ИИ для лингвистов, следует выделить несколько ключевых аспектов. Прежде всего, это вариативность: модель может быстро предложить несколько стилистических вариантов одного и того же высказывания. Кроме того, ИИ обеспечивает высокую скорость обработки больших объёмов текста, что позволяет анализировать частотность использования тех или иных прагматических стратегий. Наконец, технология позволяет моделировать диалоговые ситуации для тренировки навыков интерпретации.

В то же время важно учитывать и риски. Во-первых, ИИ склонен к «усреднению» стиля, предпочитая нейтральные, шаблонные формулировки и утрачивая авторскую индивидуальность [10]. Во-вторых, модели могут допускать «культурные галлюцинации», не зная специфических реалий или контекстов целевой культуры. В-третьих, использование ИИ порождает этические дилеммы, связанные с вопросами авторства, конфиденциальности данных и потенциальной зависимости от технологии.

Таким образом, для будущего лингвиста критически важно развивать критическую цифровую грамотность — способность оценивать качество ИИ-контента именно с точки зрения прагматической уместности [11].

Методологическая модель: студент-лингвист как эксперт-редактор ИИ-контента

Исходя из проведённого анализа, мы предлагаем методологическую модель, в рамках которой студент выступает не как пассивный потребитель, а как активный эксперт-редактор. В данной модели преподаватель ставит профессиональные задачи и осуществляет контроль качества; ИИ-инструмент генерирует «черновик», требующий экспертной доработки; а студент-лингвист проводит прагматический анализ, осуществляет пост-редактирование и аргументирует принятые решения.

Ключевой принцип данной модели заключается в том, что ИИ создаёт исходную базу, тогда как студент-лингвист обеспечивает финальное прагматическое качество текста. Такой подход полностью соответствует профессиональному стандарту «Специалист по переводу» и актуальным требованиям рынка к навыкам пост-редактирования [12].

Более того, данная модель способствует развитию метапрагматической рефлексии: студент учится не просто исправлять ошибки, но и объяснять, почему тот или иной вариант является более уместным в данном коммуникативном контексте.

Дизайн эмпирического исследования: методика и организация

Для проверки выдвинутой гипотезы было организовано эмпирическое исследование. Выборку составили 40 студентов 3–4 курсов лингвистического вуза (направление «Лингвистика», профиль «Перевод и переводоведение») с уровнем владения языком C1.

В качестве основных инструментов исследования использовались генеративные ИИ (ChatGPT-4, DeepL Write, YandexGPT), экспертная оценка переводов и адаптированных текстов, а также анкета самооценки цифровой компетенции.

Исследование проводилось в три этапа. На констатирующем этапе студенты выполняли перевод текста с акцентом на прагматические нюансы без использования ИИ. Затем, на формирующем этапе, в течение четырёх недель проводился курс из 8 занятий, включавший задания по пост-редактированию, анализу ИИ-ошибок и культурной адаптации. Наконец, на контрольном этапе студенты выполняли перевод/адаптацию текста с использованием ИИ с обязательным обоснованием внесённых правок.

Для оценки профессиональной прагматической компетенции были разработаны следующие критерии. Прежде всего, оценивалась прагматическая эквивалентность: сохранялась ли интенция оригинала и адаптировался ли текст под целевую культуру. Далее анализировалась регистровая уместность — точность попадания в жанр и тональность. Кроме того, учитывалась культурная адаптация: корректность работы с реалиями и отсутствие культурных ошибок. Наконец, важным показателем

служило обоснование решений — способность студента аргументировать выбор тех или иных переводческих стратегий.

Анализ типичных прагматических ошибок ИИ в межкультурном контексте: серия кейсов

В ходе исследования были последовательно выявлены типичные ошибки, которые допускает ИИ в задачах, требующих высокой прагматической чувствительности.

Рассмотрим первый кейс, связанный с переводом иронии и сарказма. Исходный текст на русском языке: «Ну ты молодец, опять всё успел в последнюю ночь». ИИ-перевод на английский: "Well done, you managed to finish everything on the last night again". Как видно, в данном случае ирония полностью утрачивается, и текст начинает восприниматься как искренняя похвала. Студенческая правка, сохраняющая саркастический тон: "Nice job finishing everything at the last minute... again" — демонстрирует, как лингвист может восстановить прагматический эффект через интонационные маркеры.

Следующий пример касается делового письма с отказом. При запросе к ИИ "Write a polite refusal to a business partner" модель сгенерировала: "We cannot accept your offer. Thank you". Данная формулировка является чрезмерно прямой и нарушает стратегию вежливости, так как акт отказа (Face-Threatening Act) не смягчён. Студенческая правка: "While we appreciate your proposal, we are unable to proceed at this time..." — иллюстрирует использование хеджей и пассивных конструкций для сохранения делового этикета.

Третий кейс связан с передачей культурных реалий. При описании русского праздника Масленица ИИ предоставил сухое энциклопедическое описание. Задача студента заключалась в адаптации текста для англоязычного блога: необходимо было добавить контекст, объяснить символическое значение блинов и сделать тон более приглашающим. Данный пример наглядно показывает, что ИИ успешно справляется с денотативным значением, однако передача прагматического эффекта требует экспертного вмешательства лингвиста.

Четвёртый кейс связан с использованием косвенных запросов и стратегий смягчения в профессиональной электронной переписке. При запросе к ИИ "Write an email requesting a deadline extension from a professor" модель сгенерировала: "Dear Professor, I need more time for my assignment because I was busy. Please give me an extension." Данная формулировка прагматически неуместна: прямой запрос "I need" и императив нарушают стратегию негативной вежливости, ожидаемую в академическом дискурсе. Студенческая правка: "I am writing to respectfully request a brief extension... I would be grateful for the opportunity to submit my work by [date]" — демонстрирует использование хеджей, модальности и формул эпистолярного этикета. Вывод: ИИ генерирует функциональные тексты, но тонкая настройка степени косвенности и баланса между настойчивостью и почтительностью требует экспертного вмешательства лингвиста.

Наконец, пятый кейс затрагивает гендерно-нейтральный язык в профессиональном дискурсе. Так, при запросе к ИИ "Write a job description for a project manager position" модель сгенерировала текст с гендерно-маркированной лексикой: "We are looking for a young, dynamic professional who can lead his team effectively..." Использование местоимения "his" и стереотипных дескрипторов ("young, dynamic") создаёт прагматическую проблему: текст может восприниматься как исключающий кандидатов иного гендера, что противоречит принципам инклюзивной коммуникации. Студенческая правка: "We are seeking a motivated professional with strong leadership skills, who can lead their team effectively..." — демонстрирует замену гендерно-специфичных местоимений на нейтральные (their), отказ от возрастных маркеров и фокус на компетенциях, а не стереотипах. Данный пример показывает, что ИИ часто воспроизводит скрытые предубеждения тренировочных корпусов, тогда как лингвист способен обеспечить прагматическую уместность текста через осознанный выбор инклюзивных стратегий.

Таким образом, проведённый анализ позволяет заключить, что ИИ нуждается в экспертном контроле лингвиста во всех прагматически чувствительных аспектах: от стилистических нюансов (ирония, сарказм) до этических требований (инклюзивность, вежливость, культурная уместность). Студенты, обученные критическому анализу ИИ-контента, демонстрируют способность обеспечивать прагматическое качество текста, что подтверждает целесообразность интеграции подобных заданий в профессиональную подготовку будущих лингвистов.

Комплекс учебных заданий для формирования прагматической компетенции через критический анализ ИИ

На основе проведённого анализа был разработан комплекс учебных заданий, направленных на развитие навыков критического анализа и пост-редактирования.

Первое задание — «МТРЕ с прагматическим фокусом». Студентам предлагается текст, переведённый ИИ, с инструкцией: найти пять мест, где потеряна эмоциональная окраска или интенция спикера, исправить их и прокомментировать, почему предложенный вариант является более уместным.

Второе задание — «Культурный брокер». Студенты анализируют текст (например, поздравление для партнёров), сгенерированный ИИ для представителей определённой культуры (Китай, США, ОАЭ), на предмет наличия культурных табу или неуместных формулировок, после чего адаптируют текст под целевую аудиторию.

Третье задание — «Стилистический хамелеон». Студенты берут один исходный текст (например, новость) и просят ИИ переписать его в трёх различных стилях (официальный, блог, таблоид). Затем они оценивают, насколько точно модель попала в прагматику каждого жанра, и вносят необходимые правки.

Наконец, четвёртое задание — «Этический аудит». Студенты анализируют ИИ-текст на предмет скрытых предубеждений (bias), гендерных стереотипов или неэтичных формулировок и предлагают нейтральный, инклюзивный вариант.

Все перечисленные задания объединяет общий принцип: ИИ выступает как источник материала для анализа, тогда как студент-лингвист обеспечивает прагматическое качество конечного продукта.

Результаты педагогического эксперимента: количественные и качественные данные

В результате проведения формирующего этапа были зафиксированы следующие изменения в уровне сформированности прагматической компетенции.

Прежде всего, показатель «выявление прагматических ошибок» продемонстрировал значительный рост: средний балл увеличился с 2,5 до 4,3. Кроме того, качество пост-редактирования улучшилось с 2,8 до 4,4 баллов. Особенно показателен прогресс в аргументации решений: данный параметр вырос с 2,2 до 4,0 баллов, что свидетельствует о развитии метапрагматической рефлексии. Наконец, культурная адаптация также показала положительную динамику (с 2,6 до 4,2 баллов).

В целом, общий балл по всем критериям увеличился с 2,5 до 4,2, что позволяет говорить о статистически значимом эффекте предложенной методики.

Помимо количественных показателей, были получены и качественные данные. Так, 92% студентов отметили, что работа с ИИ помогла им лучше осознавать собственные переводческие решения. Более того, 88% респондентов стали увереннее в оценке качества машинного перевода. Наконец, 95% согласились с утверждением, что роль современного лингвиста смещается в сторону профессионального редактора и эксперта.

Экспертные оценки преподавателей-переводоведов также подтверждают эффективность подхода. Как отметил один из экспертов: «Студенты начали аргументировать правки не только грамматикой, но и прагматикой: "здесь звучит слишком агрессивно для носителя", "здесь нужна большая дистанция"».

Таким образом, полученные данные позволяют сделать вывод о том, что интеграция ИИ в учебный процесс способствует не только развитию технических навыков пост-редактирования, но и формированию более глубокого понимания прагматических механизмов межкультурной коммуникации.

Подводя итоги исследования, необходимо констатировать, что интеграция ИИ-инструментов в подготовку студентов-лингвистов открывает новые возможности для формирования прагматической компетенции, однако требует существенного пересмотра традиционных методических подходов.

Прежде всего, следует подчеркнуть, что ИИ не заменяет лингвиста, а, напротив, повышает планку профессиональных требований: от простого перевода к экспертной оценке и адаптации. Кроме того, наиболее эффективными оказались задания на пост-редактирование (МТРЕ) с акцентом на прагматические нюансы (тон, культура, интенция), поскольку они стимулируют активную аналитическую позицию студента.

Более того, развитие метапрагматической рефлексии — умения объяснить, почему выбран тот или иной вариант, — является ключевым образовательным результатом, который выходит за рамки языковой подготовки и формирует профессиональную идентичность будущего специалиста. Наконец, этический компонент становится неотъемлемой частью прагматической компетенции: лингвист несёт ответственность за уместность и безопасность ИИ-контента.

Исходя из вышесказанного, представляется целесообразным рекомендовать лингвистическим вузам: включать модули по работе с ИИ в курсы переводоведения и межкультурной коммуникации; разрабатывать критерии оценки не только конечного текста, но и процесса его редактирования; а также систематически формировать у студентов понимание профессиональной ответственности за ИИ-контент.

В качестве перспектив дальнейших исследований можно обозначить изучение роли ИИ в формировании устной прагматической компетенции (например, при синхронном переводе с поддержкой ИИ) и разработку этических кодексов для лингвистов в эпоху искусственного интеллекта.

Таким образом, интеграция ИИ-инструментов в формирование прагматической компетенции представляет собой перспективное и востребованное направление в методике преподавания иностранных языков в лингвистическом вузе, требующее баланса между технологическими возможностями и педагогической экспертизой.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бейкер М. Иными словами: учебник по переводу. Лондон: Рутледж, 2018. 352 с.
2. Генеративный искусственный интеллект в образовании: возможности и риски [Электронный ресурс]. – 2023. – Режим доступа: <https://edu-ai.ru/report> (дата обращения: 10.02.2024 г.).
3. Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). М.: Высшая школа, 1990. 253 с.
4. Моркенс Й. Человеческий фактор в машинном переводе. Лондон: Рутледж, 2023. 198 с.
5. Петрова А.С. Цифровые технологии в лингвистическом образовании: вызовы и перспективы // Социально-гуманитарные технологии. 2023. Т. 5. № 3. С. 78–89.
6. Профессиональный стандарт «Специалист в области перевода» [Электронный ресурс]. – 2021. – Режим доступа: <https://rosstandart.gov.ru/standards/translator> (дата обращения: 15.03.2024 г.).
7. Сидоров В.К. Искусственный интеллект в профессиональной подготовке лингвистов: методологические аспекты // Социально-гуманитарные технологии. 2024. Т. 6. № 1. С. 34–45.
8. Совет Европы. Общеввропейские компетенции владения иностранным языком: дополнительный том. Страсбург: Совет Европы, 2020. 156 с.
9. Тайби М., Марино Ж. Пост-редактирование машинного перевода: принципы и приложения. Кембридж: Scholars Publishing, 2022. 214 с.
10. Томас Дж. Значение во взаимодействии: введение в прагматику. Лондон: Лонгман, 1995. 240 с.
11. Хаус Дж. Оценка качества перевода: прошлое и настоящее. Лондон: Рутледж, 2015. 288 с.
12. Baker M. In Other Words: A Coursebook on Translation. London: Routledge, 2018. 352 p.
13. House J. Translation Quality Assessment: Past and Present. London: Routledge, 2015. 288 p.
14. Moorkens J. The Human Factor in Machine Translation. London: Routledge, 2023. 198 p.
15. Taibi M., Mariño J. Post-editing Machine Translation: Principles and Applications. Cambridge: Scholars Publishing, 2022. 214 p.
16. Thomas J. Meaning in Interaction: An Introduction to Pragmatics. London: Longman, 1995. 240 p.

ОБ АВТОРЕ:

Квач Ирина Валериевна,
старший преподаватель кафедры инженерной
графики,
федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего
образования «Балтийский государственный
технический университет «ВОЕНМЕХ» им. Д.Ф.
Устинова» Санкт-Петербург, Россия

ABOUT THE AUTHOR:

Kvach Irina V.,
Senior Lecturer of the Department of Engineering
Graphics
Federal State Budgetary Educational Institution of
Higher Education «Baltic State Technical University
«VOENMEH» named after D.F. Ustinov», Saint-
Petersbourg, Russia

УДК 378

Квач И.В.

Формирование профессиональных компетенций инженера: от плоского чертежа к электронной модели. Адаптация к реалиям производства

В статье рассматривается проблема соответствия традиционного обучения инженерной графике актуальным требованиям производства. Анализируются образовательные возможности и производственная применимость трёх форматов представления графической информации: классические двумерные чертежи, трёхмерное моделирование и сквозное проектирование на основе электронной модели изделия (MBD). Особое внимание уделяется тому, насколько каждый из подходов готовит студентов к реальным задачам в условиях цифровизации промышленности.

Ключевые слова: инженерная графика, компьютерная графика, графическая подготовка, инженерное образование, CAD-технологии, 2D - черчение, 3D - моделирование, электронная модель, цифровая трансформация промышленности.

Для цитирования: Квач И.В. Формирование профессиональных компетенций инженера: от плоского чертежа к электронной модели. Адаптация к реалиям производства // Социально-гуманитарные технологии. 2026. №2 (38). С. 141-148.

Kvach I.V.

Formation of professional competencies of an engineer: from a flat drawing to an electronic model. Adaptation to the realities of production

This article examines the issue of how traditional engineering graphics training aligns with current manufacturing requirements. It analyzes the educational potential and industrial applicability of three formats for presenting graphical information: classic 2D drawings, 3D modeling, and end-to-end design based on a MBD- Model-Based Definition. Particular attention is paid to the extent to which each approach prepares students for real-world challenges in the context of industrial digitalization.

Keywords: engineering graphics, computer graphics, graphic training, engineering education, CAD technologies, 2D drawing, 3D modeling, digital product model, digital transformation of industry.

For citation: Kvach I.V. Formation of professional competencies of an engineer: from a flat drawing to an electronic model. Adaptation to the realities of production. *Sotsial'no-gumanitarnye tekhnologii*. 2026; 2 (38): 141-148. (In Russ.)

Существует определенный разрыв между академической подготовкой в вузах и реальными запросами производства: выпускники имеют набор знаний, методик и инструментов для решения задач, но не всегда понимают контекст их применения в условиях реального производства. Применительно к дисциплине «Инженерная графика» ситуация выглядит та: студент на достойном уровне владеет инструментарием CAD/CAE (Computer-Aided Design - система автоматизированного проектирования; Computer-Aided Engineering - система автоматизации инженерных расчетов), таких как SolidWork, AutoCAD, Компас-3D и др., то есть нажимает кнопки, уверенно работает с пользовательским интерфейсом, но совершенно теряется в нестандартной ситуации, когда необходимо принять рядовое инженерное решение, которое выходит за рамки учебных заданий. Пример: студент создает «красивую»,

корректную с точки зрения геометрии 3D-модель определенной детали и затем на ее основании чертеж (с учетом требований ЕСКД), например, для курсовой работы, но для производства необходима модель, созданная с учетом функциональных, ресурсосберегающих и природоохранных требований (надежность, технологичность, экологичность и др.). [1] То есть для производства необходима 3D-модель (готовая с учетом необходимых литейных уклонов, штамповочных радиусов и т.д., в зависимости от условий конкретного предприятия, его оборудования, обрабатывающих мощностей, материальной базы, наличия соответствующих специалистов для изготовления детали, типа производства и многого другого) по которой сразу можно изготовить качественное изделие непосредственно, здесь и сейчас.

Какой формат работы с графической информацией (2D, 3D или Модельно-ориентированное проектирование (Model-based definition (MBD)) обеспечивает наиболее плавный переход студента из аудитории в конструкторский или технологический отдел?

Ключевой разрыв между вузом и реальным производством сегодня лежит не в знании студентом кнопок некоторой конкретной CAD-системы, а в формате мышления и передачи данных. Традиционная система обучения инженерной графике исторически базируется на плоском чертеже (2D). Однако цифровая трансформация промышленности (концепция «бесбумажного производства» [6].) требует от инженера оперирования электронными моделями как единственным источником истины (Single Source of Truth).

В теории электронная модель детали (ЭМД) должна стать единым источником истины: геометрия, допуски, материал, данные для станков[2], на практике в России бумажный чертёж сохраняет влияние, но его доминирование постепенно снижается. Ситуация варьируется в зависимости от отрасли, масштаба предприятия и уровня его цифровизации.

Бумажный чертёж часто рассматривается как более надёжный документ. Это связано с тем, что электронная документация требует строгого соблюдения процедур оформления, подписания квалифицированной электронной подписью и хранения в системах электронного документооборота.

Долгое время в российской инженерной практике чертёж был центральным элементом производственной логики. Через него передавался замысел, формировались требования к изготовлению, контролю и испытаниям. Переход к бесбумажному проектированию требует значительных усилий: перестройки рабочих процессов, обучения персонала, инвестиций в IT-инфраструктуру

Следует отметить, что передовые предприятия оборонной промышленности и авиастроения, внедрились (но приходится отдельно подчеркнуть, что пока в полной мере только в единичных случаях) эту форму управления конструкторской документацией. То есть нормоконтроль утверждает именно электронную модель, чертеж создается автоматически на ее основании и не является первичным. На остальных предприятиях ОПК и гражданского сектора пока реальность иная:

- Электронная модель есть, но чертеж все равно выпускается (на него ссылается техпроцесс).
- Квалифицированная электронная подпись для моделей - до недавнего времени представляла собой сложную процедуру. Сегодня проблема частично решена для внутреннего документооборота, однако по-прежнему актуальна для межкорпоративного обмена.
- Заказчики и контрагенты часто запрашивают чертежи с живой подписью. Без него акт приемки не подпишут.

Также сдерживающим фактором является парк станков с ЧПУ, в системах ЧПУ которых отсутствует поддержка прямого считывания PMI-данных, либо на универсальных станках, где это невозможно. То есть ключевой проблемой является не только неподготовленность выпускников, но и цифровая асимметрия промышленности РФ. По экспертной оценке, основанной на данных отраслевых обзоров, не более 15-20% предприятий имеют уровень цифровизации, допускающий полноценное внедрение MBD. Остальные работают в гибридном или полностью бумажном режиме. [5]

Также существует необходимость разработки электронной модели для аддитивного производства, для 3D-печати чертеж практически бесполезен - только ЭМД со всей необходимой технической информацией.

Часто используется гибридный подход: ЭМД применяется для проектирования и работы с CAD/CAM-системами, а бумажный чертёж - для согласования, архивирования и в случаях, когда

требуется физический документ (например, при работе с субподрядчиками, не использующими цифровые технологии).

Возникает противоречие: в академической среде чертеж остается итогом работы, а в современной производственной среде чертеж - это либо дублер, либо приложение к электронной модели для конкретного техпроцесса.

В данной статье предполагается сопоставить три подхода (2D, 3D, MBD) с точки зрения их дидактической ценности и востребованности в современном производственном процессе.

Рассмотрим традиционный подход - обучение на основе 2D-чертежей. Оно представляет собой ценность с точки зрения обучения студентов так как обеспечивает: формирование фундаментального понимания проекционных связей и основ начертательной геометрии; развитие способности к абстрактному мышлению и «чтению» чертежа - навык, востребованный на предприятиях с различным оборудованием и при работе с контрагентами. Кроме того, 2D-подход развивает проекционное мышление, понимание ГОСТ ЕСКД.

«Плоское проектирование» обязательно для освоения как «грамматика инженерной графики». Без него студент не понимает условностей: разрезов, сечений, выносных элементов. Даже при MBD инженер должен мысленно генерировать виды.

Следует отметить ряд ограничений этого подхода. 2D-документ не может быть напрямую использован в ЧПУ-станках или измерительных машинах без повторного ввода данных. Существует высокая зависимость от опыта конкретного сотрудника при чтении чертежа; при уходе ключевого специалиста знания могут теряться, к тому же чертеж часто не содержит инженерной логики, только геометрию и размеры. Востребованность на производстве определенно снижается: нужна для предприятий и подрядчиков без CAD, архивов, отдельных видов обработки, приемки ОТК по бумаге.

То есть обучение 2D графики необходимо как «азбука» инженерной графики, однако фокус только на 2D консервирует устаревший тип мышления и затрудняет адаптацию выпускника в цифровой среде.

Что касается трёхмерного моделирования (3D) можно отметить основную черту этого способа - визуализация и понимание. С точки зрения влияния на обучение (когнитивный аспект). Исследования подтверждают, что работа с 3D-моделями значительно улучшает пространственное восприятие по сравнению с 2D [7]. Современные студенты, выросшие в цифровой среде, демонстрируют более высокую точность и вовлеченность при работе с интерактивными 3D-моделями по сравнению со статичными чертежами. [1].

Использование объёмных моделей позволяет студентам быстрее выполнять задания и воспринимать их как менее сложные, тем самым снижая когнитивные нагрузки. Ценность этого метода проектирования с точки зрения реального производства в том, что 3D-модель является основой для инженерных расчётов (CAE), подготовки производства (CAM - Computer-Aided Manufacturing - системы автоматизированной подготовки производства) и визуализации. Примером может послужить литой корпус насоса, для которого только 3D-модель обеспечивает единство геометрической базы: расчёт напряжений, прочностной расчет (CAE), генерацию управляющих программ (CAM) и проверку коллизий, «несоответствий» или «пересечений» и ошибок на сборочном чертеже. В 2D-парадигме эти три задачи решаются последовательно с потерями данных и как правило с ошибками, тогда как в 3D существует возможность реализации принцип превентивного контроля коллизий и технологичности на единой математической модели.

При этом сама по себе 3D-геометрия не несёт информации о производстве (допуски, шероховатости, покрытия), если эта информация не добавлена отдельно. Модель часто существует параллельно с чертежом, дублируя данные.

Сквозное проектирование на базе электронной модели (MBD) выгодно отличается от двух предыдущих методов, с точки зрения сути подхода можно отметить его высокий образовательный потенциал.

Электронная модель становится мастер-моделью, содержащей всю информацию об изделии, включая размеры, допуски, обозначения. Именно при этом формате проектирования происходит «обучение инженерному мышлению», а не черчению. Переход от вычерчивания видов к заданию производственной информации прямо в интерфейсе применяемого программного обеспечения, в 3D-

пространстве. Это формирует понимание того, как деталь будет изготавливаться, и контролироваться, а не только как она выглядит.

Применение MBD проектирования обладает высокой производственной эффективностью. Ее можно рассматривать как основной конструкторский документ при бесчертежном способе проектирования как единственный источник истины. Благодаря этому можно избежать каких-либо расхождений между моделью и чертежом, который зачастую продолжают использовать на производстве как параллельный способ предоставления графической информации. ЭМД способствует общей автоматизации производства. Используемые в электронной модели PMI-данные (Product Manufacturing Information - производственные данные), ассоциированные с трехмерной моделью изделия в САПР; включают в себя геометрические размеры и допуски, трехмерные аннотации, требования к качеству обработки поверхностей и спецификации материалов. [3] из модели могут считываться автоматически для программирования производственного оборудования, что исключает ручной ввод и ошибки. Также этот метод проектирования обеспечивает цифровую непрерывность, так как MBD является ключевым элементом для построения сквозных процессов на предприятии.

В чем же сложность для внедрения этого метода проектирования в учебный процесс будущих инженеров? Конечно создание электронной модели детали - это более высокий уровень компетенций студента. Этот процесс может быть сложен сам по себе, так как требует от проектировщика всесторонних знаний в профессиональной сфере. Поэтому может вызывать сложности при освоении особенно на первых курсах, когда в учебных планах, как правило и предусмотрено освоение инженерной графики. Он требует понимания не только CAD, но и основ технологии машиностроения, основ взаимозаменяемости, допусков и посадок. И как было сказано выше имеется определенная неготовность на самом производстве, там всё ещё могут использоваться станки без цифрового управления, требующие бумажных чертежей.

На основании всего вышесказанного сравним получаемые компетенции в зависимости от способа моделирования.

Таблица 1 Сравнительный анализ и адаптация полученных компетенций к условиям реального производства

Способ проектирования	2D-чертеж	3D-моделирование	MBD (Электронная модель)
Базовое мышление	Проекционное, абстрактное	Пространственное, образное	Системное, технологическое
Скорость понимания	Низкая (требуется «чтение»)	Высокая (наглядность)	Высокая (вся информация в одном месте)
Полнота данных	Высокая (ГОСТ, ЕСКД), но статична	Низкая (только геометрия)	Высокая (геометрия + атрибуты + допуски)
Интеграция с производством	Высокая на большинстве предприятий	Средняя (для расчётов, визуализации)	Высокая (CAD-CAM-CAE-CMM*), при условии, что этот способ внедрен на предприятии
Риск ошибок при передаче	Высокий (интерпретация)	Средний	Низкий (машинное чтение)
Роль в обучении	Основа инженерной грамотности	Развитие пространственного интеллекта	Формирование цифровой культуры производства
Востребованность компетенции на современном рынке труда	Базовое умение читать и оформлять 2D-документацию	Часто востребовано «знание CAD» (3D) и «умение оформлять чертежи по ЕСКД» (смесь)	Востребован на менее чем 5% (среди массовых вакансий. В передовых отраслях (авиация, космос) этот процент выше.

по данным сайта https://hh.ru/ [8].	является обязательным требованием в ~90% вакансий для инженерных должностей. Компетенция 2D - это необходимый фильтр при найме.	2D/3D). «Чистых» вакансий «инженер-чертежник 2D» единицы.	Выпускник с одним знанием MBD без 2D зачастую попросту не трудоустроится.
--	---	---	---

*CMM- Coordinate Measuring Machine (координатно-измерительная машина). Это оборудование для контроля геометрических параметров деталей путём измерения координат точек на поверхности изделия с высокой точностью. В контексте сквозного проектирования (MBD) данные из электронной модели могут напрямую использоваться для программирования CMM, что автоматизирует контроль качества. Сквозной цикл: CAD → (моделирование) → CAE (расчёт и оптимизация) → CAM (подготовка производства) → CMM (контроль качества). Такая интеграция является основой концепции MBD (Model-Based Definition).

Перспективы и рекомендации к адаптации траектории обучения студентов инженерных направлений.

На первом этапе (первый курс обучения) - необходимо заложить «Фундамент» графических компетенций. Необходимо сфокусироваться на обучении на традиционному «плоскому» черчению 2D и дать студентам понятие основ 3D. Главная цель этого этапа: научить «читать» и создавать простую документацию, развить пространственное мышление.

На следующем этапе (второй - третий курс) студент приступает к «Интеграции» полученных знаний, происходит постепенный переход к «интеллектуальному» 3D-моделированию. К этому времени студенты уже осваивают ряд профессиональных дисциплин, и имеют представление об основах взаимозаменяемости, допусках и посадках, материаловедении, теории механизмов и машин, Основах технологии изготовления деталей. На этом этапе рационально выполнение проектов, где модель является основным носителем информации.

На завершающем третьем этапе (старшие курсы) стоит начинать реализовывать Сквозные проекты, которые предусматривают Использование MBD-подхода в курсовом и дипломном проектировании. Моделирование полного цикла можно представить схематично так: проектирование затем подготовка управляющих программ, затем виртуальная проверка (цифровой двойник). Эта схема укрупненно представлена на рисунке 1.

Схема состоит из трех блоков: Проектирование, Подготовка производства и Виртуальная проверка (Цифровой двойник)

1. Проектирование:

Создание только трехмерной модели (без чертежей).

Нанесение на модель аннотаций: размеров, допусков, указаний о качестве поверхностей.

Назначение материала.

Результат: Цифровая модель изделия, насыщенная данными.

2. Подготовка производства

Чтение данных напрямую из модели (размеров, допусков).

Автоматический выбор инструмента и траекторий его движения, исходя из заданных требований точности.

Результат: Готовая управляющая программа для станка.

3. Виртуальная проверка (Цифровой двойник)

Симуляция работы станка: компьютерная имитация обработки детали для поиска ошибок.

Виртуальные измерения: сравнение полученной «цифровой детали» с исходной моделью.

Обратная связь: Если найдена ошибка или отклонение - возврат на корректировку траекторий.

Переход от 2D-черчения к MBD требует от инженера не только технических знаний, но и развитых гибких навыков: системное мышление позволяет видеть деталь не как набор видов, а как элемент сквозного производственного процесса, а коммуникация и умение работать в команде становятся критически важными при согласовании единой электронной модели с технологами, программистами ЧПУ и контролёрами, чтобы избежать разночтений, которые ранее «прощались» при «плоском» чертеже. Без готовности к непрерывному обучению и адаптивности даже владение MBD-инструментарием остаётся формальным, тогда как именно гибкие навыки превращают знание ГОСТ и CAD в инженерное решение, пригодное для реального безбумажного производства. Именно они позволяют специалисту не просто «нажимать кнопки» в знакомой среде, а принимать контекстно-зависимые инженерные решения в условиях реального производства. [9].

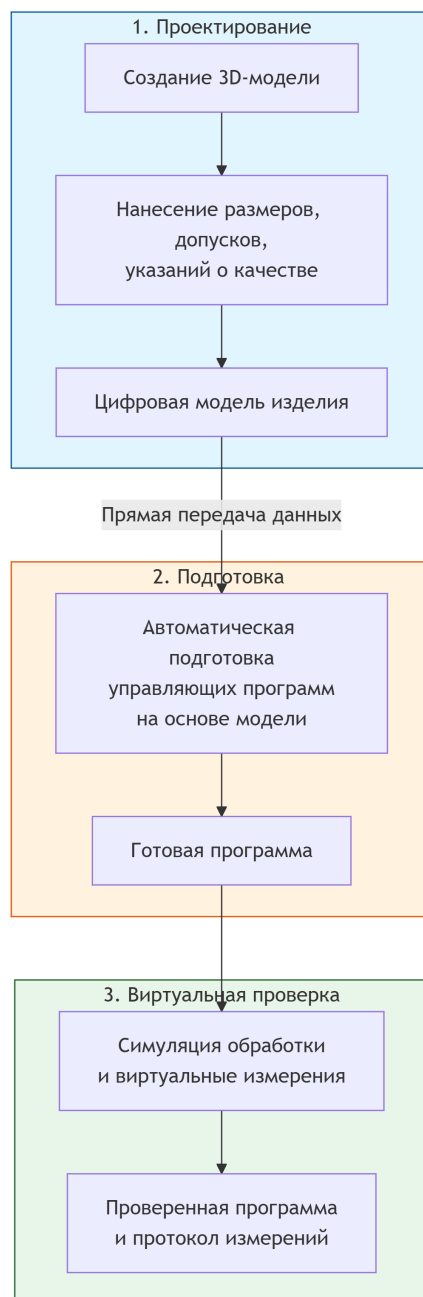

Рисунок 1 Визуальная блок-схема моделирования полного цикла с использованием MBD-подхода

Проведённое исследование подтверждает, что ключевой разрыв между академической подготовкой и запросами современного производства в области инженерной графики локализован не на уровне владения инструментарием конкретных САД-систем, а в формате инженерного мышления и способе передачи данных об изделии. Традиционная образовательная вузовская среда, сфокусирована вокруг плоского чертежа как финального результата работы, формирует проекционное и абстрактное мышление, необходимое как грамматическая основа профессии, однако в условиях цифровой трансформации промышленности она уже не обеспечивает бесшовной интеграции выпускника в производственную среду, стремящуюся к модели как единому источнику истины.

Сопоставление трёх подходов - 2D, 3D и модельно-ориентированного проектирования (MBD) - с точки зрения дидактической ценности и производственной востребованности позволило выявить их принципиальную взаимодополняемость, но различные смыслы, которые несут эти способы проектирования на разных этапах подготовки инженера. Установлено, что:

- обучение на основе 2D-чертежей незаменимо как «азбука» инженерной графики, формирующая фундаментальное понимание проекционных связей, стандартов ЕСКД и навыков чтения документации, сохраняющих значимость для широкого круга предприятий;

- трёхмерное моделирование значимо улучшает пространственное восприятие, снижает когнитивную нагрузку и служит базой для расчётов (CAE) и подготовки производства (CAM), однако сама по себе 3D-геометрия не несёт полной производственной информации;

- подход MBD (электронная модель детали как мастер-модель с PMI-данными) демонстрирует наибольший потенциал для формирования системного, технологически ориентированного мышления и обеспечения цифровой непрерывности, но требует междисциплинарных знаний и определённого уровня цифровой зрелости самого производства.

На основании сравнительного анализа компетенций (таблица 1) можно заключить, что наиболее плавный переход студента из аудитории в конструкторский или технологический отдел обеспечивается не выбором какого-либо одного формата работы с графической информацией, а последовательной трёхэтапной траекторией обучения, постепенно усложняющей как инструментарий, так и контекст решаемых задач: от 2D-фундамента через интеллектуальное 3D-моделирование к сквозным проектам в парадигме MBD. Предложенная визуальная блок-схема моделирования полного цикла (рисунок 1) иллюстрирует, каким образом на завершающем этапе обучения может быть реализована связка «проектирование - подготовка управляющих программ - виртуальная проверка (цифровой двойник)», имитирующая реальный производственный процесс.

Таким образом, для устранения выявленного разрыва необходимо предпринять ряд шагов:

1. На младших курсах сохранить и усилить фундаментальную 2D-подготовку как неотъемлемую базу инженерной грамотности, одновременно вводя базовое 3D-моделирование для развития пространственного интеллекта.

2. На средних курсах переориентировать проектную работу на 3D-модель как основной носитель геометрической и, частично, производственной информации, синхронизируя задания с дисциплинами «Основы технологии машиностроения», «Взаимозаменяемость, допуски и посадки».

3. На старших курсах внедрять MBD-подход в курсовом и дипломном проектировании, формируя у выпускника компетенции сквозного цифрового проектирования и понимание того, как деталь будет изготавливаться и контролироваться на конкретном оборудовании, что обеспечит его готовность к работе в условиях «бесбумажного производства» и сократит период адаптации на предприятии.

4. При этом освоение MBD в вузе следует рассматривать не как замену традиционной подготовке, а как стратегическую компетенцию, ориентированную на перспективу цифровой зрелости предприятий и работу в передовых отраслях. Выпускник, владеющий всеми тремя подходами (2D, 3D, MBD), адаптируется к любому уровню оснащения работодателя - от бумажного архива до цифрового двойника.

Перспективы дальнейших исследований связаны с разработкой методических материалов и учебно-производственных кейсов, реализующих MBD-подход на отечественной программной и нормативной базе, а также с эмпирической оценкой эффективности предложенной трёхэтапной модели обучения на контрольных группах студентов.

Ключевое отличие инженера на заводе от студента в вузе - ответственность за цену ошибки. Студент может переделать курсовую. Инженер, выпустивший в производство модель без учета базирования или с неверным допуском, остановит цех и нанесет ущерб в миллионы рублей. Поэтому MBD - это не про 3D-кнопки, это про культуру однозначности и проверяемости каждого атрибута модели. Этому невозможно научить за один семестр графики, это требует сквозных проектов в 3-4 семестра.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Амиров, Ю. Д. Технологичность конструкции изделия : справ. / Ю. Д. Амиров, Т. К. Алферова, П. Н. Волков. - М. : Машиностроение, 1990. - 768 с.
2. ГОСТ Р 2.056-2024 Единая система конструкторской документации. Электронная модель детали. Общие требования. - Текст : электронный // Интернет и право : [сайт]. - URL: <https://internet-law.ru/gosts/gost/84075/> (дата обращения: 04.05.2026).
3. Металлообработка на станках с ЧПУ: как начать выпускать продукцию мирового уровня?. - Текст : электронный // <https://isicad.ru/ru/> : [сайт]. - URL: https://isicad.ru/ru/articles.php?article_num=20407 (дата обращения: 04.05.2026).
4. Притыкин Ф. Н. Об эффективности использования компьютерного 3D моделирования при изучении графических дисциплин // ОНВ. 2010. №5 (91). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ob-effektivnosti-ispolzovaniya-kompyuternogo-3d-modelirovaniya-pri-izuchenii-graficheskikh-distiplin> (дата обращения: 04.05.2026).
5. Цифровизация: от комфортной жизни до обеспечения промпроизводства [Электронный ресурс] : экспертный аналитический доклад / ЦСП «Платформа». - 2025. - 52 с. - Режим доступа: свободный (дата обращения: 04.05.2026).
6. Черепанов Никита Владимирович Проблемы и особенности внедрения систем информатизации на машиностроительных предприятиях в современных условиях // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2014. №8. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemny-i-osobennosti-vnedreniya-sistem-informatizatsii-na-mashinostroitelnyh-predpriyatiyah-v-sovremennyh-usloviyah> (дата обращения: 27.04.2026).
7. Шавелкова В. В. Развитие пространственного мышления у студентов с помощью CAD и 3D-моделирования // Актуальные исследования. 2023. №38 (168). URL: <https://apni.ru/article/7032-razvitie-prostranstvennogo-myshleniya-u-studentov-s-pomoshhyu-cad-i-3-d-modelirovaniya>
8. HeadHunter URL: <https://hh.ru/>
9. Тимошкина, М. В. Диагностика гибких навыков как инструмент формирования команд / М. В. Тимошкина, С. С. Квач, А. А. Карминский // Бизнес. Образование. Право. - 2021. - № 1(54). - С. 373-378.

ОБ АВТОРЕ:

Кондина Анна Сергеевна,
кандидат педагогических наук, доцент кафедры
иностраных языков №1,
РЭУ им. Г.В. Плеханова, Москва, Россия

ABOUT THE AUTHOR:

Kondina Anna S.,
PhD {Pedagogical Science}, Associate professor of the
Department of Foreign Languages №1,
Federal State Budgetary Educational Institution of
Higher Education «Russian University of Economics
named after G.V. Plekhanov», Moscow, Russia

УДК 378

Кондина А.С.

Нарративная концепция счастья в отечественной и зарубежной литературе как средство формирования профессиональной идентичности: межкультурный подход

В статье анализируются нарративы счастья в отечественной и зарубежной литературе как ресурс формирования личностной и профессиональной идентичности. Показано, как работа с литературными текстами способствует самоопределению студентов, смене точки фокализации в картине мира, переосмыслению ценностных приоритетов и самопознанию и раскрывается их потенциал в формировании межкультурной и профессиональной идентичности в образовательной среде.

Ключевые слова: счастье, литературный нарратив, межкультурная идентичность, лингвокультурология, личностно-профессиональное развитие, язык и культура.

Для цитирования: Кондина А.С. Нарративная концепция счастья в отечественной и зарубежной литературе как средство формирования профессиональной идентичности: межкультурный подход // Социально-гуманитарные технологии. 2026. №2 (38). С. 149-156.

Kondina A. S.

Narrative concept of happiness in domestic and foreign literature as a tool for forming professional identity: an intercultural approach

The article analyses happiness narratives in domestic and foreign literature as a resource for forming personal and professional identity. It shows how working with literary texts contributes to students' self-determination, shifts in focalization in their worldview, re-evaluation of value priorities and self-knowledge, and reveals their potential for developing intercultural and professional identity in the educational environment.

Keywords: happiness, literary narrative, intercultural identity, linguacultural studies, personal-professional development, language and culture.

For citation: Kondina A. S. Narrative concept of happiness in domestic and foreign literature as a tool for forming professional identity: an intercultural approach. *Sotsial'no-gumanitarnye tekhnologii*. 2026; 2 (38): 149-156. (In Russ.)

Введение. Актуальность изучения нарративов счастья в отечественной и зарубежной литературе обусловлена востребованностью личностно и ценностно ориентированного подхода в профессиональном образовании. В процессе профессиональной социализации формирование устойчивой идентичности тесно связано с эмоциональной регуляцией, социальным счастьем и пониманием профессии как источника глубинного удовлетворения, а не только материального благополучия. Литературный нарратив выступает ресурсом ценностного опыта, раскрывая «счастье» в различных культурных и профессиональных контекстах и служа средством личностного и профессионального развития.

Теоретическая база опирается на концептуально-лингвокультурологический анализ концепта «счастье» в русской и западной традиции и современные исследования в психологии и педагогике. В отечественной лингвокультурной и литературоведческой мысли (Леонтьев, Куликов, Тимофеева, Подчиненов) «счастье» рассматривается как аксиологическое образование, связанное с любовью,

служением, свободой и внутренней гармонией; при этом подчёркивается различие между истинным и ложным счастьем и его связь с духовной и нравственной самореализацией. [4, с.52; 5, с.27; 7, с.81; 8, с.115] В зарубежной науке «счастье» широко освещается в рамках позитивной психологии (Селигман, Брэдберн, Динер, Аргайл, Веенховен) и культурной антропологии через модели well-being и flourishing, что подчёркивает межкультурную вариативность и многокомпонентность счастья (аффективный и когнитивный компоненты, социальные и профессиональные факторы). [11, с.33; 12, с.126; 13, с.38; 15, с.546]

Недостаточно разработана проблема осознанного использования нарративов счастья в художественной литературе (отечественной и зарубежной) в теории и методике профессионального образования в контексте формирования профессиональной идентичности и межкультурной компетентности. Встают вопросы: чем особенны концептуализации «счастья» в отечественной и зарубежной литературе? Как нарративы о счастье соотносятся с профессиональным самопознанием и выбором? Какие методики анализа и обсуждения таких нарративов могут быть реализованы в образовательных практиках преподавания иностранного языка в вузе?

Научная новизна представляется в нестандартном обзоре сочетания литературных нарративов с профессиональной идентичностью и интеграции лингвокультурологии (Бахтин, Анкерсмит) с позитивной психологией (Селигман) в педагогический контекст [11, с. 158]. **Цель исследования** — выявить лингвокультурные и ценностные особенности концепции счастья в литературных нарративах отечественной и зарубежной литературы и обосновать их потенциал в формировании профессиональной идентичности в профессиональном образовании, включая межкультурный и личностно-профессиональный аспекты.

Задачи:

- анализ концепта «счастье» в русской и зарубежной литературной традиции;
- раскрытие межкультурных различий в концептуализации «счастья» в литературных нарративах;
- описание способов включения нарративов счастья в практики формирования профессиональной идентичности.

Объект — концепт «счастье» в литературных текстах; предмет — нарративные конфигурации счастья в отечественной и зарубежной литературе как ресурс формирования профессиональной идентичности в учебном процессе. В работе используются методы лингвокультурологического и сопоставительного литературного анализа, кейс-стади и педагогический анализ апробированных методик обсуждения литературных нарративов в профессиональном образовании.

Теоретико-методологические основы.

Понятие «нарратив» в современной лингвистике и литературной теории понимается как семантико-структурированная единица, упорядочивающая события, действия и переживания говорящего во временной и пространственной последовательности. В отечественной традиции Е. А. Попова определяет нарратив как текст повествования о людях и событиях, выделяя наличие событий, временной протяжённости и точки зрения рассказчика. Н. А. Орлова и О. А. Обдалова акцентируют, что нарратив конструирует опыт, придавая ему смысл и связность, и фокусируется на нетипичных (неповседневных) событиях. В западной теории В. Лабов трактует нарратив как способ «пересмотра прошлого опыта» через соотнесение вербальной последовательности с реальной хронологией событий, а М. Бахтин и Ф. Анкерсмит рассматривают нарративы как формы конструирования идентичности и ценностей.

- В философских, культурологических и лингвокультурологических исследованиях концепт «счастье» в отечественной и зарубежной литературе представлен как сложная ценностно-семантическая структура. В русской традиции Д. А. Леонтьев, А. В. Подчиненов, Л. В. Куликова и А. В. Булыга анализируют «счастье» как аксиологический феномен, связанный с нравственным выбором, внутренней гармонией и смысловой целостностью жизни, а не только с удовольствием и внешним благополучием. [4, с.52; 5, с.27; 7, с.81] В литературе «счастье» концептуализируется через мотивы любви, служения, духовной свободы и жертвы, что отражает характерную для русской культуры дилемму между «счастьем» в обыденном (материальном) и высоком (духовном) смысле. [8, с.114]

- В западной литературной и философской традиции (М. Э. Селигман, Э. Динер, Н. Брэдберн, Р. Вееenhooven) концептуализация «счастья» основана на модели well-being, включающей субъективное благополучие, удовлетворённость жизнью, позитивные эмоции и самореализацию, что отражается в нарративах о профессиональной реализации, успехе и личной свободе. [11, с.33; 12, с.126; 13, с.38; 15, с.546]

- Межкультурный аспект в профессиональном образовании понимается как способ осмысления и сопоставления ценностных и поведенческих моделей в контексте профессиональной деятельности. В научной литературе это обозначает диалог культур, направленный на формирование профессиональной этики, уважения к культурной идентичности других и способности к совместной работе в мультикультурной профессиональной среде. В изучении концепта «счастье» межкультурный подход позволяет выявить специфику его языковой и культурной репрезентации в отечественной и зарубежной литературе и на этой основе конструировать практики формирования профессиональной идентичности, учитывающие как национальные, так и универсальные ценностные установки. [1, с. 86; 2, с. 352; 3, с. 49; 10, с. 467]

- Методологическая база исследования опирается на лингвокультурологический, сравнительный и межкультурный подходы, а также на принципы конструктивизма, позволяющие рассматривать литературные тексты как ресурс ценностно-смыслового конструирования в образовательном процессе. [6, с.328] В реализации анализа нарративов о «счастье» в профессиональном образовании применяются: лингвистический и сопоставительный анализ, кейс-стади конкретных литературных произведений и педагогическое моделирование учебных ситуаций и заданий.

Концепция счастья в отечественной литературе: Для анализа нарративов счастья в отечественной литературе выбраны ключевые тексты, отражающие эволюцию концепта в контексте русской культурной традиции и противопоставляющие духовно-нравственный, общественный и личный векторы счастья: роман Л. Н. Толстого «Война и мир», роман Н. Г. Чернышевского «Что делать?» и цикл прозы А. П. Чехова («Дама с собачкой», «Три сестры»). Эти тексты позволяют проследить трансформацию концепции счастья от религиозно-этического самоосмысления (Толстой), к идеализированно-практическому счастью труда и общественного блага (Чернышевский), до лирично-экзистенциального счастья в любви и близких отношениях, часто сопряжённого с разочарованием и несбывшимся ожиданием (Чехов).

Лингвистико-литературный анализ показывает, что в отечественной традиции «счастье» семантизируется через систему ценностных мотивов: духовная гармония и нравственное самосовершенствование, служение обществу и коллективу, а также личное счастье в любви и семье. В «Войне и мире» истинное счастье Пьера Безухова и Наташи Ростовской раскрывается в пределах внутреннего покоя, любви к близким и гармонии с окружающим миром, а не внешних успехов; в толстовском понимании, счастье — это результат длительного духовного пути и принятия высших нравственных ценностей. В «Что делать?» счастье конструктивно связано с активной деятельностью и самоосознанной самореализацией «нового человека» в труде и служении обществу, что соответствует доминирующему в русской культуре представлению о счастье как о счастье-деятельности и счастье-служении. В чеховской прозе внимание смещается на личный и семейный уровень: «счастье» приходит в форме любовного чувства, но часто сопровождается ощущением неполноты и разобщённости; в таком контексте счастье становится «мучительно-возвышенным» идеалом, часто несовместимым с обыденной жизнью.

В интерпретации национальной культурной традиции русская литература представляет «счастье» как многокомпонентное явление, в котором сочетаются судьба, внутренняя радость, труд и духовные ценности. В работах И. Ю. Тимофеевой, Д. А. Леонтьева, А. В. Подчиненова «счастье» в русской культуре и литературе раскрывается как ценностно ориентированный концепт, связанный с идеями любви, доброты, правды и народной мудрости, а также с противоречивостью и двойственностью русского характера. В научной литературе (Л. В. Куликова, А. В. Булыга, Г. О. Сыздыкова) подчёркивается, что в русской культуре счастье воспринимается как внутреннее состояние удовлетворения, наполненности и смысла, а также как внешнее проявление радости и благосклонности судьбы, что актуализируется в

образах трудового и семейного счастья. В контексте межкультурного образования такой анализ позволяет выявить специфику русского понимания счастья (вектор на духовность, служение и судьбу) и противопоставить его доминирующим в западной литературе моделям well-being и счастья как личной самореализации и успеха, что служит основой для формирования профессиональной идентичности в поликультурной среде

Концепция счастья в зарубежной литературе. В качестве материала для анализа концепции счастья в зарубежной литературе рассматриваются широко используемые в образовательных программах англоязычные и европейские произведения, в которых концептуализируется счастье как личное благополучие, профессиональный успех, романтическая любовь и социальная реализация: В западной литературной традиции концепция счастья в произведениях У. Джойса, Э. Хемингуэя, Р. Брэдли и Ю. Зюскинда проявляется как сочетание индивидуалистического, гедонистического и экзистенциального счастья с социальным благополучием (well-being) в рамках светской, децентрализованной модели ценностей.

В «Улиссе» Джойс демонстрирует «светскую» замену религии повседневностью, телесностью и привычными ритуалами: счастье материализуется в телесном ощущении момента, «возвращении домой» и мимолётных любовных связях как компонентах общего сенсорного и бытового благополучия, а не в религиозном спасении.

В «Старике и море» Хемингуэй представляет счастье в фрагментарной форме: оно — не долговременное состояние, а вспышки «жизнестойкости», возвращения к мастерству и утверждения индивидуальной чести. Труд здесь — не служение коллективу, а профессиональный опыт и личная борьба, а счастье близко к одиночеству и самоосознанному переживанию момента.

В «451 градусе по Фаренгейту» Брэдли концептуализирует счастье как личную свободу и спасение от тоталитарного общества, где комфорт и внешний успех подменяют духовную и интеллектуальную жизнь: счастье — в праве выбирать, мыслить и сохранять культурную память, а не в подавлении и конформизме.

В «Парфюмере» Зюскинд рисует радикально светскую и антирелигиозную модель: счастье идентифицируется исключительно с утилитарным и чувственным опытом, властью и сенсорным контролем. Религиозная и духовная парадигма смещается в пользу абсолютной чувственности и гедонистической логики, где счастье — в господстве и чувственном удовольствии, а не в служении и милосердии.

В общей модели счастья, представленной в этих текстах, акцент делается на личной свободе, индивидуальном успехе, чувственной и эмоциональной насыщенности, а также на внешнем комфорте и безопасности. Любовь и близкие отношения (в том числе мимолётные связи у Джойса) рассматриваются как один из компонентов well-being, а не как центр духовного и этического вызова, как в русской литературной традиции.

Сравнительный межкультурный анализ выявляет как сходства, так и существенные различия в концептуализации счастья в отечественной и зарубежной литературе. В обеих традициях «счастье» трактуется как внутреннее состояние радости и удовлетворения жизнью, а также как социальный и нравственный феномен. Сравнительный межкультурный анализ концептуализации счастья в отечественной и зарубежной литературе выявляет как сходства, так и существенные различия в содержании, ценностных доминантах и функциональной нагрузке этой категории в культурно-национальных и социокультурных моделях.

В русской литературной традиции (на примере «Войны и мира» и «Анны Карениной» Л. Н. Толстого, «Что делать?» Н. Г. Чернышевского, «Дамы с собачкой» и «Трёх сестёр» А. П. Чехова) счастье типологически представлено как духовно-нравственное, служебное и семейно-бытовое: оно связано с внутренним путём (самоосуждением как путём к спасению), служением обществу и коллективу, а также с семьёй как центральной основой благополучия (семейная жизнь Пьера и Наташи, бездетная семья Левина). В этой модели труд понимается как «самоосознанная деятельность» (Чернышевский) или как простой труд земли, а не как средство получения внешнего успеха; счастье — это внутреннее состояние

покая, согласия и принятия, а не внешнее обладание, что в близких философских рамках интерпретируется как «смирение» и «внутренний свет».

В западной литературной традиции (на примере «Улисса» Дж. Джойса, «Старика и моря» Э. Хемингуэя, «451 градуса по Фаренгейту» Р. Брэдли, «Парфюмера» Ю. Зюскинда) концептуализация счастья основывается на индивидуалистической, гедонистической и экзистенциальной модели well-being, в которой счастье ассоциируется с личной свободой, индивидуальным успехом, избеганием тоталитарного общества (Брэдли) или одиночеством как формой экзистенциальной жизнестойкости (Хемингуэй). В «светской» модели (Джойс, Хемингуэй) религия заменяется бытовостью, телесностью и профессиональным мастерством (рыбак как носитель «жизнестойкости»); в «Парфюмере» религиозная и духовная парадигма отвергается в пользу абсолютной чувственной и утилитарной логики, где счастье — в удовольствии, власти, чувственном опыте и внешнем успехе. В этой модели любовь и близкие отношения выступают как фрагментарный или вторичный компонент общего благополучия, а не как центр духовного и этического выбора.

Таким образом, на материале ключевых художественных произведений отечественной и зарубежной литературы становится очевидно, что в русской литературе счастье преимущественно конструируется как внутреннее, духовно-нравственное состояние, реализуемое в служении, коллективе и семье, тогда как в западной литературе акцент смещается на счастье как внешнее благополучие, личную свободу и индивидуальную реализацию, что в межкультурной перспективе формирует разные модели профессиональной идентичности и личностного самоопределения. Визуализация типологии счастья в русской и зарубежной литературной традиции представлена в таблице 1.

Таблица 1. Сравнительная таблица: Концепт «счастье» в отечественной и зарубежной литературе

Категория	Русская традиция	Зарубежная традиция
Тип счастья	Духовно-нравственное, служебное, семейно-бытовое	Индивидуалистическое, гедонистическое, экзистенциальное, социальное благополучие (well-being)
Ключевые тексты	Л.Н. Толстой — «Война и мир», «Анна Каренина» Н.Г. Чернышевский — «Что делать?» А.П. Чехов — «Дама с собачкой», «Три сестры»	У. Джойс — «Улисс» Э. Хемингуэй — «Старик и море» Р. Брэдли — «451 градус по Фаренгейту» Ю. Зюскинд — «Парфюмер»
Ценности	Духовная гармония, труд, любовь к ближнему, служение, «самоосуждение как путь к спасению»	Самореализация, свобода, право на удовольствие, продуктивность, внешний комфорт, власть, чувственный опыт
Роль духовности / религии	Счастье — результат внутреннего пути, принятия высших нравственных истин, «смирения» и «простоты»	В «светской» модели (Джойс, Хемингуэй) — религия заменяется повседневностью, трудом, телесностью; в «Парфюмере» — религия (в широком смысле) отвергается в пользу чувства
Роль общества / коллектива	Счастье — в служении, труде во благо общего дела, в самоотречении (Чернышевский) или в возвращении к народной жизни (Толстой)	Счастье — в личной свободе, индивидуальном успехе, избегании тоталитарного общества (Брэдли) или в одиночестве (Хемингуэй)
Роль семьи / любви	Центральная: семья как основа счастья (бездетная семья Левина, семейная жизнь Пьера и Наташи)	Вторичная или фрагментарная: мимолётные любовные связи (Джойс), трагическая неудовлетворённость (Чехов), но в «светской» модели любовь — один из компонентов благополучия
Роль труда	Счастье — в труде как «самоосознанной деятельности» (Чернышевский), в простом труде Земли (Толстой)	Труд — как профессиональный опыт, мастерство, «жизнестойкость» (рыбак Хемингуэй), а не как служение

Тип счастья: «внутреннее» vs. «внешнее»	Счастье — внутреннее состояние покоя, согласия, принятия, а не обладание (в русской философии это близко к «смирению» и «внутреннему свету»)	Счастье — в удовольствии, комфорте, внешнем успехе, но также в «самоосознанном переживании момента» (Джойс, Хемингуэй)
---	--	--

Так, далее цитаты подтверждают типологию таблицы — русская традиция акцентирует внутреннее нравственное состояние, западная — индивидуалистическое и сенсорное благополучие.

Русская традиция:

1. Л.Н. Толстой, «Война и мир» (том 4, ч. 4, гл. 14): «И тогда он вдруг почувствовал, что он счастлив и что он счастлив уже давно, постоянно, но только теперь впервые заметил это» (Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. Т. 10. С. 127). *Внутреннее состояние покоя, независимое от внешнего.*

2. Н.Г. Чернышевский, «Что делать?» (гл. 4, ч. 2): «Человек должен стремиться к тому, чтобы быть полезным, чтобы его деятельность служила общему благу» (Чернышевский Н.Г. Избр. философские соч. С. 356). *Счастье-служение и общественная польза.*

3. А.П. Чехов, «Дама с собачкой»: «И казалось, что ещё немного, и вот-вот наступит решение, и начнётся настоящая, настоящая жизнь, и оба они всё это ясно понимали» (Чехов А.П. Полн. собр. соч. Т. 9. С. 378). *Экзистенциальное счастье любви, неполное и мучительное.*

Зарубежная традиция:

1. У. Джойс, «Улисс» (эпизод «Итака»): «Yes I said yes I will Yes» — момент чувственного счастья Молли Блум (Joyce J. Ulysses. P. 738). *Телесное, мимолётное счастье повседневности.*

2. Э. Хемингуэй, «Старик и море»: «Человека можно уничтожить, но не победить» (Hemingway E. The Old Man and the Sea. P. 103). *Жизнестойкость и достоинство в поражении.*

3. Р. Брэдли, «451 градус по Фаренгейту»: «Мы счастливы, потому что не думаем» (Bradbury R. Fahrenheit 451. P. 34).

Критика искусственного счастья конформизма.

4. Ю. Зюскинд, «Парфюмер»: «Этот запах был совершенством. Он был самым счастьем» (Süskind P. Perfume. P. 256). *Абсолютное чувственное счастье как власть.*

Таким образом, сравнительный анализ выявленных результатов подтверждает теоретическую значимость лингвокультурного концепта «счастье» для межкультурного осмысления в процессе преподавания иностранных языков.

На основе сравнительного анализа нарративов счастья в отечественной и зарубежной литературе можно выделить три ключевых межкультурных вывода относительно межкультурных различий в концепте «счастье».

1. Ценностный вектор. Русская традиция: «счастье-смысл/служение» (духовность, коллектив). Западная: «subjective well-being» самореализация, успех).

2. Личное vs. Коллективное. Русская: долг, включение («Война и мир», Чехов). Западная: автономия («Гроздь гнева»).

3. Онтологический статус. Русская: состояние/путь. Западная: цель/процесс.

Анализ концепции счастья в отечественной и зарубежной литературе обладает высокой педагогической ценностью в профессиональном образовании, поскольку позволяет включить в учебный процесс не только лингвистический и текстовый анализ, но и работу с ценностными и культурными основаниями профессиональной идентичности. В контексте изучения иностранных языков и лингвокультурологии такой анализ способствует формированию межкультурной компетенции, позволяя проследить, как в разных культурных традициях семантизируются благополучие, смысл и профессиональная ответственность. В деловом и экономическом образовании он создаёт основу для рефлексии над доминирующими моделями профессионального успеха и well-being, противопоставляя им альтернативные модели счастья как служения, долга и внутреннего состояния.

Так, **теоретическая значимость** заключается в выявлении лингвокультурных различий концепта «счастье» (русская традиция — «смысл/служение»; западная — «subjective well-being») как основы межкультурного анализа нарративов в профессиональном языковом образовании. **Практическая**

значимость исследования заключается в формировании ключевых компетенций ФГОС ВО 3++: УК-4 — деловая коммуникация на иностранном языке (дискуссии, эссе). УК-6 — профессиональное самоопределение (манифест «Моя модель счастья»). ПК-1 — межкультурная коммуникация (лингвокультурный анализ психотипов).

Для реализации данной линии в учебной практике преподавания иностранного языка в университете могут быть использованы следующие **методики**: сравнительно-сопоставительные дискуссии и вопросы для рефлексии (например, «В каких профессиях счастье определяется успехом, а в каких — служением и смыслом?»), написание рефлексивных эссе на тему «счастье в моей профессии», дебаты и групповые проекты (например, «Культурная модель счастья в профессиональной среде»), а также создание «культурного портфолио» концепта счастья на основе лингвистико-литературного анализа.

Пример задания: Проект «Культурное портфолио концепта счастья в профессии»

Задание: В индивидуальной или групповой работе разработайте «Культурное портфолио концепта счастья в профессии» в форме презентации или краткого digital-эссе и включите в него: – 2–3 примера представлений о счастье в профессии из русской и 2–3 примера из зарубежной (в том числе англоязычной) культурной традиции (на основе литературных и нонфикшн-текстов, интервью, речей, биографий);

– сравнительную таблицу по критериям: внутреннее/внешнее счастье, личное/коллективное счастье, счастье как смысл/счастье как успех, роль труда и смысла;

– собственный профессиональный манифест: «Моя модель счастья в профессии» (100–200 слов).

Языковая/коммуникативная цель:

Формирование межкультурной и профессиональной идентичности, развитие навыков анализа и синтеза, а также навыков письменной и визуальной презентации информации на иностранном языке.

Выводы:

1. Концепция счастья в русской литературе концептуализируется как «счастье-смысл/служение» — внутренняя гармония через нравственное переосмысление, труд и коллективное включение («Война и мир», «Что делать?», Чехов).

2. Концепция счастья в зарубежной литературе представлена моделью «subjective well-being» — субъективное благополучие через личные достижения, автономию и успех.

3. Межкультурное различие: русская модель ориентирована на «включение/состояние», западная — на «автономию/цель».

4. Цель исследования достигнута: выявлены лингвокультурные особенности нарративов счастья; задачи по анализу и разработке методик выполнены.

5. Практическая значимость: формирование компетенций ФГОС ВО 3++ посредством лингвокультурного анализа классических нарративов. Метод применим в вузовском обучении гуманитарным и экономическим дисциплинам, усиливает soft skills и патриотические нарративы. Чтение отечественной и зарубежной литературы обеспечивает понимание психотипов и ценностных приоритетов, способствуя эффективной коммуникации в межкультурном бизнесе.

6. Перспективы: расширение корпуса текстов, эмпирическая верификация методик.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Власова А. С. Риторический подход как методологическая основа по формированию профессиональной прагмалингвистической компетенции у будущих врачей / А. С. Власова, О. М. Киселева // Перспективы науки и образования. – 2025. – № 4(76). – С. 83–98. – DOI 10.32744/pse.2025.4.6. – EDN PUWHKK.
2. Дроботенко Ю.Б., Назарова Н.А. Конструирование профессионально-ориентированных ситуаций педагогической деятельности для занятий по иностранному языку // Горизонты образования: мат. IV Междунар. науч.-практ. конф., Омск, 20–21 апреля 2023 г. / отв. ред. Н.В. Чекалева. Омск: Омский гос. педагогический университет, 2023. С. 351–353. EDN LSVSUO.
3. Кондина А. С. Нарративно-цифровой подход в языковом образовании при формировании профессиональной самоидентификации студентов / А. С. Кондина, Е. Т. Минасян // Ярославский педагогический вестник. – 2024. – № 6(141). – С. 47–54. – DOI 10.20323/1813-145X-2024-6-141-47. – EDN UBNSDN.

4. Куликов Л. В. Аксиологический аспект концепта «счастье» в русской культуре // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2015. № 2. С. 45–56.
5. Леонтьев А. А. Семантика счастья в русском языковом сознании // Психолингвистика. 2002. № 3. С. 21–35.
6. Пастухова Е. В. Показывание и рассказывание как проявление нарратива в преподавании иностранного языка / Е. В. Пастухова // Приоритетные направления повышения качества подготовки военного специалиста технического обеспечения : материалы X Всероссийской научно-методической конференции, Омск, 18 ноября 2022 года. – Омск: Омский автобронетанковый инженерный институт, 2022. – С. 326-330. – EDN NMUAAO.
7. Подчиненов С. И. Духовная гармония и истинное счастье в отечественной мысли // Религиоведение. 2020. № 1. С. 78–89.
8. Тимофеева Н. А. Счастье как нравственная категория в русской философии // Философия и культура. 2018. № 7. С. 112–120.
9. Толстых, О. М. Развитие прагматического компонента компетентности в области применения искусственного интеллекта у преподавателей иностранных языков / О. М. Толстых // Познание и деятельность: от прошлого к настоящему : Материалы VI Всероссийской междисциплинарной научной конференции, Омск, 14–15 ноября 2024 года. – Омск: Омский государственный педагогический университет, 2024. – С. 268-270. – EDN EUYJRU.
10. Филатова, Е. А. Формирование универсальных компетенций студентов как условие развития культурного интеллекта на занятиях по иностранному языку / Е. А. Филатова // Горизонты образования : материалы III Международной научно-практической конференции, Омск, 21 апреля 2022 года. – Омск: федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования "Омский государственный педагогический университет", 2022. – С. 466-468. – EDN RSQTIK.
11. Seligman M. E. P. Authentic Happiness: Using the New Positive Psychology to Realize Your Potential for Lasting Fulfillment. New York : Free Press, 2002. 336 p.
12. Bradburn N. M. The Structure of Psychological Well-Being. Chicago : Aldine, 1969. 310 p.
13. Diener E. Subjective Well-Being: The Science of Happiness and a Proposal for a National Index // American Psychologist. 2000. Vol. 55, № 1. P. 34–43.
14. Argyle M. The Psychology of Happiness. London : Routledge, 1987. 286 p.
15. Veenhoven R. Happiness in Nations: Subjective Appreciation of Life in 56 Nations, 1946–1992. Rotterdam : RISBO, 1993. 674 p.

ОБ АВТОРЕ:

Науров Дмитрий Максимович,
преподаватель кафедры физической подготовки
учебно-научного комплекса специальной
подготовки

Федеральное государственное казённое
образовательное учреждение высшего
образования «Московский Ордена почёта
университет Министерства внутренних дел
Российской Федерации имени В.Я. Кикотя»,
Москва, Россия

ABOUT THE AUTHOR:

Naurov Dmitry M.,

Lecturer of the Department of Physical Training of the
Educational and Scientific Complex of Special
Training,

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of
Russia named after Kikot, Moscow, Russia

Науров Д.М.

Теоретико-методологические основы создания цифрового комплекса для развития силовой выносливости курсантов

В статье представлены результаты теоретического исследования, направленного на разработку методологии проектирования специализированного цифрового учебно-тренировочного комплекса (далее - ЦУТК) для развития силовой выносливости у курсантов ведомственных вузов МВД России. Результатом исследования является многоуровневая структурно-функциональная модель ЦУТК, включающая целевой, содержательный, технологический и оценочно-результативный блоки.

Ключевые слова: силовая выносливость, методология проектирования, профессиональное образование, педагогическое моделирование, адаптивное обучение.

Для цитирования: Науров Д.М. Теоретико-методологические основы создания цифрового комплекса для развития силовой выносливости курсантов // Социально-гуманитарные технологии. 2026. №2 (38). С. 157-162.

Naurov D. M.

Theoretical and methodological foundations of creating a digital complex for developing power endurance in cadets

The article presents the results of a theoretical study aimed at developing a methodology for designing a specialized digital training complex (hereinafter referred to as the TSUTK) for the development of strength endurance among cadets of departmental universities of the Ministry of Internal Affairs of Russia. The result of the research is a multi-level structural and functional model of the Central Research Center, which includes targeted, meaningful, technological, and evaluative-effective blocks.

Keywords: strength endurance, design methodology, vocational education, pedagogical modeling, adaptive learning.

For citation: Naurov D. M. Theoretical and methodological foundations of creating a digital complex for developing power endurance in cadets. *Sotsial'no-gumanitarnye tekhnologii*. 2026; 2 (38): 157-162. (In Russ.)

Введение (Introduction). Современная оперативно-служебная деятельность сотрудников органов внутренних дел характеризуется высокой динамичностью, непредсказуемостью и экстремальными психофизическими нагрузками. В этих условиях уровень развития силовой выносливости становится не просто компонентом общей физической подготовленности, а ключевым фактором профессиональной надежности, определяющим способность к длительному сохранению работоспособности при выполнении силовых действий. Традиционная система физической подготовки в ведомственных вузах, основанная на групповых методах и стандартизированных нормативах, все чаще демонстрирует свою недостаточную эффективность в контексте требований к подготовке кадров. Параллельно с этим цифровая трансформация охватывает все сферы образования, предлагая инструменты для создания интеллектуальных обучающих сред. Однако прямое заимствование коммерческих фитнес-решений или общих образовательных платформ не решает специфических задач ведомственной физической подготовки. Таким образом, возникает острая потребность в разработке специализированной научно-обоснованной методологии, которая бы позволила проектировать цифровые учебно-тренировочные

комплексы, адекватные профессиональному контексту деятельности МВД. Актуальность данного исследования, таким образом, лежит на пересечении трех векторов: необходимости модернизации физической подготовки силовых структур, потенциала цифровых технологий для образования и отсутствия целостных моделей их интеграции для развития конкретных физических качеств.

Цель исследования – разработать научно обоснованную методологическую модель для создания ЦУТК, интегрирующего передовые методики силовой подготовки, технологии объективного контроля и принципы адаптивного обучения. В работе применен комплекс теоретических методов: анализ литературных источников, педагогическое моделирование, системный подход и метод экспертных оценок. В работе детально описаны принципы его функционирования: профессиональная адекватность, персонализация, интерактивность и интеграция. В рамках модели разработаны алгоритмы подбора тренировочных модулей на основе биомеханического анализа типовых силовых нагрузок и система автоматизированного контроля эффективности на основе данных с носимых устройств.

Силовая выносливость справедливо идентифицируется как одно из доминирующих физических качеств в профессиональной деятельности сотрудников органов внутренних дел. Ее уровень напрямую определяет способность к длительному применению силовых приемов, преодолению сопротивления, работе в экипировке и эффективному действию в условиях высокого психофизического утомления [1, с. 472]. Несмотря на признание ее важности, традиционная система физической подготовки в ведомственных вузах зачастую сталкивается с рядом системных вызовов. Это, например, групповой характер занятий, нивелирующий индивидуальные особенности и исходный уровень подготовленности курсантов; преобладание эмпирических подходов над научно обоснованными методиками, основанными на объективных данных; дефицит инструментов оперативного контроля и корректировки тренировочной нагрузки в реальном времени; а также слабая связь тренировочных упражнений с биомеханической структурой реальных профессиональных действий.

Цифровая трансформация системы профессионального образования открывает возможности для преодоления этих ограничений через создание интеллектуальных обучающих сред. Однако проектирование таких сред для специфических задач ведомственной подготовки требует особой методологии.

Проблема исследования заключается в отсутствии целостного научно-методического подхода к проектированию цифровых инструментов, которые обеспечивали бы персонализированное, профессионально-ориентированное развитие силовой выносливости у курсантов МВД, которое было бы научно доказано.

Гипотеза исследования состоит в предположении, что эффективность процесса развития силовой выносливости может быть существенно повышена за счет внедрения ЦУТК, спроектированного на основе методологии, интегрирующей принципы адаптивной физической культуры, технологии цифрового мониторинга и алгоритмы автоматизированного управления тренировочным процессом.

Методы (Methods). Исследование проводилось в период с января по сентябрь 2025 года и включало несколько взаимосвязанных этапов с применением комплекса теоретических и проектных методов. На первом этапе исследования применялся теоретический анализ научно-методической литературы, системный анализ существующих практик физической подготовки в вузах МВД. На модельно-проектном этапе применялись методы педагогического моделирования, экспертных оценок и проектирования.

Литературный обзор (Literature Review). Анализ последних исследований показывает растущий интерес к применению цифровых платформ в спортивной подготовке, что открывает перспективы для моделирования реакции организма курсанта на нагрузку. Кроме того, работы в области педагогического дизайна подчеркивают важность пользовательского опыта и интерфейса подобных комплексов для поддержания мотивации и удобства использования [2, с. 207]. Анализ отечественных и зарубежных исследований позволяет выделить несколько ключевых направлений, релевантных теме данного исследования. Во-первых, значительный пласт работ посвящен обоснованию значимости силовой выносливости в структуре профессиональной подготовленности сотрудников МВД. В фундаментальных трудах В.А. Таймазова, Я.К. Коблова и С.В. Петрова детально проанализирована структура служебно-

боевой деятельности, где доказывается, что до 70% действий требуют проявления именно силовой выносливости в вариативных условиях. Во-вторых, вопросы непосредственно методики физической подготовки в ведомственных вузах глубоко раскрыты в работах Д.В. Полянского, Р.Р. Хайруллина. Их монографии содержат критический анализ существующей системы подготовки, указывая на ее основную слабость – ориентацию на среднего курсанта и недостаточную индивидуализацию. Вопросы педагогического дизайна и внедрения адаптивных обучающих систем рассмотрены в трудах А.В. Иванова, И.А. Цикина. Их работы доказывают, что успех цифровизации зависит не столько от технологии, сколько от методологии ее интеграции в образовательный процесс, что подтверждает необходимость проведения именно методологического, а не технического исследования.

Исследования в области Virtual Reality (VR) для моторного обучения (например, работы группы под руководством D. J. Harris) показывают высокую эффективность иммерсивных сред для отработки сложнокоординированных действий, но их адаптация к задачам развития базовых физических качеств, таких как силовая выносливость, изучена недостаточно. Таким образом, обнаруживается явный методологический разрыв: между передовыми диджитал-технологиями в спорте и обучением, с одной стороны, и консервативной, нормативно-ориентированной системой ведомственной физической подготовки – с другой. Настоящее исследование призвано построить концептуальный мост через этот разрыв, предложив не просто технологическое решение, а целостную педагогическую модель, в которой технология служит инструментом реализации дидактических принципов.

Таким образом, научная ниша данного исследования определяется необходимостью синтеза трех указанных направлений: теории и методики физической подготовки силовых структур, современных технологий и педагогического дизайна адаптивных образовательных систем. Существующие работы затрагивают эти аспекты по отдельности, но комплексной методологии их интеграции для решения конкретной задачи развития силовой выносливости у курсантов МВД до сих пор предложено не было.

Результаты и обсуждение (Results and Discussion).

Проведенный анализ литературы и результаты экспертного опроса позволили выделить систему взаимосвязанных принципов, которым должен отвечать разрабатываемый комплекс:

1. Принцип профессиональной адекватности: содержание комплекса (упражнения, метрики) должно быть напрямую связано с биомеханическими и функциональными требованиями конкретных профессиональных действий (например, жимовое движение при оттеснении толпы, статическое удержание при конвоировании, взрывная сила при преодолении препятствия).

2. Принцип адаптивности и персонализации: комплекс должен на основе вводного и текущего тестирования автоматически формировать и корректировать индивидуальную тренировочную траекторию для каждого курсанта, учитывая его сильные и слабые стороны.

3. Принцип объективизации контроля: оценка эффективности должна основываться не на субъективном мнении преподавателя, а на данных, получаемых с помощью встроенных в оборудование датчиков (мониторы сердечного ритма, датчики скорости и мощности движения, видеоанализ техники) и носимых устройств (фитнес-браслеты) [3, с. 179].

4. Принцип интерактивности и геймификации: интерфейс и процесс обучения должны включать элементы, повышающие вовлеченность: визуализация прогресса, система достижений, соревновательные лидерборды (рейтинговые таблицы) в рамках учебной группы.

5. Принцип интеграции: комплекс не должен быть «островным» решением. Он должен быть интегрирован в единую информационную среду вуза (например, обмен данными с электронным журналом, электронной зачеткой) [4, с. 5].

6. Принцип научной обоснованности и безопасности. Все тренировочные модули и алгоритмы адаптации нагрузки должны базироваться на данных физиологии, спортивной медицины и биомеханики, исключая произвольные или потенциально травмоопасные рекомендации. Система должна включать встроенные «предохранители», например, автоматическое снижение нагрузки при обнаружении признаков переутомления (по ЧСС, субъективным оценкам усталости RPE) или нарушении техники, фиксируемой датчиками движения.

Структурно-функциональная модель ЦУТК. Разработанная модель представляет собой четырехблочную систему.

Блок 1: Целевой. Функция: определение цели и задач комплекса. Наполнение: модель профессиональных компетенций сотрудника МВД в части физической подготовленности; критерии и нормативы оценки силовой выносливости.

Блок 2: Содержательный. Функция: хранение и организация учебно-тренировочного контента. Наполнение: библиотека структурированных тренировочных модулей. Каждый модуль соответствует определенному виду активности (например, «Броски и захваты», «Статическая выносливость в партере», «Выносливость мышц кора при длительном ношении снаряжения»). Модуль включает: видео-инструкцию с эталонным выполнением; анимированную 3D-модель с акцентом на работающие мышечные группы; методические указания по дозировке, технике безопасности; базовые и усложненные варианты упражнения.

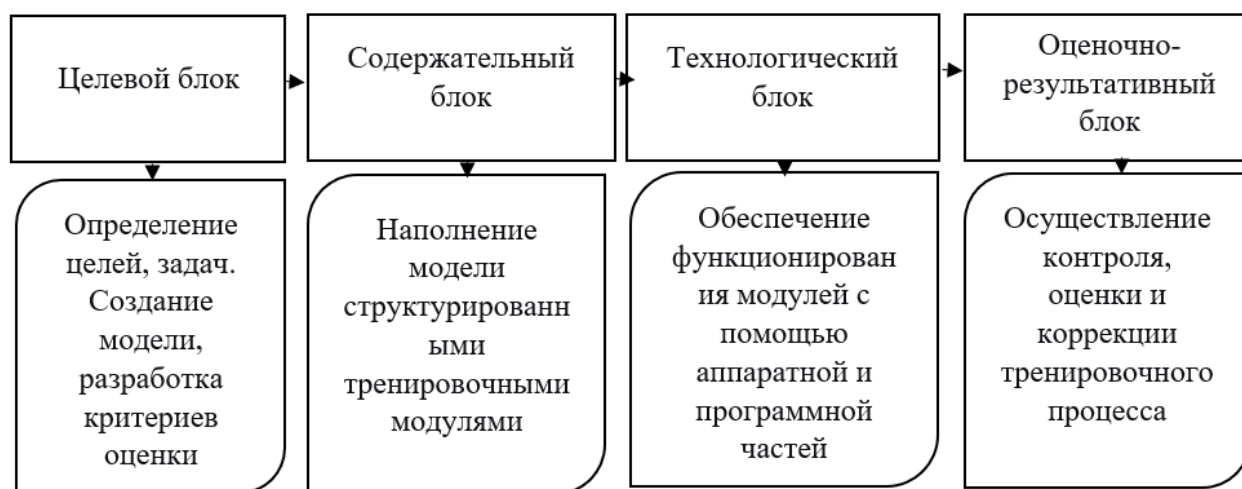

Рисунок 1 - Взаимосвязь блоков цифрового учебно-тренировочного комплекса

Блок 3: Технологический. Функция: обеспечение функционирования комплекса. Наполнение:

- аппаратная часть: «Умные» тренажеры, совместимые по Bluetooth, сенсоры, станции для работы с собственным весом, оснащенные датчиками, носимые устройства (пульсометры), системы видеофиксации для последующего анализа техники;

- программная часть. Ядро – адаптивная обучающая платформа с web- и mobile-интерфейсом. Платформа включает: базу данных курсантов, алгоритм подбора упражнений, систему аналитики и визуализации данных.

Детализация технологического блока (алгоритмический уровень). Ключевым элементом платформы является адаптивный алгоритм управления тренировочным процессом (Adaptive Training Engine - ATE). Его работа основана на цикле OODA (Наблюдение, ориентирование, решение, действие), (Observe, Orient, Decide, Act). Observe (наблюдение): сбор данных в реальном времени с датчиков (пульс, мощность, скорость, амплитуда, угол в суставах, видео). Orient (ориентирование): анализ данных в контексте индивидуального профиля курсанта (цели, история тренировок, восстановление). Система классифицирует состояние: «перевыполнение плана», «норма», «техническая ошибка», «признаки утомления». Decide (решение): на основе заданных правил (rule-based system) и простых предиктивных моделей (например, линейная регрессия для прогноза прогресса) система принимает решение: увеличить нагрузку (вес, объем, сложность), оставить без изменений, снизить нагрузку или заменить упражнение на корректирующее. Act (действие): мгновенная корректировка плана, отображаемая на интерфейсе тренажера или мобильного приложения курсанта, либо сигнал (звуковой/вибрационный) о необходимости изменить технику.

Кроме того, платформа включает модуль симуляции профессиональных сценариев. На основе VR или дополненной реальности (AR) курсант может отрабатывать упражнения в виртуальной обстановке,

имитирующей реальные условия (действия в темноте, на лестнице, при ограниченном пространстве), что напрямую служит реализации принципа профессиональной адекватности.

Блок 4: Оценочно-результативный. Функция: контроль, оценка и коррекция процесса. Наполнение: система формирует «Цифровой профиль физического развития» для каждого курсанта, который включает:

- динамику ключевых показателей: мощность, количество повторений, время под нагрузкой, скорость восстановления ЧСС;
- автоматически генерируемые отчеты о прогрессе;
- персонализированные рекомендации по восстановлению и питанию (на основе введенных данных);
- интеграцию с системой аттестации (автоматическое выставление промежуточных зачетов по нормативам).

Был смоделирован пошаговый алгоритм работы курсанта с системой, который представлен далее.

1. Стартовое тестирование/входной контроль. Курсант проходит базовое тестирование на ключевых упражнениях (подтягивания, отжимания, планка и т.д.) с использованием датчиков комплекса. Система фиксирует не только результат, но и биомеханические показатели: скорость опускания/подъема, угол в суставах, время под напряжением.

2. Формирование индивидуального плана. На основе алгоритма, учитывающего дефициты и цели курсанта, система генерирует персональный тренировочный план на ближайший микроцикл (1-2 недели). План включает конкретные модули, количество подходов, целевую зону пульса.

3. Проведение тренировки. Курсант выполняет план. Датчики в реальном времени снимают показатели. Платформа может давать обратную связь (например, вибрация браслета при нарушении техники или выходе из целевой пульсовой зоны).

4. Анализ и адаптация. После тренировки система анализирует данные. Если курсант стабильно перевыполняет план, нагрузка на следующий сеанс увеличивается. Если фиксируются ошибки или невыполнение, план корректируется в сторону упрощения или добавления корректирующих упражнений.

5. Итоговый контроль и отчетность. По завершению мезоцикла (4-6 недель) система проводит контрольное тестирование, формирует подробный отчет для преподавателя и курсанта, а также вносит данные в цифровое портфолио обучающегося.

Предложенная методология позволяет систематизировать разрозненные аспекты цифровой трансформации применительно к узкоспециализированной задаче. Модель комплекса является не просто набором технологий, а педагогическим инструментом, перестраивающим всю логику организации тренировочного процесса.

Ключевое преимущество – смещение акцента с группового норматива на индивидуальный прогресс. Курсант соревнуется не с другими, а с самим собой, что психологически более эффективно [5, с. 272]. Преподаватель из «надзирателя» превращается в куратора-аналитика, который на основе объективных данных может принимать точечные методические решения для всей группы или отдельных обучающихся.

Ожидаемый педагогический эффект от внедрения комплекса, спроектированного по данной методологии, включает: повышение мотивации курсантов за счет геймификации и наглядности прогресса; рост объективности оценки; индивидуализацию обучения; и, как следствие, более высокий прирост показателей силовой выносливости по сравнению с традиционной методикой.

Ограничения и перспективы внедрения. Разработанная модель является теоретической конструкцией, и ее практическая реализация сопряжена с рядом вызовов. Технологические ограничения включают высокую стоимость «умного» оборудования, необходимость обеспечения бесперебойной синхронизации множества датчиков и создания надежного программного ядра. Кадровые ограничения – это потребность в переподготовке преподавательского состава, который должен освоить новые роли аналитиков и кураторов данных. Методические ограничения связаны с необходимостью

проведения длительных педагогических экспериментов для тонкой настройки алгоритмов адаптации и доказательства статистически значимого превосходства над традиционными методами.

Перспективы дальнейших исследований видятся в следующих направлениях:

1. Разработка и апробация прототипа одного из модулей ЦУТК (например, для развития статической силовой выносливости) с проведением формирующего педагогического эксперимента.

2. Исследование психолого-педагогических аспектов: изучение влияния геймифицированных элементов и цифрового профиля на внутреннюю мотивацию и самооффективность курсантов.

3. Развитие алгоритмов ИИ: интеграция машинного обучения для более точного прогнозирования индивидуальной реакции на нагрузку и выявления скрытых закономерностей в тренировочных данных.

4. Создание межведомственных стандартов обмена данными о физической подготовке, что позволит тиражировать успешные решения в других силовых структурах (Росгвардия, МЧС, ФСИН).

Заключение (Conclusion). В результате проведенного теоретического исследования была достигнута поставленная цель – разработана комплексная методология проектирования цифрового учебно-тренировочного комплекса для развития силовой выносливости курсантов МВД.

Научная новизна исследования заключается в:

- систематизации принципов проектирования цифровых сред для профессионально-прикладной физической подготовки силовых структур;

- разработке целостной структурно-функциональной модели ЦУТК, интегрирующей педагогические, содержательные и технологические компоненты в единую систему;

- детализации алгоритма адаптивного функционирования комплекса, обеспечивающего персонализацию тренировочного процесса на основе объективных данных.

Теоретическая значимость работы состоит во вкладе в теорию и методику профессионального образования путем развития ее цифровой составляющей применительно к задачам ведомственной подготовки.

Практическая значимость заключается в том, что разработанная методология может быть использована в качестве опоры для реального проектирования и внедрения подобных комплексов в образовательных организациях МВД, а также других силовых ведомств.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Кубышко, В.Л. Профессиональная подготовка полицейских: учебник / В.Л. Кубышко. - В 2-х ч. Допущено МВД РФ. Ч. 2. - М. : ДГСК МВД России, 2017. - 472 с.
2. Калининченко, И.А. Психология в деятельности сотрудников органов внутренних дел : учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по направлениям подготовки «Правовое обеспечение национальной безопасности» и «Правоохранительная деятельность» / И.А. Калининченко, В.Л. Цветков, Л.Н. Костина [и др.]. - М. : Издательство «Юнити-Дана», 2019. - 207 с.
3. Савкин, А.Н. Особенности совершенствования общей выносливости курсантов в процессе обучения / А.Н. Савкин // Наука и практика. - 2014. - № 1 (58). - С. 178-181.
4. Федотов, С.Н. Влияние психологических факторов на успешность служебной деятельности курсантов образовательных организаций МВД России /С.Н. Федотов, Т.Е. Еременко // Психопедагогика в правоохранительных органах. -2016. - № 1. - С. 3-8.
5. Хромов, В.А. Динамика общей и специальной выносливости у курсантов образовательных организаций МВД России различных годов обучения / В.А. Хромов, А.А. Зайцев // Вестник экономической безопасности. - М. - 2018 -№ 1. - С. 270-274.

УДК 378**ОБ АВТОРАХ:**

Серегина Анна Александровна,
Магистрант 2-ого года обучения кафедры
иностраных языков, Направление подготовки
44.04.01 Педагогическое образование
ФГБОУ ВО «Московский государственный
университет технологий и управления им. К.Г.
Разумовского» (Первый казачий университет),
Москва, Россия

Головяшкина Марина Александровна,
кандидат педагогических наук, доцент кафедры
иностраных языков
ФГБОУ ВО «Московский государственный
университет технологий и управления им. К.Г.
Разумовского» (Первый казачий университет),
Москва, Россия

ABOUT THE AUTHORS:

Seregina Anna A.,
undergraduate, scientific specialty 44.04.01 –
Pedagogical education,
K.G. Razumovsky Moscow State University of
Technologies and Management (FCU), Moscow,
Russia

Golovyashkina Marina A.,
Ph.D, Associate professor of the Department of
Foreign languages,
K.G. Razumovsky Moscow State University of
Technologies and Management (FCU), Moscow,
Russia

Серегина А.А., Головяшкина М.А.

Моделирование процесса активизации лингвистической компетенции студентов-лингвистов с использованием возможностей искусственного интеллекта

В данной статье рассмотрены теоретические основы развития лингвистической компетенции студентов языковых направлений подготовки. Выявлены и проанализированы её структурные компоненты. Выявлен педагогический потенциал применения искусственного интеллекта с целью развития лингвистической компетенции обучающихся ВУЗа по направлению подготовки «45.03.02 Лингвистика». На основе проведённого анализа разработана адаптивно-генеративная модель развития лингвистической компетенции на основе интеллектуальных нейросистем и алгоритмы ее реализации.

Ключевые слова: лингвистическая компетенция, искусственный интеллект, алгоритм.

Для цитирования: Серегина А.А., Головяшкина М.А. Моделирование процесса активизации лингвистической компетенции студентов-лингвистов с использованием возможностей искусственного интеллекта // Социально-гуманитарные технологии. 2026. №2 (38). С. 163-170.

Seregina A.A., Golovyashkina M.A.

Activating the linguistic competence of linguistics students: an AI-based modelling approach

This article examines the theoretical foundations for developing the linguistic competence of students in language degree programs. Its structural components are identified and analyzed. The pedagogical potential of applying artificial intelligence to develop the linguistic competence of university students majoring in Linguistics is established. Based on the conducted analysis, an adaptive-generative model for developing linguistic competence, utilizing intelligent neurosystems, and algorithms for its implementation are developed.

Keywords: linguistic competence, artificial intelligence, algorithm.

For citation: Seregina A.A., Golovyashkina M.A. Activating the linguistic competence of linguistics students: an AI-based modelling approach. *Sotsial'no-gumanitarnye tekhnologii*. 2026; 2 (38): 163-170. (In Russ.)

Языковое образование в ВУЗе является основой качественного развития не только профессиональных возможностей будущих специалистов в области перевода, но и их личности. Углубленное изучение иностранного языка расширяет рамки восприятия и интерпретации «картины мира» студента. В XXI веке происходит переосмысление перспективного портрета лингвиста-профессионала, что определяет суть потребностей освоения иностранного языка студентами языковых направлений с акцентом, в частности, на лингвистические основы, изучаемые в совокупности с другими. Именно на данном фундаменте возможно успешное построение карьеры в области перевода после завершения обучения.

Потребность в квалифицированных специалистах в области перевода остается актуальной. Данное обстоятельство способствует постоянному поиску наиболее эффективных способов организации процесса развития общепрофессиональных компетенций студентов бакалавриата в рамках освоения программы высшего лингвистического образования. Данная задача закреплена в требованиях ФГОС ВО по направлению «45.03.02 Лингвистика» от 12.08.2020 года обучающиеся по данному направлению должны овладеть в полной мере общепрофессиональной компетенцией ОПК-1 [1]. Следовательно, выпускник должен овладеть лингвистической компетенцией и уметь применять ее в своей профессиональной деятельности, что является частью содержания лингводидактического процесса. В ходе данного исследования авторы статьи поднимают вопрос реализации процесса развития языковой (лингвистической) компетенции студентов-лингвистов.

В современных условиях, с ростом популярности применения возможностей интеллектуальных нейро систем, искусственный интеллект (далее ИИ) представляет ключевой инструмент организации процесса обучения. Данное средство обучения облегчает процесс подготовки учебного материала, его реализацию на учебном занятии и проверки работ любого формата.

Возможности ИИ позволяют создавать задания любого формата и на любую тему, добавлять аудиокомпоненты и т.д. Этот инструмент можно использовать для организации учебного занятия в увлекательном для студентов формате. Использование интеллектуальных нейронных систем при развитии структурных элементов иноязычной лингвистической компетенции будущих специалистов в области перевода позволяет качественно повы.

Проблема развития иноязычной лингвистической компетенции студентов, обучающихся по направлению «45.02.03 Лингвистика», остается актуальной. На рынке труда выпускникам языковых направлений подготовки предъявляются высокие требования, в том числе, владение лингвистической компетенцией на высоком уровне. Уверенное владение языковыми аспектами языка позволяет специалистам в области перевода выполнять профессиональные задачи на высоком уровне и в короткий срок. В данном исследовании авторы рассматривают процесс развития лингвистической компетенции студентов, обучающихся по направлению «45.03.02 Лингвистика».

Учебный дискурс является инструментом, формирующим образовательный дискурс. Следовательно, овладение иностранным языком означает овладение иноязычным дискурсивным процессом [2, с. 121]. Присущая ему диалогичность, как отмечает М.М. Бахтин [6, с.285], обеспечивает платформу для общения и когнитивного взаимодействия. Роль учителя состоит в том, чтобы продемонстрировать разнообразие употребления грамматических структур, развивая “языковую интуицию” студента-лингвиста [5, с. 262].

Искусственный интеллект является важным инструментом в развитии составляющих лингвистической компетентности будущих специалистов в области перевода.

В исследовании Ладонина Е.Ю. «искусственный интеллект» определяется как «универсальная технология, машина для моделирования интеллекта или создание машин с разумным поведением, но объединяет их то, что все они относятся к моделированию человеческого интеллекта машинами, в основе которого находится постоянно меняющийся и развивающийся набор технологий» [4, с.263]. Интеллектуальные нейро системы могут быть использованы для создания педагогического контента определенного содержания.

Основываясь на этих рассуждениях, авторы настоящего исследования выдвигают гипотезу относительно применения искусственного интеллекта в контексте развития лингвистической компетенции обучающихся языковых направлений подготовки. Основную цель авторы видят в составлении модели развития иноязычной лингвистической компетенции и выделении одного из наиболее актуальных инструментов ее развития – искусственного интеллекта. Интеграция современных интеллектуальных технологий в учебный процесс обновляет его, способствуя лучшему усвоению знаний. Важно подчеркнуть, что использование искусственного интеллекта в рамках коммуникативно-когнитивного подхода стимулирует работу когнитивных механизмов обучающихся. В следствии чего повышается эффективность развития компетенций, необходимых для осуществления межкультурной коммуникации.

Таким образом, искусственный интеллект становится одним из ключевых инструментов в обучении иностранному языку студентов языковых направлений подготовки.

В данном исследовании применялись теоретические и практические методы, которые позволили рассмотреть особенности организации процесса обучения посредством ИИ при развитии иноязычной лингвистической компетенции. Были задействованы следующие методы: анализ, синтез и обобщение идей отечественных и зарубежных авторов в области педагогики и методики преподавания иностранных языков.

Ранее авторами данного исследования были разработаны на основе индуктивного метода и апробированные алгоритмы формирования грамматических навыков у обучающихся 8 классов. Проведенное исследование определило универсальность и эффективность данных разработок [7]. В данном исследовании основой служит один из данных алгоритмов. Чтобы облегчить процесс развития аспектов языковой компетенции, авторы предлагают использовать тексты, разработанные ИИ и интегрированные с помощью вышеупомянутого алгоритма. На рассмотрение представлены три варианта алгоритмов развития языковой компетенции студентов-лингвистов. Данные алгоритмы могут применяться в качестве оценочного материала по завершении одного или нескольких блоков – при условии достаточного объема изученного учебного материала по любому из аспектов языковой компетенции.

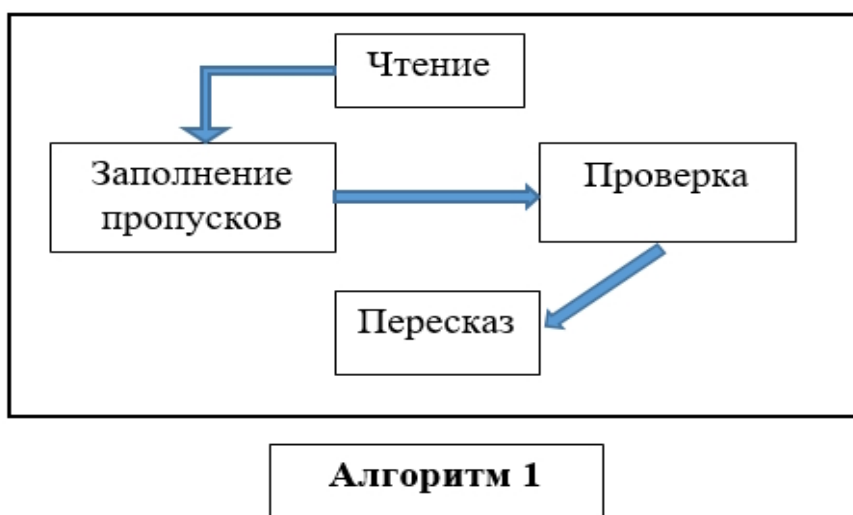

Рисунок 1. Организация работы обучающихся по развитию основных компонентов лингвистической компетенции на основе методики А.Г. Ривина

Алгоритм 1.

«Организация работы обучающихся по развитию основных компонентов лингвистической компетенции на основе методики А.Г. Ривина»

Важно подчеркнуть, что данный подход позволяет не только создавать условия для взаимодействия между студентами, но и способствовать развитию их критического мышления и навыком совместной работы. Посредством работы в парах обучающиеся анализируют текст, делают выводы и формулируют свои мысли, что значительно углубляет понимание грамматических и лексических структур и их употребления в контексте.

Отметим, что данная методика предполагает проработку разработанного посредством ИИ текстового материала в парах. Преподаватель разбивает студентов на пары и предоставляет им заранее подготовленный текст. Следуя последовательности действий в алгоритме, педагог создает условия для эффективной проработки основных компонентов языковой компетенции студентов-лингвистов:

Подготовка:

На этапе подготовки к проведению работы в рамках данного алгоритма преподавателю необходимо сгенерировать текст посредством использования платформ на основе ИИ (GigaChat, DeepSeek, TWEE и т.п.). Для получения необходимого результата предлагается ввести следующий промт:

“Создайте текст из ... слов на уровне английского B1. Сосредоточьтесь на употреблении Подготовьте две версии текста с ... пробелами в каждом, ориентируясь на В каждой версии пробелы должны быть в разных местах”. Необходимо подготовить ручки разных цветов, которым обучающиеся будут заполнять пробелы.

I этап: «Чтение текста».

На первом этапе работы в рамках данного алгоритма преподаватель обращает внимание студентов на тексты, разложенные на партах заранее. Одна пара получает два листа с одинаковым текстом, но с пробелами в разных местах и разноцветные ручки (две ручки разного цвета на одну пару).

Последующие шаги, включающие заполнение пропусков, обоснование своего выбора ответа посредством его обсуждения в парах, стимулируют активное использование определённых грамматических и лексических структур. Результатом данной работы является как активизация, так и развитие языковых навыков. Следовательно, происходит более глубокое усвоение языкового материала и повышению уверенности обучающихся в осуществлении коммуникации на иностранном языке.

В процессе работы учитель активно наблюдает за работой пар, обеспечивая своевременную обратную связь и направляя студентов к осмысленному анализу учебного материала и практическому применению изученных языковых аспектов. Это создает благоприятную и комфортную обстановку, в которой студенты готовы работать самостоятельно, что, в свою очередь, способствует позитивному отношению к изучению иностранного языка (см. рис. 2).

Студенты читают один абзац предложенного каждому из них текста. После прочтения обучающиеся обмениваются раздаточными материалами со своим партнером и заполняют пропущенные лексические и грамматические конструкции по памяти. Таким образом им необходимо заполнить все пробелы в текстах. По завершении обучающиеся сравнивают свои тексты и проверяют, нет ли ошибок.

II этап: «Пересказ текста с использованием выявленных грамматических и лексических конструкций».

После тщательной проработки текста посредством заполнения пропусков обучающиеся составляют пересказ. На данном этапе важно определить критерии, в соответствии с которыми студенты будут выполнять данное задание. Обязательным требованием является использование выявленных грамматических и лексических конструкций.

Таблица 1 - Преимущества и недостатки «Алгоритма 1»

Преимущества	Недостатки
1. Возможность использования текстов на различные лексические темы в рамках одного урока; 2. Развитие когнитивных способностей учащихся: восприятия, памяти, аналитических способностей; 3. Развитие навыков работы в паре; 4. Задействование всех языковых навыков, кроме аудирования.	1. Отсутствие заданий на аудирование.

Этот текст можно использовать для обобщения и проверки материала перед итоговым тестированием.

Особенно важно в заключительной части урока провести рефлексию и дать обратную связь, позволяя обучающимся осознать свои успехи и определить направления для дальнейшего развития. Такой инструмент как рефлексия позволяет подвести итоги урока и определить планы дальнейшего изучения иностранного языка. Несмотря на некоторые недостатки (см. Таблица 1), применение данной методики создает богатую базу для всестороннего и целенаправленного обучения студентов грамматическим навыкам.

Рисунок 2. Развитие языковой компетенции с помощью технологии Dictogloss

Алгоритм 2.

«Развитие языковой компетенции с помощью технологии Dictogloss».

Данная методика также предполагает парную работу с предложенными текстами. Преподаватель разбивает учащихся на пары и предоставляет им текст, подготовленный с использованием искусственного интеллекта (подготовительный этап описан в Алгоритме 1) и организует работу с обучающимися в соответствии со следующими этапами:

Подготовительный этап:

На этапе подготовки к проведению работы в рамках данного алгоритма преподавателю необходимо сгенерировать текст посредством использования платформ на основе ИИ (GigaChat, DeepSeek, TWEE и т.п.). Для получения необходимого результата предлагается ввести следующий промт: «Создайте текст из ... слов на уровне английского B1. Сосредоточьтесь на употреблении ... ». В данном алгоритме предполагается прослушивание аудиозаписи, сгенерированной в приложении на основе ИИ «NaturalReader». Темп, тембр и другие характеристики озвучивания текста выбираются на усмотрение преподавателя. Необходимо подготовить набор не синих ручек, которыми обучающиеся будут проверять работы друг друга. Цвет выбирается на усмотрение преподавателя.

I этап: «Диктант, направленный на выявление пропущенных конструкций, необходимых для заполнения пробелов в предоставленных текстах».

Работа по данному алгоритму начинается с организации парной работы: педагог формирует пары и обращает внимание студентов на тексты, сгенерированные ИИ. Стоит обратить внимание, что одна пара получает два листа с одинаковым текстом. Студентам необходимо заполнить пробелы самостоятельно, прослушивая подготовленную аудиозапись. Текст прослушивается дважды: первое прослушивание позволяет выявить пропущенные грамматические и лексические конструкции, второе - провести проверку заполненных ответов.

После второго прослушивания и завершения заполнения пробелов, обучающиеся обмениваются работами со своим партнером. Далее происходит проверка, которая предполагает оценку ответов посредством восстановления выявленной информации по памяти. Обучающиеся исправляют ошибки (если таковые будут выявлены) полученными ранее не синими ручками.

II этап: «Пересказ текста с использованием выявленных конструкций».

Обучающиеся составляют пересказ на основе проверенных ими текстов с обязательным использованием выявленных грамматических и лексических структур.

Таблица 2 - Преимущества и недостатки «Алгоритма 2»

Преимущества	Недостатки
1. Задействуются все четыре языковых навыка: аудирование, чтение, письмо и разговорная речь; 2. Развитие когнитивных способностей учащихся: внимательности, памяти, восприятия; 3. Этот процесс обеспечивает актуальность текстов, соответствие их уровню и идеальное соответствие грамматической цели урока.	1. Работа с одним текстом может снизить интерес учащихся к активному участию в уроке.

Особенно важно не забывать про проведение в заключительной части урока рефлексии. Несмотря на некоторые недостатки (см. Таблица 2), применение данной методики создает богатую базу для всестороннего и целенаправленного обучения студентов грамматическим навыкам.

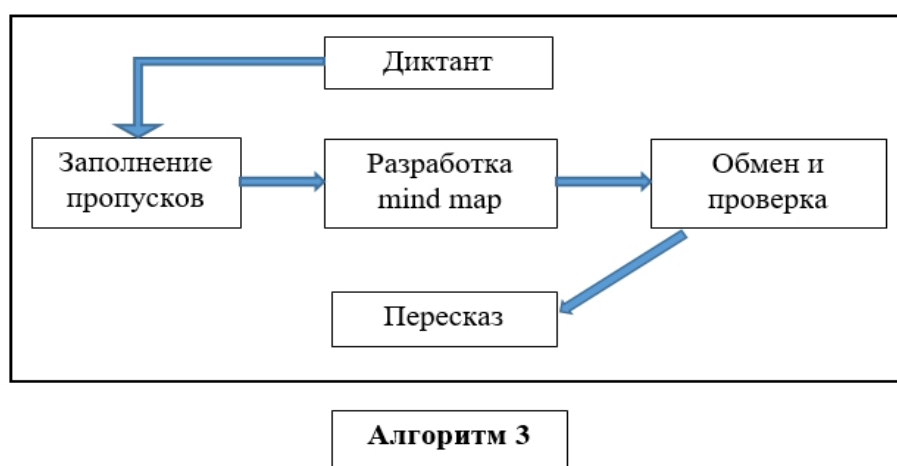

Рисунок 3. Развитие лингвистической компетенции посредством использования технологии Dictogloss и mind map

Алгоритм 3.

«Развитие лингвистической компетенции посредством использования технологии Dictogloss и mind map».

Этот алгоритм идентичен «Алгоритму 2», однако в него добавлен III этап: «Составление ментальной карты». Данный алгоритм подходит для работы со сложными текстами или при возникновении трудностей в процессе составления пересказа. Ментальная карта служит «подсказкой», на которую обучающиеся могут ссылаться при составлении устного пересказа с использованием конструкций из проработанного текста.

В ходе проведения учебного занятия с включением данного алгоритма у студентов 2 курса направления «Лингвистика» были выявлены особенности его применения:

1. необходимость чётких критериев для составления пересказа, одним из которых является обязательное использование косвенной речи в пересказе.
2. постановка задачи на критический анализ ответов одноклассников.
3. все этапы алгоритма, кроме составления ментальной карты, выполняются студентами самостоятельно.
4. текст генерируется с акцентом на пройденный лексико-грамматический материал для его интегративного закрепления в устной и письменной практике.

Данный алгоритм, где ментальная карта выступает структурной опорой, облегчает пересказ сложных текстов и способствует активному использованию усвоенных языковых конструкций.

Ожидаемым результатом изучения иностранного языка является приобретение иноязычной лингвистической компетенции, которая является фундаментом для формирования и развития коммуникативной. Такой формат способствует лучшему усвоению и интеграции в речь новых грамматических конструкций.

Рисунок 4. Модель развития иноязычной лингвистической компетенции

Внедряя в педагогическую практику алгоритмы активизации иноязычной лингвистической компетенции посредством применения ИИ, преподаватель должен учитывать следующие практические рекомендации по их применению.

Теоретический анализ и методические разработки, представленные в данной статье, позволяют сделать следующие выводы:

1. Синтез текстовой методологии, индуктивного подхода и возможностей интеллектуальных нейронных систем создает мощную современную основу для развития лингвистической компетентности. Искусственный интеллект устраняет ключевую слабость статичных текстов, позволяя создавать динамичные, персонализированные и привлекательные учебные материалы.

2. Подробные алгоритмы демонстрируют практическую модель интеграции ИИ в учебный процесс. Конкретные примеры подсказок ИИ показывают, как учителя могут эффективно создавать целевые материалы для решения любой грамматической задачи.

3. Универсальная применимость предложенных алгоритмов в сочетании с возможностью настройки, предлагаемой ИИ, предоставляет преподавателям гибкий инструмент для улучшения обучения грамматике. Такой подход способствует более глубокому когнитивному вовлечению, автономии и интеграции всех языковых навыков.

Таким образом, проведенное исследование подтверждает, что интеграция искусственного интеллекта в процесс формирования лингвистической компетенции студентов-лингвистов создаёт принципиально новые дидактические возможности, позволяя преодолеть ограничения традиционных статичных материалов за счёт генерации персонализированных, содержательно и грамматически целевых учебных текстов. Разработанные алгоритмы, сочетающие индуктивный метод, парное взаимодействие и технологии типа Dictogloss, демонстрируют практическую модель эффективного использования ИИ для активизации грамматических навыков, активизируя когнитивные механизмы

обучающихся и обеспечивая интеграцию всех видов речевой деятельности. Предложенный подход не только повышает эффективность и увлекательность учебного процесса, но и предоставляет преподавателю гибкий инструментарий для адаптивного обучения, открывая перспективы для качественной модернизации лингводидактики в контексте цифровой трансформации образования.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Акт министерств и ведомств "Приказ об утверждении Федерального государственного образовательного стандарта высшего образования - бакалавриат по направлению подготовки 45.03.01 Лингвистика " от 12.08.2020 № 969 // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. - 2020. - Режим доступа: <https://base.garant.ru/74561294/> (дата обращения: 28.12.2025 г.)
2. Гальскова Н.Д., Гез Н.И. Теория и методика обучения иностранным языкам. Лингводидактика и методика: учеб. пособие. М.: Академия, 2006. 336 с.
3. Гулько И.В. Основные положения когнитивно-коммуникативного подхода в обучении иностранному языку // Вестник науки. - 2023. - №12. - С. 919-927
4. Ладонина, Е. Ю. Введение цифровых технологий в процесс преподавания иностранного языка в вузе // Современные исследования социальных проблем. – 2023. – Т. 15, № 4. – С. 49-62
5. Пассов Е.И., Кузовлева Н.Е. Основы коммуникативной теории и технологии иноязычного образования: методическое пособие для преподавателей русского языка как иностранного. М.: Русский язык. Курсы, 2010. 568 с.
6. Пыркова, Т. А. Содержание и структура лингвистической компетенции / Т. А. Пыркова, М. Л. Кусова // Актуальные вопросы филологической науки XXI века : Сборник статей IV Международной научной конференции молодых ученых, посвященной 80-летию юбилею кафедры иностранных языков, Екатеринбург, 07 февраля 2014 года / Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина; Общая редакция: Ж. А. Храмушина, А. С. Поршнева, Л. А. Запелова, А. А. Ширшикова. – Екатеринбург: Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2014. – С. 260-264
7. Серегина А.А., Головяшкина М.А. Применение индуктивного метода при обучении грамматике английского языка обучающихся основной общей школы // Транслингва: вопросы современной науки и технологий сквозь призму языкового сознания. - Москва: Ваш формат, 2024. - С. 164-168
8. Соловова Е.Н. Методика обучения иностранным языкам: базовый курс лекций: пособие для студентов пед. вузов и учителей. – 4-е изд. – М.: Просвещение, 2006. – 239 с.
9. Титова, С. В. Интеллектуальные агенты в обучении ИЯ: типология, возможности, вызовы / С. В. Титова, К. Т. Темурян // Язык и культура. – 2024. – № 65. – С. 262-287
10. Филатова, В. А. Содержательный компонент лингвистической компетенции при обучении иностранному языку студентов IT специальностей / В. А. Филатова, А. М. Митяева // Ученые записки Орловского государственного университета. – 2022. – № 4(97). – С. 334-337